

Йохен фон Ланг

Протоколы Эйхмана

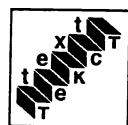
МАГНИТОФОННЫЕ ЗАПИСИ
ДОПРОСОВ В ИЗРАИЛЕ

Йохен
фон Ланг

Протоколы
Эйхмана

JOCHEN VON LANG

DAS EICHMANN-
PROTOKOLL

Tonbandaufzeichnungen
der israelischen Verhöre

Mitarbeit Claus Sibyll

Nachwort Avner W. Less

ЙОХЕН ФОН ЛАНГ

ПРОТОКОЛЫ
ЭЙХМАНА

Магнитофонные записи
допросов в Израиле

При участии Клауса Зибилла

Послесловие Авнера В. Лесса

Перевел с немецкого
Михаил Черненко

Москва «ТЕКСТ» 2002

«Дом еврейской книги»

УДК 94(1-87)
ББК 63.3(0)62
Л22

К ПЯТИЛЕТИЮ ОБЩИННОГО ФЕСТИВАЛЯ
ЕВРЕЙСКОЙ КНИГИ В МОСКВЕ

מספר לקליטת עליה בחיפה

מספר ספרייה 33041

8487

8152 / 1

ISBN 5-7516-0325-7

© Paul Zsolnay Verlag, Wien 1991

© «Текст», издание на русском языке, 2002

Посвящается жертвам

ПРЕДИСЛОВИЕ

Незадолго до полуночи 31 мая 1962 г. в Израиле был казнен по приговору суда за преступления против человечества и еврейского народа бывший гестаповец Адольф Эйхман. Труп его сожгли, пепел рассеяли — чтобы не сохранилось и следов убийцы. Но о его преступлениях будут помнить вечно. То, в чем Эйхман признавался на допросах капитану израильской полиции Лессу, оказалось ценнее всего, что люди узнали ранее о нацистском механизме уничтожения людей. На свет явились в пугающем обличье новые, ранее неизвестные подробности.

До похищения Эйхмана из Аргентины мир не ведал, что начальник «еврейского отдела» гестапо жив. Да и прежде, в Третьем рейхе, он был мало кому известен. И за долгие месяцы, пока шел судебный процесс, не раз звучал вопрос, в самом ли деле незаметный эсэсовский фюрер ответствен за истребление евреев в фашистском рейхе.

О ключевой роли Эйхмана в «окончательном решении еврейского вопроса» говорилось еще во время Нюрнбергского процесса в 1946 г. Здесь же предстояло выяснить, не был ли Эйхман, «мелкий начальник», скорее козлом отпущения для других преступников, о чем он и заявлял на допросах в Израиле.

Нет, роль Эйхмана оказалась решающей. Именно он отвечал за истребление евреев, хотя сам и не занимался умерщвлением людей. Это он сгонял людей в гетто, формировал эшелоны, уходившие в лагеря уничтожения; он поручал разрабатывать графики перевозок и расписание поездов; он, посещая Освенцим и Майданек, составил собственное представление о технике массового убийства людей и позаботился о полном использовании мощности газовых камер.

На процессе по его делу в Израиле было доказано, что Эйхман с самого начала участвовал в планировании массового уничтожения. Не по званию, а по роду своей деятельности он был отнюдь не «скромным чиновником» в огромной машине преступлений.

Эйхман не наслаждался страданиями других, он не был садистом. Он выполнял свою работу за письменным столом — и посылал на смерть миллионы. Бюрократу Эйхману не доставало чувства и фантазии, чтобы измерить организованное им страдание. Когда он узнал от ведущего допрос офицера, что отец того погиб в лагере, он нашел это «ужасным». Но виновным чувствовал себя лишь частично — ведь сам он не убил ни одного из миллионов евреев — «только транспортировал», отправлял их в лагерь смерти, да и то «по приказу». И на допросах повторял, что область его ответственности заканчивалась перед воротами лагеря. Отбор на принудительные работы, убийство и сжигание трупов не относились к его компетенции...

В молодости Эйхман, не имея особых интересов и не обладая специальными знаниями, попал в нацистскую Службу безопасности (СД) и там, в значительной степени случайно — в еврейский отдел. Настойчиво и прилежно он вникал в дела и продвигался по службе. Работа в гестапо удовлетворяла его, давая власть над миллионами евреев и сотней-другой эсэсовцев. Гиммлеру не найти было другого такого — способного организатора, бесчувственного и надежного исполнителя. В отделе Эйхмана царил порядок во всем. И на допросах в Израиле он с явным удовольствием разъяснял следователю структуру управлений СД, круг обязанностей управлений и отделов, субординацию, рамки ответственности и правила подписи.

Следователь, капитан израильской полиции Лесс, перед первой встречей с Эйхманом ожидал увидеть монстра. Он был крайне удивлен и, можно сказать, разочарован, когда перед ним оказался самый обыкновенный человек. Действительно, в убийце миллионов не было никакой кровожадности. И на всех этапах своей второй жизни — в Германии после войны, в Австрии и Аргентине — Эйхман ни в чем не провинился, никогда не подвергался взысканиям. Кто знает, не будь приказов о массовых убийствах, — не остался бы он честным бюргером, отцом семейства с незапятнанной репутацией?

Тот, кто отвечает утвердительно на этот вопрос, должен рассчитывать на появление нового Эйхмана. Тоталитарным режимам подобные фигуры необходимы, без них они не могут существовать.

Йохен фон Ланг

ЧАСТЬ 1

ЛЕТОПИСЕЦ. Гитлер не раз заявлял публично, что «с еврейством будет покончено». Восьмого ноября 1942 г. в мюнхенской пивной «Лёвенброй» он цинично шутил перед «старыми бойцами» своей партии: «Над моими пророчествами всегда смеялись. Из тех, кто тогда смеялся, очень многие сегодня уже не смеются. А те, кто продолжает смеяться, возможно, скоро смеяться не будут...» В то время трубы крематориев в лагерях уничтожения уже дымили днем и ночью. Речь транслировалась всеми германскими радиостанциями и была напечатана в газетах дословно. Но большинство немцев посчитали эти фразы риторическими угрозами — это, мол, так, поугагать врагов.

Гораздо конкретнее об «истреблении еврейского народа» говорил 4 октября 1943 г. в Познани рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Речь была секретной. Гиммлер сказал: «Большинство из вас хорошо знает, что это такое, когда свалена в ряд сотня трупов, когда сложены пятьсот трупов или когда там лежит их тысяча. Вынести такое и остаться, вопреки всем человеческим слабостям, порядочными людьми — вот что нас закалило».

Для этой кровавой фабрики смерти нужен был аппарат. Отдающих приказы и подчиняющихся им, организаторов и ревностных исполнителей, убийц и тех, кто замечает следы. Самыми жестокими, исполнительными и пунктуальными были эсэсовцы. Себя они считали элитой национал-социализма. Один из этого «Черного ордена» — Адольф Эйхман, руководитель «еврейского отдела» в аппарате РЗХА, Главного управления безопасности рейха. К тому времени немцы уже научились бояться всевластия этого учреждения, известного сначала просто как тайная государственная полиция, гестапо.

Адольф Эйхман был так же неизвестен в «Третьей империи», как десять тысяч других чиновников этого высокого государственного учреждения. Но после Второй мировой войны его имя стало синонимом геноцида и убийств.

Что это был за человек? Как он решился на такое? Что это было за время, какие обстоятельства сформировали его? Он сам ответил на эти вопросы.

Авнер Лесс — капитан израильской полиции. Генеральный прокурор государства Израиль поручил ему допрашивать Эйхмана, чтобы подготовить судебный процесс. Начиная с 29 мая 1960 г., он просидит не одну сотню часов напротив человека, пославшего на смерть миллионы евреев, в том числе отца капитана и дядюшку его родственников. Отец Лесса, берлинский фабрикант и фронтовик Первой мировой войны, был отправлен через концлагерь Терезиенштадт в газовую камеру Освенцима. Ему, кавалеру ордена «Железный крест», пожаловали, как говорит с горькой иронией сын, «привилегию» быть убитым одним из последних.

ХОФШТЕТТЕР. Вы меня, наверное, узнали? Я полковник Хофштеттер из уголовной полиции.

ЭЙХМАН. Так точно!

ХОФШТЕТТЕР. Господин Эйхман, мне сообщили, что вы готовы — и даже заинтересованы — изложить свою версию: о вашей роли в так называемом Третьем рейхе. Это верно?

ЭЙХМАН. Да, это верно.

ХОФШТЕТТЕР. Вам понятно, что о каком-либо принуждении вас к даче показаний не может быть и речи?

ЭЙХМАН. Так точно!

ХОФШТЕТТЕР. Что ж, капитан Лесс останется здесь с вами, чтобы заняться вашими показаниями сегодня же, прямо сейчас. Очевидно, вам понадобятся какие-то документы. Капитан Лесс составит список таких документов, и мы попытаемся по возможности предоставить их в ваше распоряжение. Вот, собственно, и все!

ЛЕСС. Я думаю, вы могли бы начать с биографии.

ЭЙХМАН. Я родился 19 марта 1906 г. в Золингене, в Рейнской области. Мой отец служил бухгалтером в «Электрической трамвайной компании», так примерно называлось предприятие. В 1913 г. отца перевели в город Линц на Дунае, в тамошнюю «Электрическую трамвайную компанию», кажется, в связи с кредитом, предоставленным концерном АЭГ этой австрийской фирме. И там

отец работал до 1924 г. коммерческим директором. Отец перевез семью в Австрию в 1914 г., значит, с этого года я жил с моими родителями, братьями и сестрами в Линце на Дунае, в Верхней Австрии.

ЛЕСС. Может быть, вернемся чуть назад. Как звали вашего отца?

ЭЙХМАН. Моего отца звали Адольф Карл Эйхман. Моя мать — Мария Эйхман, урожденная Шефферлинг.

ЛЕСС. Сколько у вас братьев и сестер?

ЭЙХМАН. Мой отец был женат дважды. Моя мать умерла в 1916 г. В этом браке родилось пятеро детей. Следующий после меня был Эмиль, двумя годами моложе меня.

ЛЕСС. Он родился в 1908 г.?

ЭЙХМАН. Наверное, да, господин капитан, а следующий, Гельмут, был на три года моложе меня. Он погиб в Сталинграде во время войны. Следующей была сестра, Ирма, она, я думаю, на четыре года моложе меня или на пять. Прошло уже восемнадцать лет, как я виделся с ними. Следующий брат, наш младший в этом браке, был Отто. Частые роды привели к ранней смерти матери. В 1916 г. отец женился во второй раз на очень строгой, религиозной женщине протестантской веры.

ЛЕСС. Принадлежите ли вы к какой-либо церкви?

ЭЙХМАН. Я принадлежал до 1937 г. к евангелической церкви, но потом вышел из нее. В дальнейшем, за 15 лет, прошедших после 1945 г., обретая новый опыт, я внутренне вернулся к церкви, но официально в нее не вступил, потому что стеснялся. Главным образом из-за отца, который был очень религиозным человеком; несколько десятков лет он был общественным пресвитером евангелической церковной общины в Линце. Он умер недавно, 2 февраля этого года.

ЛЕСС. Вы состояли какое-то время в Обществе христианской молодежи?

ЭЙХМАН. С малых лет. Вся семья отправлялась по воскресеньям к девяти часам в церковь, и после церкви или после обеда мы шли в Общество христианской молодежи. Только потом, когда там руководство воспитанием молодежи стало меняться и с новыми людьми добрых отношений уже не было, я перешел в «Юные туристы», в

группу «Гриф». Они входили в Молодежный союз. Я еще состоял там, когда мне было уже 18 лет.

ЛЕСС. В какой школе вы учились в Линце?

ЭЙХМАН. В Линце я ходил в начальную школу, до 4-го класса, а потом поступил в реальное училище, там учился тоже до 4-го класса.

ЛЕСС. Какое именно реальное училище?

ЭЙХМАН. Государственное реальное училище имени кайзера Франца-Иосифа, потом оно называлось — Федеральное реальное училище, потому что как раз в то время произошел переворот.

ЛЕТОПИСЕЦ. *В былые времена Эйхман не преминул бы на этом месте заметить, что и Адольф Гитлер ходил в ту же школу — всего на год-другой раньше.*

ЛЕСС. Сколько времени вы учились в гимназии? Четыре года? В каком году ее окончили?

ЭЙХМАН. Наверное, в 1916—1917-м я окончил начальную школу. Во время революции был в реальном училище. Я еще припоминаю, что во время занятий были волнения.

ЛЕСС. На какой улице вы жили в Линце?

ЭЙХМАН. На Бишофштрассе, дом 3.

ЛЕСС. Это был многоквартирный дом?

ЭЙХМАН. Многоквартирный дом, прямо в центре города.

ЛЕСС. После того как вы в 15 лет, в 1921 г., окончили школу, вас призывали на годичную службу в армию?

ЭЙХМАН. Нет, в наше время этого уже не было. Я поступил тогда в государственное Высшее федеральное училище электротехники, машиностроения и строительства. Это тоже в Линце. Я там проучился четыре семестра.

ЛЕСС. Вы потом работали по специальности?

ЭЙХМАН. Да. К тому времени мой отец ушел на пенсию досрочно, потому что открыл собственное дело и сначала основал в Зальцбурге горнопромышленную компанию, в которой у него был 51 процент акций. Шахта была между Зальцбургом и границей. Но производство заглохло в самом начале. Еще он вошел в долю предприятия по строительству мельниц, это на реке Инн, в Верхней Австрии. Он потом не раз жалел об этом, потому что влетел как раз в экономический кризис в Австрии, и де-

ло не только не шло, но и сбережения отца и сбережения моей второй матери тоже пошли в это предприятие и обратились в прах. Я забыл рассказать, что отец еще стал в Зальцбурге совладельцем машиностроительной компании, которая делала локомобили. Но ее предыдущий единоличный владелец повесился после того, как вложенные моим отцом в качестве компаньона деньги были каким-то образом растрчены. После этого отец закрыл горнопромышленную компанию, но еще много лет платил в казну какой-то налог, горную ренту.

ЛЕСС. На каком предприятии вашего отца вы работали?

ЭЙХМАН. Когда я... Ну да, отец забрал меня из школы. Надо признать, еще и потому, что я был не самым прилежным школьником. Он отправил меня на шахту. Я должен был там работать под землей и на поверхности. Это была маленькая шахта. Главная штольня была не длиннее 300 метров. Несколько боковых выработок и неглубокие стволы. Собирались добывать смолу из горючих сланцев, сланцевое масло для медицинских целей, асфальт какой-то... Штейгер, мастер, посылал меня работать вместе с другими, там было еще несколько рабочих.

ЛЕСС. Сколько человек было занято в этом производстве?

ЭЙХМАН. Всего, я думаю, десять.

ЛЕСС. Сколько времени вы там работали?

ЭЙХМАН. Месяца три, наверное, не дольше. Затем меня определили в «Верхнеавстрийскую электрическую компанию» в качестве волонтера, как это тогда называлось. Я мог опять пойти учиться, мог — добровольцем в армию на один год, как это тогда называли. Все родители в то время придавали большое значение тому, чтобы их дети прошли, по крайней мере, эту годовичную военную службу. А волонтером — так это тогда называлось, не ученичество, а волонтер — я пробыл в этой компании два с половиной года.

ЛЕСС. В каком отделении вы обучались? Вы прошли через все отделения?

ЭЙХМАН. Нет, только электротехнику. Отец хотел, чтобы я попал в торговый отдел, где сбыт продукции. В это время как раз появилось радио. И я занялся этим новым изданием, потому что это было нечто необычное. Через два с половиной года отец объяснил мне, что так я никогда

не добьюсь успеха. Он хотел меня устроить в компанию «Вакуум ойл», это называлось — разъездным уполномоченным, по Верхней Австрии. Наверное, мои родители прочли объявление в газете. Мать, которая у нас в большинстве случаев брала инициативу в свои руки, обратилась к кузену, а он был президент Австрийского автомобильного клуба. Он жил в Вене, а его близкий друг был генеральным директором филиала «Вакуум ойл» в Австрии. Некто господин Вайс.

ЛЕСС. Вы с этим господином Вайсом встречались лично и беседовали?

ЭЙХМАН. Нет, нет, я должен был явиться к местному начальнику в Линце, который мне сообщил, что у него очень много желающих и он должен отправить меня в Вену, чтобы я представился там.

ЛЕСС. Сколько лет вам тогда было?

ЭЙХМАН. Я был очень молод, извините, я должен сообразить, минутку!

ЛЕСС. Да-да, пожалуйста, господин Эйхман, хотите сигарету?

ЭЙХМАН. Если позволите! В 1928 г., мне было 22 года. Я приехал в Вену, пришел в управление «Вакуум ойл», и меня послали к некоему господину Попперу, который мне сообщил, что генеральный директор Вайс велел меня принять, хотя я слишком молод. Наверное, он получил указания от своего высокого начальства. Я явился снова в контору в Линце и потратил следующие дни на то, чтобы усвоить все эти названия, марки продуктов — бензин «сфинкс», керосин, разные сорта машинного масла... Сначала меня послали работать по городу, а через неделю или, может быть, через две недели такого обучения мне поручили обслуживать самостоятельно район в Верхней Австрии.

ЛЕСС. Район, который вам поручили обслуживать, был большой?

ЭЙХМАН. Конечно, это половина Верхней Австрии!

ЛЕСС. Все это время вы жили у родителей? У вашего отца и мачехи?

ЭЙХМАН. Я жил дома, так точно, но приезжал домой только на субботу и воскресенье или иногда, если было по пути, среди недели. Я занимался главным образом уста-

новкой бензонасосов в своем районе. Одновременно в мои обязанности входило обеспечение поставок керосина, потому что эти места были слабо электрифицированы. Заниматься керосином было интереснее, это было что-то солидное, а не из области моды.

Мюльфиртель — это такая сонная местность, люди жили там как и 50 или, может быть, 100 лет назад. Мне это было по душе. К тому же — чудесная природа, лиственный и смешанный лес, сосны, ели. К тому же романтическая местность. Там много старинных замков, правильнее сказать — их развалин, в том числе очень древних, подлинных. Я их во время поездок всегда посещал.

Так вот, я там был до 1933 г., и тогда меня перевели в Зальцбург. Этот перевод меня не устраивал. И я ничего о нем не знал заранее. Я приехал в Зальцбург, получил там самые далекие участки вокруг города и сначала радовался, потому что была зима, горы вокруг, все заснежено. Но потом, перед началом сезона, суета, полно приезжих в Кицбюле, в Хофгаштейне, в Бад-Гаштейне... Меня пугало, что работы так много. Она меня уже не радовала, мне уже не хотелось продавать, ездить. Я, конечно, выполнял свои обязанности, а тут после Троицы директор Блум говорит мне: «Персонал надо сокращать». А я единственный холостой из разъездных представителей, поэтому они решили меня уволить.

ЛЕСС. Это было в 1933 г.? После праздника Троицы?

ЭЙХМАН. Я-то был очень рад, что меня увольняют. Но родителям это не понравилось. Я получил расчет за пять месяцев — по числу лет, проработанных в фирме, — и уведомление, с какого числа я уволен.

ЛЕСС. А после того, как вы опять вернулись в Линц?

ЭЙХМАН. Вернувшись к родителям, я раздумывал, чем бы теперь заняться. Предприятия моего отца не были успешны; он потерял всё и теперь искал себе место генерального представителя в Верхней и Нижней Австрии. У него еще оставались связи, образовавшиеся за 24 года работы в электрических концернах. Сначала он получил представительство от «Филипса» — радиолампы, потом от аккумуляторного завода «Варта». А я не хотел разъезжать с радиолампами и батарейками. Мне казалось, что вот я сам начну торговлю смазочными маслами. Буду

представлять марку какого-нибудь аутсайдера, фирму, не входящую в картель. У меня ведь была клиентура, особенно в Верхней Австрии.

Я сразу же встретился с затруднениями; теперь уже не помню, финансовыми, или что-то не получалось с местом — во всяком случае, помню, как отправился к своему первому клиенту и внезапно прервал поездку. Я подумал: я же германский подданный! Так поеду в Германию и попытаюсь там устроиться в «Вакуум ойл».

ЛЕСС. Что вас привело к этому решению?

ЭЙХМАН. Я был довольно молодым человеком и привык, что мною руководят, по крайней мере, в делах направляют меня. И вот получалось, что я пал духом. И еще были какие-то трудности; так или иначе, я решил все оставить и сказал родителям, что поеду в Германию. Германия такая большая, и там, конечно, есть еще работа, может быть даже в торговле маслами. Ведь в это время в Австрии была сильная безработица.

ЛЕСС. Это все происходило еще в 1933 г.?

ЭЙХМАН. Так точно! Чтобы все это было совершенно ясно, я должен теперь переключиться со служебных дел на так называемые политические...

ЛЕТОПИСЕЦ. С безработицей в Австрии дела обстояли не намного хуже, чем в Германии, где в то время шесть миллионов человек все еще искали работу. Правда, Гитлер уже объявил, что за четыре года всем даст работу и хлеб, но в условиях распространившегося на весь мир кризиса это казалось маловероятным. Что на самом деле влекло Эйхмана через границу, легко понять из его следующих показаний.

ЭЙХМАН. ...Тогда будет также понятно, почему я, помимо деловых соображений, вдруг захотел уехать. Вон из Австрии — в Германию! Еще во время учебы в школе у нас были разные группы— безобидные, конечно: националисты, социалисты, монархисты. Ну, как это молодые люди подхватывают, революционный дух и тому подобное, ничего такого не имея при этом в виду. Можно было вступить в такую группу только потому, что школьный друг был монархист или националист. Дома ведь о политике никогда не говорилось. Моего отца совершен-

но не интересовала политика. У меня в Линце много лет был друг, его звали Фридрих фон Шмидт, его отец был генерал-лейтенантом. Я не был с ним знаком, потому что он умер до того, как я подружился с его сыном. Их семья страшно гордилась отцом, потому что он из рядовых дослужился при кайзере Франце-Иосифе до генерала; он, наверное, был очень храбрым, настоящий солдат, очень достойный человек. Во всяком случае, это была очень приличная семья. Мать моего друга была прямо как графиня. После того как их мир в 1919 г. рухнул, эта семья жила своими прежними представлениями. Поддерживала у себя такой «климат». С точки зрения этикета у них как бы ничего не изменилось. Только мой друг Фридрих фон Шмидт выпадал иногда из этой роли, вел себя развязно. А у него были связи с фронтовиками Первой мировой войны, он ведь жил в этой военной среде. И однажды он запросто вовлек меня в «Молодежный союз фронтовиков», так это называлось — молодежное отделение Германско-австрийского объединения фронтовиков, и я туда записался. Их девиз гласил: «Общественная польза важнее личной». Это была единственная организация, которая тогда наряду с республиканским «шлүцбундом» социал-демократической партии Австрии осмеливалась выходить на улицы, маршировать — очень редко, конечно. Наверное, их поддерживало тогдашнее правительство. Большинство их членов были настроены монархически. И только очень малая часть в то время была настроена националистически... О национал-социализме еще и речи не было.

ЛЕСС. Значит, в первую очередь «австрийские» настроения?

ЭЙХМАН. Мы, молодые люди, ездили иногда на трамвае в Кляйн-Мюнхен, пригород Линца. Там были стенды стрелкового общества, и там мне впервые вручили карабин для стрельбы в цель, я это точно помню. Началось это с «Объединения фронтовиков», очевидно, в 1928 — 1929 гг. Где-то в 1931 г. уже возникли противоречия между националистами и монархистами. В то время по улицам маршировали уже СА. И СС в Линце старались вербовать себе людей из объединения фронтовиков, потому что нам разрешалось, и правительство это терпело,

заниматься стрелковой подготовкой; для СС в то время это было совсем небезразлично.

В один прекрасный день в погребке — такая, знаете, большая пивная на баварский манер, с мартовским пивом, было собрание НСДАП, как они себя называли. Выступал тогдашний гауляйтер Боллек. И ко мне подошел некий Кальтенбруннер, Эрнст. Мы немного знали друг друга, его отец был адвокатом в Линце, и они с моим отцом общались по делам уже лет двадцать. Так вот, Эрнст Кальтенбруннер категорически потребовал: «Ты поступаешь к нам!» Так уж это получилось, бесцеремонно как-то... Я сказал тогда: «Ну ладно». Так я и попал в СС.

ЛЕСС. Это было в тысяча девятьсот...

ЭЙХМАН. Это было в 1931-м в конце года или в начале 1932-го. Это должно быть видно по моим документам. Я теперь уже точно не помню.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Личное дело Эйхмана было найдено, оно хорошо сохранилось. В нем имеется, в числе прочего, собственноручно написанная в 1937 г. автобиография. Там значится день вступления в партию и в СС — 1 апреля 1932 г. Членский партийный номер — 889895; номер в СС — 45326. С таким стажем и номерами Эйхман не считался даже в Австрии «старым бойцом», настоящим ветераном.*

ЭЙХМАН. В Зальцбурге я продолжал нормально работать в «Вакуум ойл», а каждую пятницу возвращался в Линц и там нес службу в СС, в «коричневом доме», так это называлось. Его купила партия; я там спал на соломенном матрасе и дежурил ночью — ведь в остальные дни меня нельзя было застать. Поскольку я был один из немногих, у кого была работа, и очень даже хорошо зарабатывал, мне всегда были рады, там ведь рядом с этим «коричневым домом» был ресторанчик, и я заказывал пиво или сидр и сигареты на всю компанию. В субботу утром я шел домой, мылся и еще делал свою работу для «Вакуум ойл» — писал отчеты, выяснял, если надо было, вопросы. Как раз в то время появилась униформа с плоской шапкой, картузом. Я ее себе заказал. Однажды мы поехали во Фрайлассинг...

ЛЕТОПИСЕЦ. *Это под Зальцбургом у самой границы Германии. Шествия НСДАП в форме были в Австрии в то время запрещены. В упомянутую Эйхманом новую униформу входили, кроме прежней коричневой рубахи и черных суконных штанов, френч из такой же материи, со знаками различия на петлицах и вместо прежней высокой черной фуражки вроде тех, что носили во французском иностранном легионе, — форменный картуз из черного сукна.*

ЭЙХМАН. Во Фрайлассинге была «вспомогательная полиция» СС, и еще там по воскресеньям натаскивали запасников 37-го полка из Зальцбурга и Линца. По всем правилам искусства... Вечером нас отвозили обратно в Зальцбург, и на следующее утро мне надо было снова на работу. Я был в отъезде по делу в Пинцгау, когда услышал, что в Австрии партия запрещена.

ЛЕСС. В каком это было году?

ЭЙХМАН. Это было в тысяча девятьсот... тридцать третьем, перед Троицей.

ЛЕТОПИСЕЦ. *В середине мая 1933 г. три члена НСДАП — адвокат д-р Ганс Франк (будущий генерал-губернатор в Варшаве), будущий министр по делам церкви д-р Ханс Керрль и будущий «президент народного трибунала» палач д-р Роланд Фрайслер пытались организовать в Австрии демонстрации. Федеральный канцлер Австрии христианский демократ Энгельберт Дольфус выслал их обратно в рейх сразу же по прибытии в венский аэропорт. В результате вызванных этим осложнений между Берлином и Веной, 19 июня 1933 г. НСДАП со всеми своими подразделениями была в Австрии запрещена.*

ЭЙХМАН. Моя униформа была еще у портного, я за нее уже заплатил, но так и не взял ее, потому что нас ведь все равно запретили. И к тому же меня, как я уже говорил, уволили. И когда я был в дороге, по пути в Эфердинг, где хотел начать свое первое собственное дело, я подумал: «Это же не имеет смысла! Вон отсюда, в Германию!» Вот так я в одно прекрасное утро и тронулся из Линца с благословениями родителей, с немецким паспортом и с бумагой от германского консула, где было сказано, что я принадлежу к одной из самых уважаемых семей немец-

кой колонии в Линце и что он просит германские власти оказывать мне содействие. Обычное рекомендательное письмо.

ЛЕСС. Когда вы уезжали, вы должны были отметитья в СС, в полку?

ЭЙХМАН. Да, сейчас я скажу об этом. Я пошел к д-ру Кальтенбруннеру, к Эрнсту, который в том время имел ранг «трупфюрера», потом это стало называться «обершарфюрер». Однако он занимал совершенно не соответствующее этому чину высокое положение. Парень стал адвокатом и поступил в контору своего отца. Он сказал: «Приходите завтра. Я вам дам с собой письма. Спрячете их, перевезете туда и явитесь к гауляйтеру Боллеку в Пассау». Это был высланный гауляйтер. И я взял с собой письма...

ЛЕСС. От Кальтенбруннера-младшего?

ЭЙХМАН. Младшего, да, старший ведь уже умер к тому времени. На границе чемоданы открывать не понадобилось. А контора гауляйтера Верхней Австрии была совсем рядом с вокзалом. Я отдал письма, долго ждал в приемной, наконец мне велели войти к гауляйтеру Боллеку. Я ему сказал, почему я приехал, и спросил, не знает ли он, как мне устроиться в «Вакуум ойл» в Баварии. А он на это ответил, что будет лучше, если я сначала послужу в солдатах. Самое время поучиться маршировать. И я сказал себе: ладно, так буду солдатом! Мне же ни о ком не надо было заботиться. После этого меня отправили в Клостер-Лехфельд.

ЛЕСС. Это была школа или казарма?

ЭЙХМАН. Это бывший полигон, еще со времен Первой мировой войны, от старой армии. Там стояли бараки, множество бараков; поблизости монастырь — пивоварня. Хозяйство это было явно старое, еще там была большая столовая, а обучением занималась баварская полиция. Все это называлось «Австрийский легион».

ЛЕСС. Лехфельд был лагерем и СА и СС?

ЭЙХМАН. Так точно! В Лехфельде располагался полный батальон СС, три роты; это, пожалуй, больше 500 человек. А от СА еще гораздо больше. Там занимались строевой подготовкой, в основном — пехота и саперы. Саперы обучались как штурмовая группа. Отбирал туда исклю-

чительно врач; крепких парней брали в штурмовой отряд, остальных — в пехоту. Я служил в штурмовой, так как в то время был покрепче, чем сегодня. В основном нас обучали уличному бою. У меня был более или менее приличный почерк, и вскоре меня назначили ротным старшиной, фельдфебелем, и велели вести учет, ротную канцелярию. Во время подготовки к партийному съезду, кроме военного обучения, мы целыми днями маршировали колонной по 12 человек в шеренге. Потом, это, наверное, было в октябре 33-го, я получил приказ явиться в город Пассау к штурмбаннфюреру фон Пихлю; он был в те времена начальником штаба связи рейхсфюрера СС в Пассау.

Задача штаба связи, который состоял человек из восьми или, может быть, из десяти, заключалась в постоянном патрулировании баварско-австрийской границы вместе с пограничной стражей. Ведь в то время днем и ночью шли в Германию беженцы из Австрии; их надо было принимать и устраивать. Тех, кто состоял в СА или СС, направляли в «Австрийский легион». Еще переправляли пропагандистские материалы из Баварии в Австрию. Служба была однообразной, но для меня это было хорошее время, потому что там Баварский лес, который прямо-таки копия мюльфиртельских лесов, моей второй родины. Первой я вообще не помню, внутренне я чувствую родиной Австрию. Мне там было очень хорошо.

Питались мы у мясника, там продавались горячие колбасы и картофельный салат. Меня штурмбаннфюрер фон Пихль сделал своим помощником. Мелкие дела я мог решать по своему усмотрению — он давал мне небольшие суммы в рейхсмарках, марок 50, я думаю, и я платил за обед для всех, покупал мыло и все такое и потом отчитывался. Еще мне поручали писать письма и отчеты в Мюнхен в управление рейхсфюрера СС. Это было пустое, должен сказать, дохлое время, и я полагал тогда, что у господина фон Пихля есть и личные интересы в Пассау; это был человек, любящий хорошо пожить, человек с хорошими манерами, и я думал, что тамошние дамы немало занимали его внимание. Строго говоря, работа штаба связи никакой пользы не давала. Наверное, постепенно это поняли и вышестоящие, потому что по-

сле Рождества 1934 г. штаб этот упразднили и все мы отправились маршем в Дахау. Я к тому времени дослужился до первой звездочки в петлице, т.е. стал унтершарфюрером, унтер-офицером.

ЛЕСС. Что было дальше, в Дахау?

ЭЙХМАН. Там царил строгий военный распорядок дня, с каким я до тех пор знаком не был. Мы были батальоном полка «Германия», состоявшего только из австрийцев. Нас поместили за оградой концентрационного лагеря в огромном железобетонном пакгаузе, бывшем складе боеприпасов; спали мы там в три этажа, друг над другом.

ЛЕТОПИСЕЦ. Служившая во время Первой мировой войны для складирования боеприпасов, местность вблизи городка Дахау севернее Мюнхена использовалась национал-социалистами с 1933 г. в качестве концентрационного лагеря для политических противников и евреев. Там же занимались военной подготовкой «партийных отрядов». Обращение с заключенными концлагеря было таким, что для любой оппозиции уже само имя городка звучало угрожающе.

ЭЙХМАН. Концентрационный лагерь охраняли баварские эсэсовцы. У них были череп и кости на петлицах. Мы, австрийцы, называли их «мертвоголовыми». У нас на петлицах были рунические знаки СС и арабская цифра «1».

ЛЕСС. Кто были там ваши начальники?

ЭЙХМАН. Нашим начальником был одетый в эсэсовский мундир майор прусской полиции. Ротными командирами были гауптштурмфюреры, тоже одетые в эсэсовскую форму офицеры прусской полиции. Командиры гарцевали на лошадях впереди своих подразделений, пехоты. Это была обычная строевая подготовка, такая же, как в рейхсвере. Об играх в штурмовые группы, как в Лехфельде, здесь и речи не было. Все происходило по правилам военной дисциплины. Я оставался там до сентября 1934 г.

Незадолго до того я услышал, что в службу безопасности рейхсфюрера будут набирать людей, которые уже служили. У нас это вовсе обсуждалось, потому что суровая жизнь в воинской части многих не устраивала. Мне это было безразлично, меня не устраивало только одно-

образии службы. Все время одно и то же. О том, как мало значили для меня суровые условия, говорит один пример, который я потом часто приводил моим подчиненным офицерам и унтер-офицерам. Дело было еще в Лехфельде, обычная муштра, и, как обычно, нам приказывали ползать по-пластунски: в камышах, по щебенке; потом это ведь запретили... Уже после первых таких занятий люди обращались в санчасть, чтобы им дали освобождение. Я считал, что с нами поступают несправедливо, но, сжав зубы, ползал и ползал, ободрал себе все локти, а на перевязку не пошел. После обеда опять звучало — «по-пластунски!», и моя самодельная повязка тут же слетела. Коротко и ясно — кожа на обоих локтях была содрана. А я упрямылся. Меня заметили, и я получил повышение. Так что не тяготы военной службы в Дахау побудили меня задуматься: как отсюда убраться? Просто убийственное однообразие. И когда я услышал, что в службу безопасности рейхсфюрера СС будут набирать людей, я подумал, что это очень приличная возможность.

ЛЕСС. Рейхсфюрера СС звали Генрих Гиммлер?

ЭЙХМАН. Так точно! Я думал — вот сидишь в машине, следишь за всем, многое увидишь, сегодня здесь — завтра там. Я попросил отпуск для поездки в Мюнхен. Основание: обратиться в службу безопасности с просьбой о зачислении. Там мне дали заполнить анкету и отправили обратно в Дахау. Долго я ничего не знал и думал уже, что ничего не вышло.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Появление в СС службы безопасности началось с недоразумения. Когда Гитлер и Гиммлер пришли к мысли о создании разведки для работы в других партиях и слежки за товарищами в собственной партии, своего рода секретной службы, — они стали искать человека, у которого был бы какой-то опыт в таких делах. Кандидатом оказался Рейнхард Гейдрих, бывший лейтенант морского флота, который указал в документах, что прошел обучение как офицер разведки — работа с радиопередатчиком, шифровальное дело и т.п. Гиммлер же решил, что Гейдрих работал в службе шпионажа. И в июне 1931 г. ему поручили организовать СД — службу безопасности и руководить ею.*

ЭЙХМАН. Но однажды днем в Дахау меня вызвали в штаб батальона. Мне сообщили, что я откомандирован в службу безопасности рейхсфюрера СС, исполнение — немедленно. Я получил командировочное предписание в Берлин, на Вильгельмштрассе, 102... Нет, не Принц-Альбрехтштрассе — там же было управление тайной государственной полиции, гестапо.

ЛЕСС. Где находилось управление службы безопасности?

ЭЙХМАН. На Вильгельмштрассе, 102, в Берлине, во дворце Гогенцоллернов было управление. А теперь про мое большое разочарование. Я представлял себе это так, как увидел в журнале, в «Мюнхнер иллюстрирте»: вслед высокому начальству катит команда СС, они стоят на подножках автомобиля, они сопровождающие, охрана! Все это я и спутал с Имперской службой безопасности. О том, что теперь мне предстояло, я не имел до тех пор никакого понятия... Так вот, я прибыл на Вильгельмштрассе рано утром — ехал всю ночь, — доложил о себе, и меня тут же отправили в...

ЛЕСС. К кому вы должны были явиться в Берлине?

ЭЙХМАН. Я этого уже не помню, а моим непосредственным начальником стал там унтерштурмфюрер Петерсен. В комнате мне дали кровать с постельным бельем в синюю клетку, ведь в документах было записано: «не женат», т.е. холост, так что меня поместили в казарму. Если женьсь, тогда можно переехать. В этой комнате спали 12 человек. Я был не единственный, кто уже служил, а теперь должен начинать все сначала. Унтерштурмфюрер Петерсен предупредил: держать все в тайне, все секретно-секретно! После этого меня привели к присяге. Потом, уже много позже, мне бывало просто смешно, но сначала... Я ведь пришел из казармы, много времени проводил на свежем воздухе, и мне было не по себе — ходить по дворцовым залам в грубых сапогах, следить все время, чтоб не поскользнуться на паркете...

Я шел мимо гроба, там лежал какой-то скелет. Это первое, что я там заметил. Только позже узнал, что меня вели через зал масонского музея. Я, наверное, слегка обалдел и пугался, не мог прийти в себя. Я же собирался в охранную команду, в сопровождающие! Я думал, что служба безопасности рейхсфюрера — это следить,

чтобы с ним ничего не случилось, покушения чтобы не было, и все такое. Так я это себе представлял.

Нас потом отвели в огромный зал в том дворце, там полно было ящиков с картотеками, а в углу работал за письменным столом шарфюрер, это был наш начальник. Здесь я испытал первое отвращение к тому, чем мы занимаемся. Мы должны были расставить по алфавиту какую-то картотеку «вольных каменщиков». Мы ее тщательно сортировали по алфавиту, чтобы ничего не перепутать... Я вообще ничего не слышал раньше о масонстве, никак этого не представлял себе. Иногда мимо нас проходил штурмбаннфюрер. Это был, как мы слышали, начальник всего этого дела. Когда появлялся начальник от штурмфюрера и выше, нам полагалось вскакивать, становиться по стойке «смирно» и ждать, что прикажут. Обычно это было «вольно, продолжать!».

ЛЕТОПИСЕЦ. Солдафонские ритуалы, тупое следование строевой дисциплине даже в конторе чрезвычайно характерны для четко выраженной в СС тенденции: все должно подчиняться уставному распорядку.

ЭЙХМАН. Дни тянулись за такой «работой» бесконечно. А в стороне от нас сидел штурмбаннфюрер с бородкой клином, он почти ничего не слышал и выглядел здесь смешно, как совершенно чужой. Это был, как я смог узнать гораздо позже, научный руководитель департамента I в СД профессор Шварц-Бостович. Он служил еще при царе в апелляционном суде в Киеве, занимался масонством, издал об этом книгу, и за это ему, ну, скажем, пожаловали звание штурмбаннфюрера СС. При нем было несколько молодых людей, которые, как и мы, возились с картотекой; имя одного из них мне придется упомянуть еще много раз — Визлицени.

ЛЕСС. Дитер?

ЭЙХМАН. Дитер Визлицени. Он в то время был подчинен непосредственно Шварц-Бостовичу. За те две недели... нет, три недели, что я там провел, было несколько посещений начальства. Их проводил лично рейхсфюрер или Кальтенбруннер. У нас эти посещения ненавидели. Они происходили каждые два-три дня, обычно вечером, а мы

должны были торчать там и ждать, пока вся компания не уйдет — совсем или, по крайней мере, из нашего помещения.

Потом меня перевели из картотеки в масонский музей. Никто меня не спрашивал, просто приставили к обершарфюреру Рихтеру; он жил в Берлине, проучился в университете несколько семестров, учебу бросил из-за политики, а здесь был чем-то вроде директора этого музея. В его задачу входило собрать сюда сохранившуюся в разных масонских ложах в Германии ритуальную утварь, различные предметы — фартуки, масонские медали, печати и тому подобное. А мне поручили описать, занести в каталоги и разместить тысячи печатей и сотни медалей. Эта работа заняла у меня, наверное, месяцев пять, пока музей и вообще весь департамент не перевели совсем в другой район Берлина.

Но за это время я свел знакомство с неким унтерштурмфюрером фон Мильденштайном. Он однажды появился у нас как посетитель, вместе с Герингом, а может быть — с Геббельсом. Он был унтерштурмфюрер, я — рядовой исполнитель, разница в СС очень большая. Мое рабочее место было в зале ложи «вольных каменщиков». Он все это осмотрел, задал какие-то вопросы, я на них как мог ответил. Тут он сказал, что как раз только что организовал отдел «евреи» в Главном управлении СД. Не хочу ли я перейти к нему? Я тогда готов был без всяких согласиться на что угодно. Лишь бы уйти от этой возни с печатями, с этикетками. И я сказал «да» и больше ничего об этом не слышал. Начался переезд департамента, о котором я уже говорил, и уже на новом месте я однажды получил приказ: явиться в такой-то отдел, номера я теперь уже не помню, во дворец на Вильгельмштрассе, 102, к унтерштурмфюреру фон Мильденштайну.

ЛЕСС. Как назывался отдел?

ЭЙХМАН. «Евреи»! В отделе «евреи» я встретился с совершенно новой областью задач. Унтерштурмфюрер фон Мильденштайн был очень общительным, доброжелательным человеком; австриец по рождению, видно, много поездил по миру. Не было в нем этой черствости, грубости, как у большинства тогдашних начальников, с которыми и заговорить боялись. Мы очень быстро с ним

сблизились. Одно из первых дел, которое он мне поручил, было связано с книгой «Еврейское государство» Теодора Герцля.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Эту книгу написал уроженец Будапешта, 36-летний адвокат Теодор Герцль, возмущенный приговором капитану Дрейфусу, необоснованно обвиненному — по причине бытовавшего во французской армии антисемитизма — в шпионаже в пользу Германии.*

Герцль выступил за основание в Палестине еврейского государства и тем самым вызвал к жизни сионистское движение; вскоре оно приобрело множество сторонников, преимущественно в Восточной Европе.

ЭЙХМАН. Фон Мильденштайн сказал мне, чтобы я ее прочитал. Этим я усиленно и занимался в последующие дни. Книга заинтересовала меня, до тех пор я ни о чем таком не слышал... Она произвела на меня впечатление, — возможно, тут сказались моя романтичность, моя любовь к природе, к горам и лесам... Я вникал в ее содержание, многое запомнил. Я же не знал, что потом будет.

Когда я покончил с книгой, мне было велено составить конспект, справку; ее должны были распространить как служебный циркуляр для служащих СС и внутреннего пользования в СД, службе безопасности.

ЛЕСС. В каком это было году? Вы помните точную дату?

ЭЙХМАН. В конце 1934 г. — наверное, в сентябре — я поступил в СД, значит, это могло быть в 1935 г., скорее всего, во второй половине. Моя справка несколько раз побывала у начальника штаба — на предмет проверки стиля и т.п. — и возвращалась ко мне с поправками и замечаниями; это был весьма критичный господин. Исправления по существу делал фон Мильденштайн.

Ее напечатали потом в виде тетрадки, циркуляра для СС. Я там изложил структуру всемирной сионистской организации, цели сионизма, его базу и трудности. Подчеркивались его требования; они отвечали нашим собственным намерениям — в том смысле, что сионизм стремился к политическому решению: они хотели получить землю, на которой их народ мог бы наконец осесть и

спокойно жить. Это в значительной мере совпадало с программной установкой национал-социализма. Одновременно с этим я занялся неосионистами. О них тоже написал справку, но не знаю, была ли она издана в виде циркуляра. В течение этого времени я хорошо узнал унтерштурмфюрера фон Мильденштайна как человека, ищущего политических решений, отвергающего методы, которые проповедовал журнал «Штурмовик».

ЛЕТОПИСЕЦ. Еженедельник «Штурмовик» («Der Stürmer») издавал в Нюрнберге гауляйтер Франконии Юлиус Штрейхер. В нем печатались исключительно заметки и лозунги, возбуждающие ненависть к евреям. Журнал обращался к самым низменным инстинктам, не брезговал заведомой ложью. Поэтому даже многие члены НСДАП его не принимали. Штрейхер, примитивный, коррумпированный садист и насильник, был после окончания войны приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни и повешен.

ЭЙХМАН. Я всегда считал господина фон Мильденштайна своим наставником, потому что он был единственным в Главном управлении имперской безопасности, кто мог дать исчерпывающую деловую справку по еврейству. Мне был поручен такой круг вопросов: международный сионизм, современный сионизм, ортодоксальный иудаизм. Еще один сотрудник ведал организациями, занимающимися ассимиляцией. Ничего другого у нас не было!

Примерно в это время у нас стал бывать знакомый Мильденштайна, его звали Эрнст фон Большвинг. Он долго занимался коммерцией в Палестине, вместе с неким господином Борманом, который отправлял оттуда — каждый год, если я не ошибаюсь, — корабль с грузом лука в одну из скандинавских стран. Этот господин фон Большвинг часто приходил к нам на службу и рассказывал про Палестину. У него получался такой полный обзор — программа сионизма, современная ситуация, положение в Палестине и распространение сионизма по всему миру, — что я понемногу становился специалистом по сионизму. Еще я получал газеты, в том числе «Хайнт». Их значки, буквы я читать не мог и по-

этому купил книжку Самуэля Калеко — учебник древне-еврейского. Стал учить печатные буквы. Слова тоже, но главным образом я хотел просто научиться читать печатный текст газеты «Хайнт», она печаталась на идише, но древнееврейскими буквами.

ЛЕСС. Это было в 1935 г.?

ЭЙХМАН. Так точно! А в начале 1936 г. произошли изменения. Господин фон Мильденштайн перешел в Имперское управление дорожного строительства, в «Организацию Тодт», и его послали в Северную Америку для изучения строительства автострад. Я забыл сказать, он был инженер по образованию. Моим новым начальником стал человек много моложе, шарфюрер или обершарфюрер, незрелый, заносчивый. Наше отделение не имело никакого влияния, не имело значения, оно было маленьким, размещалось в одной-единственной комнате, примерно вдвое большей, чем эта, в которой я сейчас нахожусь. Новый начальник продержался недолго, всего через несколько недель его призвали в армию. Моим начальником стал новый человек, а именно Дитер Визлицени, о котором я уже упоминал. Тогда же мы переехали в другое помещение, это были две или три комнаты. Визлицени обосновался в одной из них, я в другой, а некий Даннекер, он был, я думаю, тоже шарфюрером, наверное, в третьей. У меня остались мои дела, Даннекер стал заниматься ассимиляцией, Визлицени управлял. Он был для нас хорошим начальником. Вся его фигура уже располагала к покою. При нем у нас не было суеты. Он был весьма сведущ по части истории, с ним хорошо было беседовать.

Постепенно я знакомился с так называемой входящей корреспонденцией, до тех пор я ее совершенно не видел. Приходили сообщения из отделений СД на местах, из каких-то центральных инстанций, но чаще всего это были сообщения о конференциях самой организации мирового еврейства. Иногда это были научные материалы, якобы научные материалы, найденные где-то при конфискации, а поскольку гестапо не знало, что с ними делать, их сдавали в СД. Еще приходили доклады от националистических организаций и донесения полицейских служб. Все, что касалось евреев, канцелярия уп-

равления направляла нам. И Визлицени оставалось только распорядиться: это мне или Даннекеру, в зависимости от темы.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Теодор Даннекер, Дитер Визлицени и Адольф Эйхман — эти три человека, служившие в отделении II 112 Главного управления СД, и стали позже убийцами за письменным столом, пославшими миллионы евреев на смерть. Позже они образовали особую группу — «зондеркоманду Эйхмана». Визлицени был в 1948 г. приговорен в Братиславе к смерти и казнен. Даннекер после войны исчез, пропал без вести.*

ЭЙХМАН. Примерно в то же время от отделов и отделений на местах впервые стали требовать представления месячных отчетов. Значит, руководитель, в данном случае Визлицени, должен был объединить отчеты Даннекера и мой, и этот документ поступал к шефу, штандартенфюреру доктору Зиксу. Я полагаю, он был уже университетским профессором.

ЛЕСС. И как назывался отдел теперь?

ЭЙХМАН. Отдел все еще назывался «департамент I», информации. Насколько я помню, он должен был собирать сведения о церквях, евреях, коммунизме, сектах, масонстве. Может быть, еще что-нибудь, сейчас уже не вспомню. И Зикс пытался теперь организовать это все по-другому. Задача номер один состояла в том, чтобы донесения поступали от низовых отделений СД в вышестоящие отделы, а от этих вышестоящих — в Главное управление; чтобы отделы на местах имели указания — о чем они вообще должны докладывать и что нас интересует; в свою очередь они должны сообщать это своим низовым отделениям и через них дальше — вплоть до агентурной сети.

ЛЕСС. Что такое агентурная сеть? В чем была ее задача?

ЭЙХМАН. Это «доверенные лица». Задача «доверенных лиц» была: наблюдать, что происходит, кто и что делает — вот собрание, здесь церковь, или вот собрание у евреев и там говорят насчет эмиграции или обсуждают какие-то религиозные вопросы и т.д. По большей части это были добровольные помощники «на общественных началах». Были также, насколько я слышал, оплачиваемые дове-

ренные лица. Мы сами, Главное управление, с доверенными никаких дел не имели. У нас их не было, иначе говоря, никогда такой «доверенный» в Главное управление не приходил.

Что касается сбора донесений, насколько это относится к моему сектору, то предварительная работа была уже проведена — через циркулярное письмо СС. Мне надо было просто сослаться на этот циркуляр: вот что нам надо! Правительство желает, чтобы они уезжали; все, что этому способствует, должно делаться, ничто не должно препятствовать. Вокруг этого все и крутилось. Конечно, я должен был иметь информацию о численности эмигрирующих. Еще я узнал тогда, что дело налажено плохо. Впервые услышал про трудности с получением свидетельства об уплате налогов. То же самое со сроками, потому что срок годности некоторых документов был слишком мал, приходилось получать их повторно. Я узнал о трудностях, возникавших из-за того, что какое-нибудь отделение полиции, по неведению или по глупости, ликвидировало еврейскую организацию, опечатало помещение, арестовало функционеров, отчего возникли задержки. Я услышал про осложнения, возникавшие из-за того, что власти подмандатной территории в Палестине выделяли недостаточные квоты для эмиграции. Услыхал про трудности, чинимые другими странами, принимавшими эмигрантов. Но я был бессилен, потому что Главное управление СД являлось организацией чисто информационной, оно должно было просто передавать то, что оно узнало, вышестоящим службам.

ЛЕСС. Вы сказали, что «слышали» о том или ином. Значит ли это, что вы лично вступали в контакт с различными еврейскими группами?

ЭЙХМАН. Собственно говоря, нет. С группами тогда — еще нет. Я знал прежде всего о том, что было в донесениях «доверенных». Я приобрел «Еврейскую энциклопедию» и много другой литературы. Я много читал по этой части. И разумеется, все еврейские газеты, какие мог раздобыть. И начал вступать в контакт с еврейским отделом Управления тайной государственной полиции, гестапо, исполнявшим карательные функции.

И попросил их — нельзя ли, чтобы я мог иногда допросить того или иного функционера по какому-либо неясному для меня вопросу. Из-за того, что у нас не было карательных полномочий, мы не имели права никого приглашать или приводить к себе. И в дальнейшем, если мне было что-нибудь не ясно, я, как правило, обсуждал это с неким доктором Эпштейном. Его либо вызывали с этой целью на Принц-Альбрехтштрассе, 8, либо сообщали мне, когда он к ним и без того вызван. Очевидно, гестапо имело в то время контакты с этим человеком.

ЛЕСС. Получили ли вы к этому времени следующее повышение?

ЭЙХМАН. К 1936 г. я дослужился до двух звездочек, да, именно так, это 36-й, значит, я был обершарфюрер, а в 1937-м получил гауптшарфюрера. Это звание не было обязательным, через него можно было перескочить. Не знаю почему, но я должен был прослужить положенный срок и в этом звании. А доктора Зикса, «нашего главного», как мы его называли, раздражал флегматичный Визлицени, который поручал нам работу, а сам больше почитывал какие-нибудь книжки по истории.

ЛЕСС. Если хотите пить — пожалуйста.

ЭЙХМАН. Спасибо, большое спасибо! Так вот, однажды Визлицени сместили и начальником стал человек Зикса. Как же его звали... Он уже работал с Зиксом в отделе прессы СД. Вот — Хаген! Фамилия этого человека была Хаген. Да! Обершарфюрер Хаген был умный человек с широким кругозором, обладал здравым смыслом и способностью быстро вникать в новое для него дело. О еврейском вопросе и организациях, об их программе и целях он не имел прежде никакого понятия. Первое, что он сделал, когда пришел, — призвал меня и расспросил буквально обо всем, что относилось к моей части. Он желал знать такие подробности, что мне приходилось собирать буквально все по крошке. Каждый раз он меня прямо-таки потрошил. И что удивительно: он все запоминал. С первой же минуты знал вопрос так же хорошо, как я.

ЛЕСС. Сигареты для арестованного, пожалуйста! — Прошу вас!

ЭЙХМАН. Большое спасибо! Я по-прежнему поддерживал контакт с господином фон Большвингом. Это было полезно, потому что он был единственный человек, который мог поделиться со мной всем, что меня по службе интересовало, — о стране, которую он знал по собственному опыту.

Однажды я прочитал в газете «Хайнт» статью о «Хагене». Из нее следовало, что речь идет о военной, да, о военной организации сионизма. Я расспросил об этом доктора Эпштейна. Он это отрицал, а я ведь читал это всего один раз. Я должен признать, что мои симпатии были в то время на стороне евреев, а не арабов. Ведь правительство рейха желало разрешить еврейский вопрос, а я, начав с мелочей, а потом все больше занимаясь этим делом, не мог не следовать приказам правительства рейха — правда, прошедших через скольких-то вышестоящих начальников, пока эти приказы спускались наконец к Зиксу и Хагену.

ЛЕТОПИСЕЦ. Стараясь выглядеть мелкой сошкой и возложить ответственность за преступления на возможно большее число вышестоящих лиц, Эйхман изображает себя последним звеном в длинной цепи служебного подчинения. На самом деле она была очень короткой: место Хагена, начальника «референтуры» (отдела) вскоре занял он сам, а своих начальников в Главном управлении СД (в то время это был доктор Зикс) обошел, начав сотрудничать непосредственно с шефом гестапо Мюллером. Над которым был уже только Гейдрих, шеф Главного управления имперской безопасности, подчинявшийся самому Гиммлеру.

ЭЙХМАН. Арабы меня не интересовали. Мое дело было — отправить в Палестину как можно больший контингент евреев. Меня интересовала любая возможность эмиграции за океан. Но все это только теоретически. Я ведь мог только разяснять в моих донесениях, что можно сделать, что желательно. Но добиться политического решения было очень трудно, это же значило — отказаться от методов «Штурмовика». Когда в управлении бывали посетители, партийное или государственное начальство, все это им говорилось. Каким-то образом дошло и до редакции журнала, его правления. «Штурмовик» — это был еженедельник, выходивший в Германии в конце не-

дели, журнал, который занимался только и исключительно борьбой с еврейством в каких-то, я бы сказал, средневековых формах, представляя дело совершенно немыслимым... невозможным образом — не подберу другого слова. Во всяком случае, так решить вопрос было невозможно, но, наверное... Наверное, эта концепция устраивала кого-то в качестве пропаганды. Но ни на шаг, ни на шаг не приближала к решению.

Меня посетил член редакции по фамилии Вурм, правая рука самого Штрейхера. И он пытался как-то войти в контакт и заполучить информацию — каков круг друзей «Штурмовика» в Главном управлении СД. Я это отклонил тогда, и устно и письменно. Доктор Зикс и Хаген были того же мнения, что и я, — что методы редакции не ведут к решению вопроса. И сказали, чтобы я работал, как и раньше. На материалы «Штурмовика» можно не обращать внимания.

Они к нам больше и не приходили. Вместо этого меня пригласили на партийный съезд в Нюрнберг. Я там был, правда, всего один день, самое большее — два дня. Там в большой гостинице состоялась встреча друзей «Штурмовика» со всего света, и Вурм, очевидно, хотел меня к ней привлечь. От нас приехал еще один сотрудник, но я был им интереснее, потому что важнее всего был для них сионизм, а сионизмом занимался я, глубоко в это вник и знал, что и как, лучше, чем Даннекер, который был более образован, — он учился в Тюбингенском университете. Но он просто где мог списывал материалы или спрашивал меня, когда не знал дела. Потом в Берлине я написал отчет, и отношение к «Штурмовику» осталось у нас прежним.

Примерно в то же время, по совету г-на фон Большвинга, я принял одного еврейского функционера из Палестины. Я ведь читал про «Хагану», тайную «армию самообороны» переселенцев, и подумал: если дело зашло так далеко, то в один прекрасный день они силой наведут порядок — справятся и с английским Верховным комиссаром, с управлением подмандатной территории и с арабами. И не исключено, что квоты на эмиграцию станут тогда больше; тогда отсюда их можно будет спровести побольше и...

ЛЕСС. Кто был этот господин?

ЭЙХМАН. Г-н фон Большвинг сказал мне, что в Берлине находится человек из «Хаганы», и свел меня с ним. Я должен сразу заметить, что сначала изложил все письменно, в служебном порядке, и просил указаний, как мне вести себя в данном случае с тем человеком. Я ведь не имел права ничего решать сам. И Хаген, конечно, этого не решил. Решал Зикс, а может быть, он говорил и с Гейдрихом. Во всяком случае, я получил разрешение и сообщил г-ну фон Большвингу, что тот человек будет считаться в Берлине гостем Главного управления СД. Фамилию его я, конечно, совершенно забыл. Мы встретились, насколько я помню, в гостинице «Цур Траубе» у вокзала «Цоо», у зоопарка. Я пригласил этого господина на обед. Он знал, кто я, а я знал, что он из Палестины. Он мне рассказал все про кибуцы, про строительство и про разные вещи, о которых я знал, потому что читал о них, но теперь они стали мне по-настоящему интересны. Разговор не был враждебным, говорили мы откровенно; ни он, ни я — это мое впечатление — не замыкались, так как мы оба полагали, что идем друг другу навстречу.

После второй такой же встречи этот господин передал мне приглашение в Палестину — приезжайте к нам, познакомьтесь со страной, вам все покажут... Я бы лучше ничего не предпринимал, так и написал в отчете, и о беседе — тоже; сдал отчет, и он пошел к Гейдриху. Я, конечно, думал, что это совершенно невозможно, но оказалось — Гейдрих санкционировал, чтобы я принял приглашение. Это было что-то новое, моим коллегам неведомое. И началась свалка: Визлицени хочет ехать, Хаген тоже хочет ехать. Выиграл Хаген. И мы вдвоем поехали — под своими фамилиями; я считался редактором из газеты «Берлинер тагеблат», Хаген — студентом. Главное управление СД перевело редакции газеты сто английских фунтов, и мы их получили у директора газеты под расписку.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Выбрав именно эту газету, СД совершила обманчивый маневр. Дело в том, что до 1933 г. газета выходила в солидном издательстве «Моссе». Его владелец Ганс Лахман был*

евреем, главный редактор Теодор Вольф — тоже. И газета все еще пользовалась за границей своей прошлой репутацией либерального и независимого издания, хотя на самом деле давно подчинялась национал-социалистам и проводила их линию. Как видно из описания поездки, британская секретная служба ввела себя в заблуждение не дала.

ЭЙХМАН. Мы проехали Польшу, Румынию, сели в Констанце на пароход «Констанца» и на нем прибыли в Хайфу. Пока корабль там стоял, мы получили разрешение сойти на берег. Я взял такси и поехал на гору Кармель. А вернувшись на корабль, подумал: вот сначала в Каир, а тогда...

ЛЕСС. Когда была эта поездка?

ЭЙХМАН. Наверное, в конце 1937 г. В нашу поездку Зикс запряг еще ДНБ, Германское информационное бюро, и поручил нас, двух новичков, представителю этого бюро в Иерусалиме доктору Райхерту, который должен был помогать нам советом и делом. То же и у представителя этого бюро в Каире, его фамилия, кажется, была Гентц. В Александрии мы пробыли несколько дней в гостях у египетского туристского агента. Потом поехали в Каир к Гентцу. Он сообщил о нас д-ру Райхерту в Иерусалим, через которого мы хотели связаться с тем человеком из «Хаганы». И в один прекрасный день мы принарядились и отправились в английское генеральное консульство в Каире, а там нам и выдали: «I am sorry! Нет! Всё!»

Кажется, в Палестине как раз тогда были какие-то волнения, даже бомбы взрывали. А может быть, английская разведка нас высмотрела. Во всяком случае, разрешения на въезд в тогдашнюю подмандатную Палестину мы не получили. Поэтому д-р Райхерт вместе с тем господином и приехал к нам в Каир.

ЛЕСС. С человеком из «Хаганы»?

ЭЙХМАН. Так точно. Но сама цель поездки, а именно — чтобы я посмотрел страну и увидел своими глазами практическую деятельность сионизма, узнал, как именно они работают, — была тем самым сведена к нулю. Ну, в общем, дело не удалось. Но надо было хотя бы встретиться. Мы пригласили того господина вместе с обоими со-

трудниками ДНБ на ужин. Все были милы, все были вежливы, были рады, беседовали о том о сем, но ведь цель достигнута не была.

ЛЕТОПИСЕЦ. Аккредитованные за границей журналисты официального Германского информационного бюро неоднократно привлекались Службой безопасности к выполнению поручений, относящихся к сфере шпионажа в гораздо большей степени, чем к журналистике.

ЭЙХМАН. Через две недели мы тронулись в обратный путь на итальянском пароходе. И только вышли из гавани, как меня свалил паратиф; все путешествие я пролежал в судовом лазарете и сошел в Бари, поправившись разве что наполовину. Вот и весь результат поездки, которая могла быть очень интересной.

ЛЕСС. Вы написали об этом отчет? Об этом путешествии?

ЭЙХМАН. Так точно, весьма подробный отчет. И мне пришлось доложить о полной неудаче со служебной точки зрения. Я и теперь помню, что Гейдрих написал под ним своим зеленым карандашом: «Хорошо». И его подпись.

ЛЕСС. Я хотел бы задать несколько вопросов в связи с вашими показаниями, если не возражаете. Вы рассказали, что были уволены в Австрии из компании «Вакуум ойл» в связи с сокращением персонала.

ЭЙХМАН. Это так. Правда, германский консул в Линце определил каким-то образом, что я был уволен якобы за принадлежность к СС.

ЛЕСС. Вы пишете в автобиографии — я цитирую: «До июня 1933 г. я работал от фирмы в Верхней Австрии, Зальцбурге и Северном Тироле. Затем меня уволили за принадлежность к НСДАП». Какая из этих двух версий верна?

ЭЙХМАН. Прежде чем уехать из Австрии в Германию я слышал в германском консульстве в Линце, что меня уволили из-за принадлежности к СС. Вот я и принимал в последующее время эту версию как более верную.

ЛЕСС. Рассказывая о своей деятельности, вы все время говорили об эмиграции евреев, подчеркивая тем самым, что действовали в интересах как евреев, так и германского правительства. Это верно?

ЭЙХМАН. Так точно!

ЛЕСС. В Германии, а потом и в Австрии и Чехословакии были изданы законы, лишившие евреев возможности трудиться, им пришлось нести большие убытки. Был введен налог на вывоз капитала, а после «хрустальной ночи» всех евреев обложили огромными штрафами, многих лишали имущества путем его «аризации». И вы еще говорите об эмиграции? Разве это не принудительная эмиграция?

ЭЙХМАН. Да, разумеется; было понуждение к эмиграции.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Такая принудительная эмиграция и в первую очередь массовое выдворение из Германии польских подданных иудейского вероисповедания, побудили жившего в Париже 17-летнего Гершеля Гриншпана совершить покушение — он стрелял из пистолета в секретаря германского посольства в столице Франции. В качестве ответной меры нацисты организовали якобы стихийный взрыв народного негодования. Девятого ноября 1938 г. принадлежавшую евреям собственность стали разрушать и грабить, были сожжены синагоги; евреев арестовывали, отправляли в концлагеря, подвергали надругательствам, убивали.*

Жившие в гитлеровском рейхе евреи должны были собрать миллиард марок «искупительного взноса». Было издано постановление о запрещении евреям участвовать в хозяйственной деятельности, хотя к этому времени многочисленные еврейские фирмы были уже «аризированы», т.е. насильственно «выкуплены» у владельцев за гроши.

ЛЕСС. Вы читали «Майн кампф», «Мою борьбу» Гитлера?

ЭЙХМАН. Никогда до конца, и основательно — тоже никогда.

ЛЕСС. Вы были согласны с его доктриной?

ЭЙХМАН. Когда я был еще в Австрии, я услышал в какой-то тирольской деревне, где находился по делам «Вакуум ойл», радиопередачу о приходе к власти Гитлера 30 января 1933 г. Должен сказать, поскольку всегда говорю правду — и в этом случае тоже, — что принадлежал тогда к тем, кто был в восторге от его прихода к власти; в нем я видел — разумеется, глазами очень молодого, можно сказать, человека с юношескими представлениями-

ми — я видел... видел в этом национализм, который был мне по вкусу. Гитлер шел против Версаля, обещал работу и хлеб, и ведь этого добились потом! Господин капитан, это заведет нас слишком далеко, но все происходившее вызывало во мне радость — вот теперь дело пойдет к лучшему.

ЛЕСС. Это значит, что вы были тогда согласны с доктриной Гитлера.

ЭЙХМАН. В то время я был согласен, так точно!

ЛЕСС. Вы читали программу партии?

ЭЙХМАН. Двенадцать пунктов? Несомненно, я их когда-то читал, но назвать сегодня не могу.

ЛЕТОПИСЕЦ. Провозглашенная 24 февраля 1920 г. в мюнхенском пивном зале «Хофброй» программа НСДАП состояла из 25 пунктов. Она никогда не менялась и в истории партии не играла никакой роли. Весьма характерно, что Эйхман — как и большинство немцев — был едва знаком с программными установками Гитлера.

ЛЕСС. Каково было ваше отношение к пункту, который отказывал евреям в праве быть германскими подданными?

ЭЙХМАН. Когда я вступил в НСДАП, я об этих подробностях даже не думал — вообще, совсем не думал. Такие детали никогда и не обсуждали в дружеском кругу, в тогдашних так называемых «кружках товарищей».

ЛЕСС. Вы читали книгу Розенберга «Миф 20-го столетия»?

ЭЙХМАН. Нет, ее я не читал. Собственно говоря, я ни тогда, ни потом книг о национал-социализме не читал. До того, как пришел в СД, я вообще не читал — к большому огорчению моего отца, который все время напоминал мне, что у него дома прекрасная библиотека со всеми классиками и что, наверное, он ее напрасно всю жизнь собирал. А когда я уже был в СД, я читал не эти книги, я уже читал другие книги, о чем уже отчасти рассказал вам. Я читал специфически еврейские книги; я читал книги о масонстве. Я даже не могу сказать, что читал в то время хоть какую-нибудь другую книгу — роман, допустим, или еще что-нибудь. Никогда в жизни не читал детективы или любовные романы, до сих пор...

ЛЕСС. Книги о евреях, которые вы читали, — среди них были и критические?

ЭЙХМАН. Они были написаны только евреями. Только такие могли помочь мне изучить вопрос. Я ведь до этого ничего не знал о существовании дела.

ЛЕСС. Вы знали, что Гитлер обвинил евреев в поражении Германии в Первой мировой войне? Вы были с ним согласны — относительно вины евреев?

ЭЙХМАН. В то время я принадлежал к категории людей, которые вообще ни о чем таком не судят самостоятельно.

ЛЕСС. Вы читали «Протоколы сионских мудрецов»?

ЭЙХМАН. Нет, я их не читал, но слышал об этом и не мог себе такого представить. Когда я стал расспрашивать об этом Мильденштайна и он сказал, что это чушь, я принял его точку зрения; и примерно теми же словами — помню это точно — отвечал на вопросы в школе СД в Бернау.

ЛЕТОПИСЕЦ. В этих «Протоколах...» приводятся вымышленные сведения о тайном заговоре мирового еврейства, заговоре евреев, стремящихся к установлению мирового господства. Аргументация Штрейхера и компании неизменно основывалась на этой фальшивке.

ЛЕСС. Когда вы отошли от евангелической церкви?

ЭЙХМАН. Должно быть, в 1937 г. В те годы — я думаю, в 1935-м — вошло в моду, чтобы каждый сотрудник СД выходил из церкви. Но в этом пункте я бы не позволил заставить меня. Хотя бы потому, что долго был всерьез связан с церковью, хотя бы потому, что мой отец долгие годы был пресвитером евангелической общины в Линце и я не хотел огорчать старика отца. И тогда я решил — именно в те годы, когда читал в СД все эти научно-религиозные книги, — решил: это дело я должен основательно обдумать. Кроме того, в 1935 г. я венчался в церкви, хоть меня от этого и отговаривали. Не запрещали, но подтрунивали над этим. Моя жена не согласилась бы идти замуж иначе, как в церковном браке, — ведь она происходит из старой, да, из старой крестьянской семьи убежденных католиков.

ЛЕСС. Что же тогда было причиной вашего ухода?

ЭЙХМАН. Я все больше приходил к убеждению, что Бог не может быть так мелочен, как это говорится в историях, записанных в Библии. Я решил, что нашел свой собственный путь. Я читал у Шопенгауэра, что путь веры безусловно надежнее, а путь свободы от веры опасен, и на нем, подумал я, ты всегда будешь только сам за себя. И я решил для себя: Бог, в которого я верю, больше, чем Бог христиан. Ибо я верю в сильного, огромного Бога, который создал мироздание и приводит его в движение. Это было без чьего-либо влияния — жена долго меня от этого удерживала, но я перестал говорить об этом дома, как вообще ничего не рассказывал дома жене про службу. И в 1937 г. я пошел в суд и оформил уход из церкви.

ЛЕСС. Вы вступали в «немецкую церковь»?

ЭЙХМАН. Нет. Я тогда вышел из церкви по собственному решению, а не потому, что следовал какой-то моде или по принуждению, и не вступал больше ни в какую другую.

ЛЕСС. В вашем личном деле указана религия — «верующий». Это не относится к немецкой церкви?

ЭЙХМАН. Каждый, кто покидал церковь, называл себя в то время верующим, потому что должен был как-то называть.

ЛЕТОПИСЕЦ. *«Немецкой церкви» никогда не было, правда, в евангелической церкви существовало согласие «немецких христиан». Известно также возникшее позже «Немецкое движение верующих», ответвление преимущественно пантеистического толка; число его приверженцев никогда не было значительным. Поскольку партия, в соответствии со своей программой, стояла «на позициях позитивного христианства» и неизменно обрушивалась в своей пропаганде на интеллектуалов-атеистов и безбожных марксистов, называть себя неверующим считалось предосудительным.*

ЛЕСС. Вы были верным, безоговорочно преданным эсэсовцем?

ЭЙХМАН. Да. Позволю себе сказать, что я исполнял приказы, которые получал, беспрекословно, согласно присяге. И в первые годы у меня не возникало никаких — ни малейших конфликтов. Я сидел за письменным столом и делал свою работу. Эта преданность — внутренняя

преданность — была поколеблена, когда эта... когда эта... этот... этот метод так называемого решения еврейского вопроса — ну, когда... когда начались газовые камеры... и расстрелы тоже. Я не скрывал этого и сказал — я думаю, что я вправе так говорить, — сказал моему шефу, группенфюреру Мюллеру... я сказал, что это... этого я себе не представлял, никто из нас, наверное, такого не представлял себе, ведь это не политическое решение... И ведь до сих пор всегда... всегда одобрялось... Но ведь это не политическое решение. И тогда я...

ЛЕСС. Каким образом вы высказали ваше мнение?

ЭЙХМАН. Вот этой фразой, как я только что сказал, это я сказал ему, когда вернулся из Минска и сам все это видел. И про все эти дела я ему сказал тогда.

ЛЕСС. Ваше отношение к национал-социалистическому мировоззрению было безоговорочным?

ЭЙХМАН. И да, и нет. Я хочу сказать, что в годы... в первые годы я об этом не задумывался, о национал-социалистическом мировоззрении и такого рода вещах. В первые годы главным для меня было, как я уже говорил, работа и хлеб для семи миллионов безработных, автострады, борьба против Версаля — в этом мое отношение было безоговорочным. И потом, уже в воинской части — ведь в конце концов, я был в армии — мне это нравилось сначала, пока я не захотел уйти в промышленность, в частную фирму, а вместо этого попал за письменный стол. И за этой канцелярской работой, господин капитан, моего мнения, во-первых, не спрашивали, а во-вторых, я не думал о безоговорочном признании, безоговорочной преданности, потому что там занимались своим... своим... своим делом.

ЛЕСС. Вы были, следовательно, убежденным национал-социалистом, преданным эсэсовцем, следовали присяге, которую приняли. Как вы объясните теперь ваше утверждение, будто никогда не испытывали ненависти к евреям и никогда не были антисемитом?

ЭЙХМАН. Всё так, господин капитан, я, вероятно, еще раньше вступил бы в конфликт, если бы, например, оказался не в 1-м батальоне СС в Дахау, в австрийском СС. Если бы меня тогда послали во внутреннюю охрану концлагеря, за колючую проволоку... А раз я долгое вре-

мя ко всем таким делам не имел вообще никакого касательства, то и мыслей у меня таких не было. Мне незачем было об этом думать.

ЛЕСС. Но ведь ваша позиция должна была быть также юдофобской. Это же было предписано. Ведь большая часть программы была посвящена евреям.

ЭЙХМАН. Но не в первое время, господин капитан. В первое время решение еврейского вопроса вовсе не было самым важным. Нас, в Австрии, интересовала работа, и хлеб, и свобода — выбраться из кабалы.

ЛЕСС. Разве ненависть к евреям не проходила красной нитью через книгу Гитлера «Майн кампф»?

ЭЙХМАН. Возможно. Я ведь сказал: я никогда не вчитывался в нее, никогда не читал до конца, она была мне не нужна. Что там была ненависть к евреям, это понятно, господин капитан. Но ведь в то время в НСДАП было немало людей, состоявших в свойстве или породнившихся с евреями. Мне лично был известен шарфюрер СС, который был евреем.

ЛЕСС. Как его фамилия?

ЭЙХМАН. Я не знаю. Во всяком случае, он пришел ко мне — в один прекрасный день, в Берлине — и спросил, как ему быть. Он был обершарфюрером во времена борьбы за власть, и я ему сказал: ну уж тут я тоже ничем не могу помочь. Могу только сказать — поезжайте в Швейцарию или еще куда-нибудь, потому что здесь неладно; нехорошо, если вы останетесь, это не пройдет.

Тогда он попросил, не могу ли я назвать ему пограничный переход из Австрии в Швейцарию, где бы он мог быть уверен, что его не задержат без документов. И я распорядился, чтобы такого-то, имярек, пропустили беспрепятственно. Я заимствовал такую практику у департамента VI, который часто переправлял своих агентов подобным образом. И я воспользовался этим способом.

ЛЕСС. Разве вы не должны были как верный эсэсовец заявить об этом?

ЭЙХМАН. Должен был. Я не должен был также отправлять за границу мою собственную двоюродную сестру, не имел права молчать, когда еще другие, не евреи, уезжали в Венгрию. Мне казалось — извините, пожалуйста, если

уж я скажу, что я сам думаю, — что это ни к чему, это чересчур: еще и докладывать обо всех мелких делах, которые я делал так, между прочим. Еще, например, я выпустил из Вены за границу супругов-евреев. Ради моего дяди, который напомнил, что помог мне когда-то устроиться в компанию «Вакуум ойл» и что там я видел только хорошее, несмотря на то что директор Топпер был еврей и его заместитель Вайс тоже, а может быть, и директор отделения в Линце — Каннхойзер, а зальцбургский директор Блум — уж точно.

ЛЕСС. Вы помните фамилию той еврейской семьи?

ЭЙХМАН. Не знаю... Нет, не помню.

ЛЕСС. Вы рассказывали, что после поездки в Палестину написали подробный отчет вашим начальникам.

ЭЙХМАН. Я теперь уже не могу вспомнить, о чем тогда писал, потому что когда меня в Израиль, т.е. в тогдашнюю Палестину, не пустили, то ведь задание утратило смысл. И кажется, не я писал отчет... да-да, писал отчет не я, а Хаген, мой начальник. Я теперь припоминаю. Я не писал отчета, его написал Хаген.

ЛЕСС. Если его написал Хаген...

ЭЙХМАН. ...то и я, наверное, его подписал. Да!

ЛЕСС. Вы также рассказывали, что симпатизировали больше евреям, чем арабам. Это верно?

ЭЙХМАН. Это верно. И в Хайфе, когда я поехал на гору Кармель, я не взял водителя араба — я нанял еврея.

ЛЕСС. И эта симпатия нашла отражение в вашем отчете?

ЭЙХМАН. Этого я не могу припомнить, господин капитан. Но вполне возможно, потому что я всегда говорил — я это сказал с того времени раз 50 или 100 раз, — что в Палестине поступают правильно, когда имеют дело только с евреями, потому что арабы вороваты, и кто последний бросит ему пиастр, тому он и друг.

ЛЕСС. Я вам показываю теперь копии, относящиеся к отчету о поездке в Палестину и Египет гауптшарфюрера СС Эйхмана и штабс-обершарфюрера Хагена от 4 ноября 1937 г.

ЭЙХМАН. Да. Это Хаген... это все Хаген... я ведь сказал — это не мой отчет. Это отчет Хагена.

ЛЕСС. Но отчет безусловно прошел и через ваши руки, вы его правили. Вот эти исправления — это не ваш почерк?

ЭЙХМАН. Нет, это Хагена почерк.

ЛЕСС. Это тоже?

ЭЙХМАН. Да, Хагена... Поправки — я теперь уже не знаю.

Тут же повторяется... Вот «т», может быть, мое... я посмотрю... да, «д» тоже, может быть, мое. Так точно, вот по «д» я узнаю — это моя правка. Безусловно... несомненно, моя правка.

ЛЕСС. Теперь я цитирую из этого отчета: «С экономической точки зрения Палестина представляет собой неутешительную картину. Нам рассказывали, что основным платежным средством служат векселя, которые никто не учитывает, и тем не менее они продолжают обращаться, хотя и полностью обесценены, так как опротестование векселей чаще всего бывает безрезультатным. Наиболее надежными считаются векселя, выставленные на представительства германских банков, так как только они являются платежеспособными финансовыми институтами. Этот финансовый хаос не в последнюю очередь объясняется тем, что евреи обманывают друг друга, так как не могут вести свои дела с арийцами, поскольку последних не хватает. Абсолютная непригодность евреев к управлению упорядоченным хозяйством в собственном государстве подтверждается тем фактом, что в одном только Иерусалиме насчитывается до сорока еврейских банков, живущих за счет обмана своих соплеменников».

Вы находите, что это место выражает ваши тогдашние проеврейские симпатии?

ЭЙХМАН. Это все исходит не от меня, заверяю вас под присягой, господин капитан. Но эту бумагу, которую Хаген надиктовал, он давал мне ее просмотреть, как я уже говорил, и я ее правил. Надиктовал и составил все это Хаген.

ЛЕСС. Вы цитируете в этом отчете немецких евреев в Палестине: «Лучше назад в Германию и там в трудовой лагерь, чем оставаться в Палестине». Или: «В Германии нам все же лучше, чем в Палестине». Что вы имели в виду под трудовым лагерем? Концентрационный лагерь? Это одно и то же?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я не знаю, кто об этом сообщал.

ЛЕСС. Я спросил: что такое трудовые лагеря? Это концентрационные лагеря?

ЭЙХМАН. Они не могли быть ничем другим. Других ведь не было.

ЛЕСС. Если этот отчет — отчет в первую очередь Хагена, который был вашим начальником, то по логике вещей там должно бы стоять: «Отчет о поездке в Палестину и Египет штабс-обершарфюрера Хагена и гауптшарфюрера СС Эйхмана». Поскольку вы значились первым, поскольку вы, собственно, и были...

ЭЙХМАН. Был приглашенным...

ЛЕСС. ...были инициатором поездки, постольку все, что здесь говорится, должно быть одобрено в первую очередь вами. Слова, написанные слова, могут принадлежать Хагену, но суть дела, сам текст, мнение — они должны быть и вашими, поскольку ответственность лежит...

ЭЙХМАН. Конечно, не могу возразить. Мне ничего другого не остается.

ЛЕСС. Вы находите, что процитированные мною места отчета говорят о евреях с позиций симпатии к ним?

ЭЙХМАН. Нет, здесь они выглядят неприглядно.

ЛЕСС. Вы пишете о сделанном вам предложении разрешить эмигрировать 50 000 евреям в год с 1000 фунтов стерлингов на человека. Вы отвергаете это предложение в своем заключении по двум причинам. Я цитирую:

«а) В наши намерения не входит вывоз еврейского капитала за границу; мы стремимся побудить к эмиграции в первую очередь неимущих евреев. Поскольку названная квота эмиграции в основном усиливала бы еврейство в Палестине, а также с учетом того, что в интересах рейха — препятствовать образованию самостоятельного еврейского государства, упомянутое предложение не подлежит обсуждению.

б) Повышение разрешенного количества вывоза материальных ценностей в страны Ближнего и Среднего Востока означало бы для Германской империи утрату этих стран в качестве источников поступления валюты».

ЭЙХМАН. Здесь передана в точности позиция имперского министерства экономики, привлеченного с этой целью.

ЛЕСС. Теперь я цитирую описание ваших впечатлений о Румынии по дороге в Палестину: «В последнее время сельское население все больше настроено против евреев, которые шныряют по стране и, как обычно, обманывают крестьян». Вы не находите, что это цитата сделала бы честь «Штурмовику»?

ЭЙХМАН. Да, но она ведь не моя.

ЛЕСС. Но, как сказано, вами одобрена!

ЭЙХМАН. Я не могу... я... Я не могу защититься, потому что у меня нет... я не могу представить доказательств.

ЛЕСС. Какие директивы были вам даны вашими руководителями перед поездкой в Палестину? Кто был тогда вашим начальником?

ЭЙХМАН. Начальником был Зикс, доктор Зикс. А директивные указания, господин капитан, вряд ли давались.

ЛЕСС. Разве полученная вами директива не содержала следующего: подробно изучить колонизаторскую деятельность евреев в Палестине, поскольку сведения об этой деятельности представляются особенно важными, так как в случае провозглашения еврейского государства или установления фактического управления Палестиной евреями появился бы новый внешнеполитический противник Германии, оказывающий решающее влияние на политическую линию ближневосточных стран. Кроме того, признание такого государства крайне обострило бы вопрос о проживающих в Германии евреях как национальном меньшинстве.

ЭЙХМАН. Да, такой была — всегда была позиция министерства иностранных дел.

ЛЕСС. Следовательно, надо полагать, что инструкции, полученные вами перед поездкой, соответствовали этому?

ЭЙХМАН. Мне не надо было об этом задумываться. Моим шефом был Хаген. Все, о чем они договаривались с Зиксом, было в определенном смысле служебным заданием на поездку.

ЛЕСС. И все-таки, когда вы получали инструкции, вас же вызывали и говорили вам: основные направления такие-то, вот ваша задача, вот это надлежит сделать.

ЭЙХМАН. Нет! Я это знаю точно. Нет! Так не полагалось. Этого и не нужно было делать, потому что в таком вое-

низированном хозяйстве задачу ставят начальнику. А начальником был Хаген.

ЛЕСС. Ваша работа в Берлине продолжалась после поездки нормально?

ЭЙХМАН. Так точно! А в январе 1938 г. стали заметны признаки приближающейся акции в Австрии. Она произошла только в марте, но уже задолго до этого буквально все, кто еще держался на ногах, были переведены на работу в три смены: заполнять карточки для огромной картотеки, сделанной «колесом» — такая карусель диаметром в несколько метров. И обслуживавший ее сотрудник, сидя на вертящемся кресле, как за роялем, крутил это «колесо» и мог отыскать нужную перфокарту. На таких карточках записывались все важные сведения по Австрии. Источниками служили годовые отчеты, справочники, газеты разных партий, сами партии, списки их членов; короче говоря — все, что только можно себе представить. Все эти материалы доставили в Германию из Австрии за время запрета там нашей партии «доверенные лица». На карточках были записаны имя и фамилия человека, адрес, потом — партийная принадлежность, еврей ли он, масон ли, за католиков он или за протестантов, активен ли политически, и все такое. А настоящая работа в это время стояла.

ЛЕТОПИСЕЦ. *С 19 июня 1933 г. НСДАП была в Австрии запрещена как враждебная государству партия. В связи с внешней угрозой — требованием Гитлера о присоединении и угрозой внутренней — ростом активности нелегальных национал-социалистов — правительства Англии, Франции и Италии заявили 17 февраля 1934 г., что будут защищать независимость Австрии. Насколько обоснованно было это предупреждение, показали события 25 июля 1934 г., когда австрийские национал-социалисты предприняли путч, заняли в Вене резиденцию федерального канцлера и убили главу правительства доктора Энгельберта Дольфуса. Путч провалился, однако революционные настроения в стране, питаемые успехами Гитлера в Германии, постоянно росли, у правительства оставалось все меньше приверженцев, и оно уже не могло оказать сопротивление планам Гитлера.*

11 марта 1938 г. федеральный канцлер Австрии Курт фон Шушниг подал в отставку. Он заявил, что делает это под дав-

лением, уступая силе, чтобы не пролилась немецкая кровь. И 12 марта германские войска, встреченные жителями с ликованием, вступили в Австрию.

ЭЙХМАН. Настал день, когда вся группа по Австрии Главного управления СД отбыла. Я надеялся тоже попасть туда, но это не вышло. Мне так хотелось приехать снова домой, но ничего не мог поделать, ведь приказ есть приказ, ему надо подчиняться. А примерно через неделю я неожиданно получил приказ прибыть в Вену, в тамошний отдел СД — меня командировали туда. Позже это было оформлено уже как перевод. Отдел СД в Вене находился в жилом доме, принадлежавшем одной из ветвей семьи Ротшильд. Мне выделили маленькую комнату, в которой не было ничего, кроме письменного стола; здесь я должен был заниматься делами евреев.

ЧАСТЬ 2

ЭЙХМАН. Я совсем не знал Вену, был там в молодости раза три-четыре, навещал родственников, больше ничего. Прежде всего, я поехал к... поехал в гестапо и там стал спрашивать, кто может дать мне сведения о еврейских делах; и там... Ах, я забыл сказать: меня к тому времени повысили в звании, 30 января 1938 г. я был произведен в унтерштурмфюреры, — так вот, меня привели к чиновнику по делам... «Ответственный за...» — название еще времен старой Австрии. К юристу, который представился доктором Эбнером. Он был тогда еще в форме австрийской полиции. И я сказал ему, что прислан сюда и должен заниматься делами евреев, а я понятия не имею, как обстоит дело, и не разъяснит ли он мне ситуацию.

ЛЕСС. И какова же была ситуация в Вене в конце марта 1938 г., как раз через две недели после так называемого взятия власти?

ЭЙХМАН. Она была в известном смысле очень простой: он сказал мне, что на этом деле поставлена точка, оно закрыто — все еврейские функционеры сидят за решеткой. Это был первый раз, когда я столкнулся с практикой. До тех пор я только сидел за письменным столом. И я сказал доктору Эбнеру, как обстоит дело в старом рейхе (так в то время принято было говорить): надо способствовать эмиграции. Все, что на пользу эмиграции евреев, разрешено. В Германии, сказал я ему, сионистское объединение имеет возможность свободно действовать, религиозные организации могут функционировать, если они выступают за эмиграцию; и надо бы дать какую-то возможность политической жизни евреям и в Вене и во всей восточной провинции, в «Остмарк» — так в то время называли Австрию.

Эбнер дал мне список еврейских политических функционеров, которые были уже в заключении, а я попро-

сил его, чтобы по возможности мне привели того или иного... ну, кто повыше рангом, чтобы я мог с ними побеседовать, — ведь я все еще служил в СД и карательных функций не имел. Если мне что-то нужно, надо было обращаться в гестапо с просьбой.

Я не помню, кого мне привели; были несколько человек, но они мне показались слишком старыми, не энергичными, слишком осторожными. Так мне, во всяком случае, казалось. Пока я не наткнулся на доктора Лёвенгерца, доктора Рихарда Лёвенгерца. А господа, которых приводили сначала, я их будто вижу перед собой и теперь, остались на свободе, их не посадили... Их уже не вернули в тюрьму, их отпустили. Это в первые дни, когда был переворот, революция, — тогда их арестовали. Я дал доктору Лёвенгерцу бумагу и карандаш и сказал ему: «Пожалуйста, вернитесь туда еще на одну ночь и напишите мне, как бы вы это дело организовали. Как бы вы этим управляли. Суть: форсированная эмиграция».

Я должен добавить еще одну вещь, о которой не забывал никогда. Доктор Лёвенгерц, доставленный ко мне из тюрьмы, был, разумеется, возбужден и говорил сначала какую-то неправду. Тогда, не совладав с собой от гнева, чем я в нормальной обстановке не страдаю, — не знаю, что на меня тогда нашло, — я вышел из себя и дал ему пощечину. Не такую пощечину, чтобы причинила боль, конечно, нет — у меня не такие кулаки...

Но я этого дела никогда не скрывал. Потом, когда я был уже штурмбаннфюрером или оберштурмбаннфюрером, я рассказал об этом случае моим подчиненным, офицерам, рассказал в присутствии доктора Лёвенгерца и извинился перед ним. Я это сделал сознательно. Пожалуйста, вы можете проверить, у вас достаточно возможностей. Потому что и потом, в моем отделе, я не терпел, чтобы на кого-нибудь оказывали физическое воздействие. Вот причина, почему я — в военной форме и в присутствии моих людей — извинился.

ЛЕТОПИСЕЦ. Высшей государственной инстанцией для всей Австрии стал 14 марта 1938 г. гауляйтер Пфальца и Саарской области Йозеф Бюркель. Австрийским партийным фюрерам, обуреваемым завистью и раздираемым интригами, приходится

мириться с тем, что на все ключевые должности ставят важных шишек из Берлина. Все антиеврейские законы и установления рейха действуют теперь и здесь. То и дело приходят всё новые. Религиозные еврейские общины на всей территории, подвластной Гитлеру, теряют с 28 марта статус публично-правовых корпораций и должны зарегистрироваться как общественные организации. Каждый, кто согласно «нюрнбергским законам» считался евреем, был обязан до начала второго полугодия 1938 г. подать декларацию об имуществе. В августе евреев обязали обозначить свое происхождение, добавив себе второе имя — «Израиль» или, соответственно, «Сара».

ЭЙХМАН. Этот доктор Лёвенгерц принес на следующий день свою концепцию, и я нашел ее весьма подходящей, его план можно было сразу же привести в действие. Д-р Лёвенгерц сам предложил, чтобы его назначили главой еврейской общины, с чем я согласился; но назначить его я не мог, это было в компетенции гестапо.

В первые же дни новой еврейской организации д-р Лёвенгерц и его сотрудники обратились, естественно, с пожеланиями. Насколько я помню, был снят арест с еще имевшихся счетов в банках. Были разрешены еврейские организации. Восстановили запись актов гражданского состояния в еврейской общине, отправление религиозных обрядов. Короче говоря, обстановка разряжалась, но, конечно, все это при условии, что община будет способствовать эмиграции. Тем настойчивее, чем нервознее пытались ускользнуть от понуждения со стороны партии и в какой-то мере государственных служб отдельные евреи. В такой напряженной обстановке многие возможности терялись — некоторые чиновники нарочно ставили палки в колеса желающим уехать евреям, просто из садистских побуждений. Обычные приемы — вот у вас здесь не так написано! Идите! И однажды д-р Лёвенгерц и несколько его сотрудников говорят мне: «Гауптштурмфюрер, — или я был тогда оберштурмфюрером? — так дальше нельзя». И они предложили мне, чтобы я или централизовал все процедуры, или сам договорился с представителями разных ведомств, чтобы обращающимся туда по вопросам эмиграции евреям не чинили препятствий. И в тот же день у меня созрела идея: нужен

конвейер — на него кладут заявление и прочие полагающиеся документы, а с него сходит заграничный паспорт. И я предложил моему непосредственному начальнику доктору Штальэккеру, чтобы он добился от рейхскомиссара Бюркеля указа о создании в Вене центрального учреждения по эмиграции евреев и чтобы все прочие ведомства — полициейпрезидиум, министерство финансов, гестапо, валютный отдел — короче, все инстанции откомандировали туда сотрудников. Они там будут сидеть рядом, вдоль всего этого «конвейера» под контролем сотрудника венского отдела СД, т.е. моим.

После того как указ был подписан, последовало вето из Берлина, поскольку в истории всей этой управленческой механики подобного решения еще не бывало. Меня сравнивали... Ну, в Берлине заговорили о некоем «малом президиуме», при котором центральные инстанции попали под надзор полиции, т.е. в мое подчинение. Но потом эти трудности в Берлине были сглажены. В Вене мы их не замечали. Все службы работали совместно. При «конвейере» сидели и люди из еврейской общины, от шести до четырнадцати человек, в зависимости от того, каков был наплыв посетителей. Бывали дни, когда обращалось до тысячи человек. Многие пытались на этой ускоренной эмиграции заработать, отхватить свой куш. Например, в национал-социалистическом Союзе правоведов были адвокаты, которые не желали, чтобы отдельно взятый еврей сам обращался к нашему «конвейеру», они желали его консультировать, за соответствующую плату, естественно. Были и «аризаторы», которые бросались на еврейские предприятия, желая ими завладеть. Поэтому было предложено основать так называемые эмиграционные фонды, наделив их правом распоряжаться собственностью, которую не разрешено вывезти за границу.

ЛЕСС. Кто их финансировал — кто дал деньги в эти фонды?

ЭЙХМАН. Деньги поступали анонимно — они принадлежали богатым евреям, собственность которых подлежала изъятию. Кроме того, я не раз посылал д-ра Лёвенгерца и других, я их уже не помню, за границу — на поиск дополнительных средств; они там выступали с докладами и привозили валюту. Я достиг соглашения с венским ва-

лютым управлением о том, что валюта, которую привозят из-за границы еврейские функционеры, не подлежит сдаче. Еврейская община могла продавать эту валюту под контролем валютного управления, но по курсу, соответствующему возможностям уезжающих евреев. Если у кого-то было много шиллингов или рейхсмарок, то д-р Лёвенгерц требовал от такого — это я называю просто для примера — 20 марок за доллар. А у тех, кто победнее, брали меньше. Во всяком случае, отъезжающий мог купить декларируемую сумму официально, через еврейскую общину, и она имела довольно высокий доход от продажи валюты, на который и могла существовать, функционировать.

ЛЕСС. Курс доллара определялся доктором Лёвенгерцем или министерством финансов?

ЭЙХМАН. Это решал д-р Лёвенгерц, ведь это он знал, каково имущественное положение данного желающего эмигрировать еврея.

ЛЕТОПИСЕЦ. Прежде чем еврей мог покинуть Германию, его еще раз основательно обдирали. Он был обязан не только доказать (и получить соответствующий документ от финансового управления!), что ничего не должен государству и не скрыл имущества; на него возлагались еще и другие обязанности. Из-за хронической нехватки валюты в рейхе иностранную валюту предписывалось сдавать, а на вывоз рейхсмарок требовалось разрешение. При продаже оставляемого имущества еврей постоянно подвергался запугиванию и угрозам. Чтобы вывезти особенно ценные предметы, надо было получить особое разрешение. Принимающие страны не хотели пускать к себе бедных эмигрантов, которые сразу же стали бы обузой для органов социального обеспечения, и требовали предъявления декларируемых сумм в твердой валюте. Поскольку в Третьей империи покупка валюты в банках строго запрещалась, эмигранту приходилось платить за нее по курсу, назначенному для него, как утверждает Эйхман, руководителями общины.

ЛЕСС. План состоял в том, чтобы более обеспеченные евреи платили за неимущих?

ЭЙХМАН. Вот именно, вот именно! Так точно... Совершенно верно, так это и надо понимать.

ЛЕСС. Значит, этот способ идет не от Лёвенгерца, а продиктован вами и вашими службами.

ЭЙХМАН. В каком-то смысле это верно, господин капитан. Деньги вносили Лёвенгерц и прочие функционеры, или они поступали в качестве подарка из-за границы. Их требовалось сдать в пользу Рейхсбанка, и Лёвенгерц получал за них марки по действующему курсу. И вот Лёвенгерц говорит мне: наш аппарат требует все больше людей, нам уже нечем их оплачивать. У нас нет службы, которая хлопотала бы за неимущих. Мы могли бы продавать доллары, если нас освободят от обязанности сдавать их. И я подумал: это замечательное дело! Ну, получит рейх эти несколько долларов или нет — не обеднеет и богаче не станет, а вот аппарат еврейской общины в Вене сможет кое-как действовать дальше. Вот так это дело и получилось. А с другой стороны, потом были нескончаемые трудности. Что это, мол, такое — евреи не сдают валюту!

ЛЕСС. Прежде всего, евреев принудили просить валюту за границей из милости. В своей стране они должны были платить за нее колоссальную цену. Выгодно все это было в конечном счете только имперскому правительству. А евреи только теряли, когда за 1000 фунтов, которые стоили 12 000 марок, должны были платить 30 000 или 40 000 марок.

ЭЙХМАН. Верно, господин капитан, верно. Это совершенно ясно, совершенно ясно...

ЛЕСС. В июне 1939 г. д-р Лёвенгерц обращался к вам снова в связи с «освобождением квартир» — выселением евреев. Им предоставляли совершенно непригодное жилье. Евреев силой выгоняли из тех немногих парков, где им еще разрешалось бывать. Д-р Лёвенгерц просил срочно помочь.

ЭЙХМАН. Я, естественно, не ведал жилищными делами и не отвечал за побои в парках. Но вы видите, таким образом, что он мне обо всем докладывал.

ЛЕСС. Д-р Лёвенгерц не раз обращал ваше внимание на панические настроения среди евреев из-за арестов и депортации. Указывал, что деятельность общины парализована, так как невозможно за столь короткое время добыть разрешения на выезд. Что потерявшие надежду

люди, польские подданные и лица без гражданства, пытаются нелегально уйти из рейха и бежать в Польшу или в Бельгию. Обе страны выдворяют их обратно, а расходы на проезд от границы ложатся на общину.

ЭЙХМАН. Да, об этом я могу сказать только то же самое: я не приказывал их выдворять или арестовывать. Это не входило в мою компетенцию в то время. Позвольте напомнить, что «центральный отдел по еврейской эмиграции» был новшеством в германском государственном механизме. И это служило поводом для многих визитов из разных центральных инстанций, из «старого рейха». Тогдашний шеф полиции безопасности Гейдрих тоже приезжал. На этот период деятельности нашего отдела приходится и так называемая «кристальная ночь». Я не знаю, как это следует назвать иначе...

ЛЕСС. Вы помните, когда это было?

ЭЙХМАН. К сожалению, нет, не знаю. Это должно быть примерно... я думаю, осенью. Наверное, 1938 год. Инциденты той ночи устроили не полиция и не СД. Я еще помню, что на следующий день я пошел в еврейскую общину, чтобы осмотреть повреждения, потому что все это очень сильно ударило и по эмиграции. И там я увидел какого-то оберфюрера или бригадефюрера из СС, поднявшего над головой пишущую машинку, и, прежде чем я успел спросить, с полицейскими ли полномочиями он здесь находится, машинка полетела на землю. Бессмысленно поломана. Я ему сказал, что я начальник такого-то отдела. Он меня в ответ обозвал — грубым словом. Я сказал ему, что это приказ правительства — ни в коем случае не препятствовать эмиграции, и что я доложу моему руководству, начальнику полиции безопасности и СД. А он меня оттуда просто вышвырнул. Я написал донесение. Чем это кончилось, я не знаю.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Невозможно представить себе, чтобы сам бывший ответственный за «еврейский вопрос» в СД и гестапо не помнил даты «хрустальной ночи» — массового еврейского погрома. Большинство очевидцев запомнили 9 ноября 1938 г. на всю жизнь. Каждый раз, когда на допросах речь заходила об этом дне, Эйхман «ничего не знал». Возможное объяснение:*

службист дистанцируется от черни, учинившей погром без официальной поддержки и без бюрократической подготовки, в какой-то степени стихийно.

ЭЙХМАН. После той ночи работы нам сильно прибавилось.

До моего откомандирования в Прагу число эмигрировавших из Австрии евреев достигло 150 000. Насколько могу вспомнить, последние цифры были — примерно 224 000 или 234 000. Весной 1939 г. был основан так называемый протекторат Богемия и Моравия. Д-р Шталь-экер за это время повысился в звании до оберфюрера СС и был переведен с должности инспектора полиции безопасности и СД из Вены на должность командующего полицией безопасности и СД в Прагу. Совершенно ясно, что как только он вступил там в должность, он потребовал, чтобы меня срочно командировали к нему в Прагу. Где-то в апреле я был откомандирован туда. Сначала я противился переводу из Вены. Когда создашь и выпестуешь свою службу, отдавать ее не хочется. У меня не было трудностей с еврейскими политическими функционерами. И я не думаю, чтобы кто-нибудь из них мог на меня пожаловаться. Даже сегодня. Я в это совершенно не верю, потому что они знали, что я не был юдофобом. Я никогда не был антисемитом и никогда этого не скрывал. Я не хочу хвалить себя. Я хочу этим всего лишь сказать, что наше сотрудничество в венском центральном отделе было деловым и корректным. Уже в начальной школе у меня был друг еврей, и, когда мы виделись в Линце последний раз, мы пошли погулять за город; я тогда носил уже значок НСДАП на лацкане, и он в этом ничего такого не находил.

Руководство венским отделом перешло к гауптштурмфюреру Рольфу Гюнтеру и будущему гауптштурмфюреру Алоису Бруннеру. Я теперь отвечал только за Прагу. Там центральный отдел был гораздо меньше, чем в Вене, но система совершенно такая же; функционеры пражских еврейских организаций бывали в Вене, а венские ездили в Прагу. Так что я мог вообще не вмешиваться, просто в Праге копировали венский опыт. Уже поэтому дело катилось по наезженной колее, позволю себе заметить, при том что людей с пробивной способ-

ностью д-ра Лёвенгерца в Праге не было. В Праге все происходило тише и спокойнее, но при этом успех... успехи для обеих сторон были не столь явными как в Вене. Может быть, за границей в общем-то уже нечего было взять после того, как всё, что возможно, вытянули в Вену. Пражским господам приходилось в этом смысле труднее. И в Праге был создан только один эмиграционный фонд.

ЛЕСС. Кто были ваши еврейские партнеры?

ЭЙХМАН. Самые лучшие отношения были у меня с раввином д-ром Мурмельштейном. Еще там были д-р Вейнман и г-н Эпштейн — кажется, его фамилия была Эпштейн. Может быть, контактам между нами мешало — затрудняюсь правильно сказать — скажем, их чешское произношение. Общение получилось у меня сразу только с д-ром Мурмельштейном. Он, д-р Вейнман и еще другие активисты, кого они себе сами выбрали, взяли потом на себя и обустройство в Терезиенштадте.

С доктором Штальэккером у меня были хорошие отношения, выходявшие за рамки служебных. Мы встречались в неслужебной обстановке по воскресеньям до обеда, и понятно, что наряду с другими вещами говорили и о возможностях решения, политического решения дела, потому что это было альфой и омегой вообще всей моей деятельности в СД. А Терезиенштадт, где по желанию руководства протектората надлежало сконцентрировать евреев из Богемии и Моравии, был для этого уже мал. Дайте евреям автономную территорию — и проблема будет решена, для всех! Пока англичане сидят в Палестине и возможности эмиграции туда ограничены, надо выйти из положения, предоставив другую территорию.

А тут началась всюю польская кампания, и я уже не знаю, у кого родилась идея — у Штальэккера или у меня, — во всяком случае, она родилась: именно мы, полиция безопасности, должны как можно быстрее объявить какую-то территорию как можно большей площади автономным еврейским государством, протекторатом.

ЛЕСС. Это было так важно в разгар войны?

ЭЙХМАН. Из-за войны возможности эмиграции ухудшились. И в то же время гауляйтеры, министерство пропа-

ганды, т.е. Геббельс, канцелярия заместителя фюрера, т.е. рейхсляйтера Бормана, — нажимали со всех сторон. С людьми моего ранга они уже не общались. Они обращались к самому главному, к Гиммлеру. А он был такой человек — он всегда был рад услужить этим важным — в то время важным — господам. Лезть в еврейские дела считалось хорошим тоном. Стоило Гитлеру выступить с очередной речью — при этом он, разумеется, затрагивал и еврейский вопрос, — как все центральные инстанции партии и государства тут же бросались придумывать еще что-нибудь. А Гиммлер с каждым соглашался, мол, будет сделано. Поручал это начальнику полиции безопасности и СД Гейдриху, а тот пересылал Мюллеру, и тогда он пришел ко мне.

ЛЕСС. А кто такой Мюллер?

ЭЙХМАН. Он был моим начальником, группенфюрер Мюллер. Я потом еще скажу о его департаменте в Главном управлении имперской безопасности. Позвольте мне теперь продолжить — мы ведь остановились на Польше. Да, там мы увидели свой шанс. В один прекрасный день мой непосредственный начальник, уже упоминавшийся д-р Штальэккер и я отправились в Польшу и доехали до реки Сан, это на юго-востоке Польши, приток Вислы. И патруль русской полиции сопровождал нас уже на их территории, за демаркационной линией. Так мы доехали до Ниско на реке Сан, эта местность относилась к Радомскому воеводству. Я об этом месте знал только от евреев, я их посылал посмотреть, каковы там возможности обустройства. И вот мы туда приехали, увидели обширную местность — река, деревни, рынки, местечки, и мы решили — вот то, что надо, и почему не переселить на этот раз поляков, ведь все равно здесь многих переселяют, и не отдать эту территорию евреям? Ведь как раз восточный еврей — хороший ремесленник. Если евреи из Австрии, Германии, Чехосло... из Богемии и Моравии, из протектората, если они снабдят их производственным оборудованием, да к тому же сельское хозяйство, — это может быть неплохим решением вопроса на определенное время; даже на долгое время, и тогда у нас не будет все время «пожар». И всем выгодно! Правительство доложит, что выполнило политическое решение. Партия

разрешил еврейский вопрос, программный пункт; на нас, полицию безопасности, перестанут так нажимать, и самим евреям будет спокойнее.

Вот наконец хорошее, мягкое решение; и Штальэкер предложил его Гейдриху. Тот согласился, и я получил приказ: отправить в Ниско 500, а может быть, 1000 еврейских рабочих — точного числа я уже не помню — и несколько товарных составов с нужными материалами, соорудить там барачный поселок и расселять там евреев по мере их выселения отсюда.

ЛЕСС. Десятого октября 1939 г. в Вене г-ну доктору Лёвенгерцу было приказано составить первый эшелон в Польшу. Еврейской общине надлежало отобрать 1000—1200 работоспособных мужчин, главным образом рабочих, особенно столяров, плотников и техников. С собой взять деревообрабатывающие станки, пилы, топоры, молотки и гвозди...

ЭЙХМАН. Ага, это для Ниско!

ЛЕСС. ...а также пропитание на три-четыре недели. Далее в этом документе говорится: д-р Лёвенгерц просил гауптштурмфюрера СС Эйхмана разрешить ему доложить свои соображения...

ЭЙХМАН. Ага...

ЛЕСС. ...относительно эшелонов в Польшу.

ЭЙХМАН. Ага...

ЛЕСС. И 27 октября д-р Лёвенгерц доложил гауптштурмфюреру Эйхману, что община, конечно, знает, что должна выполнять поступающие указания.

ЭЙХМАН. Ага...

ЛЕСС. Но она сталкивается с трудностями в среде еврейского населения.

ЭЙХМАН. Это были еще цветочки, ведь к этому времени появилась фигура генерал-губернатора в лице Франка. Мы его называли, чтобы отличать от К.Г.Франка, государственного секретаря в Праге, — «польским Франком». Начались жуткие интриги и большая возня. Франк тут же стал напирать в Берлине — он хочет сам решить у себя еврейский вопрос — и противился тому, чтобы евреев отправляли в его генерал-губернаторство. Те, кто уже там, должны немедленно исчезнуть. Франк отдал командующему полицией безопасности и СД в Кракове брига-

дефюреру СС Штрекенбаху приказ немедленно арестовать меня, если я появлюсь в генерал-губернаторстве. Штрекенбах сообщил мне об этом; он ведь не имел никакого права арестовывать меня без согласия нашего общего начальника Гейдриха. Этого Франк, наверное, в гневе не учел. Да, но надежда на какое-либо первоначальное урегулировании опять исчезла.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Если бы венский доктор Лёвенгерц захотел в те дни обратиться за поддержкой к Эйхману, то уже не застал бы его в Праге. Ему пришлось бы ехать в Берлин.*

Это изменение места службы и должности и определило окончательно всю дальнейшую деятельность Эйхмана. До сего времени он был служащим СД, не облеченным властными полномочиями; теперь Эйхман был включен в состав созданного 27 сентября 1939 г. Главного управления имперской безопасности (РЗХА), которое, согласно указу Гимmlера, становилось «объединением центральных служб полиции безопасности и СД». Эйхман сразу оценил преимущества такого двойственного положения — в зависимости от целесообразности, он мог выступать теперь и как сотрудник СД, и как ответственный работник тайной полиции, гестапо — исполнителя воли государства.

ЭЙХМАН. Я думаю, это было в начале октября 1939 г. Мой постоянный представитель при центральном отделе в Вене гауптштурмфюрер Гюнтер и я получили по телеграфу приказ явиться в Берлин к начальнику Управления тайной государственной полиции, будущему группенфюреру СС Мюллеру. Говорилось, что я должен буду подготовить для Геринга доклад по еврейскому вопросу. На самом же деле Гюнтера и меня перевели в Берлин, чтобы организовать там центральную службу эмиграции евреев. Я сообщил, что меня нельзя отзывать из Праги, искал разные отговорки. Меня ведь только что перевели из Вены в Прагу. Из Берлина не отвечали ни да, ни нет, и я уже думал, что выиграл это дело. Но спустя несколько дней получил телеграмму, в которой сообщалось — на этот раз совершенно конкретно, — что с такого-то числа я переведен в Берлин.

Я должен был еще сдать дела по протекторату, и мы с гауптштурмфюрером Гюнтером поехали в Берлин. Ме-

сто службы нам определили на Курфюрстенштрассе, кажется, номер 116 — дом, принадлежавший раньше какой-то еврейской организации. И ресторан там был. Дом был весь в мраморных лестницах, с большими залами, вообще-то говоря, непригодными для учреждения, но центральное ведомство с большим потоком посетителей там можно было разместить. Мы привлекли людей из Праги и Вены, чтобы организовать работу таким же потоком, какой был там. Некий доктор Эпштейн из имперского объединения евреев в Германии — так, кажется, называлась официальная головная организация — выполнял в Берлине примерно ту же функцию, что д-р Лёвенгерц в Вене. Ведомства, которых это касалось, выделили нужных чиновников, и дело пошло. Пока эмиграция не застопорилась окончательно; это было, когда уже шла война с Советским Союзом. К тому времени эмиграция была уже и так сильно затруднена; насколько я помню, оставался один-единственный маршрут на юг и еще в восточном направлении через Румынию. Summa summarum, в общем и целом, деятельность нашего «центрального отдела» превратилась в мучение. Можно сказать, была безрадостная перспектива для обеих сторон. Для евреев, потому что на самом деле было трудно найти какие-либо существенные средства для выезда. Для нас, потому что дело стояло, не было отъезжающих.

ЛЕСС. Но ведь одна из ваших обязанностей заключалась в том, чтобы до конца 1940 г. очистить от евреев хотя бы Вену — эвакуировать всех.

ЭЙХМАН. Но, господин капитан, не только ведь Вена. Мне ставились самые разные сроки, к которым я должен был всех отправить, — но, конечно, я должен здесь сказать, — легко было приказывать. Но эти сроки никогда не выдерживались, поскольку исполнение зависело от многих факторов, находившихся совершенно вне сферы моей ответственности.

ЛЕСС. Я читаю вам теперь текст из отчета венского отдела: «2 декабря 1939 г. д-р Лёвенгерц доложил гауптштурмфюреру Эйхману, — наверное, он посетил вас в Берлине? — что американский комитет «Джойнт дистрибьюшн» сообщает ему, что валюта будет выделяться только при условии продолжения процесса эмиграции... Если в марте

1940 г. будет возобновлена отправка людей эшелонами в Польшу, выплаты будут прекращены... Гауптштурмфюрер Эйхман уполномочивает д-ра Лёвенгерца уведомить «Джойнт», что эшелоны в Польшу будут отменены, если «Джойнт» заявит, что будет предоставлять еврейской общине валюту до конца 1940 г., а еврейская община обязуется обеспечить ежемесячно отъезд соответствующего числа евреев, с тем чтобы эмиграция могла быть завершена до конца октября 1940 г.».

ЭЙХМАН. Это поручение я дал д-ру Лёвенгерцу в Берлине, но здесь, в управлении гестапо, я больше ничего не делал, не решив вопрос с начальником IV управления. Мне ведь не надо было теперь обращаться к инспектору в Вене или к командующему в Праге. Наверное, дело было так, что я обратился письменно, никак не устно, через начальника IV управления к Гейдриху и сообщил: вот, пожалуйста, мы получим столько-то и столько валюты, если не будем отправлять эшелоны в Польшу. И мне, очевидно, было отвечено: прекратить отправку. Как раз в это время были большие перестановки в гестапо, и мне поручили отдел IV В 4. Наверное, Мюллер тогда подумал — нечего им там делать в отделе эмиграции, а я могу сократить штаты.

Это был еврейский отдел, и он находился до тех пор вместе с IV управлением на Принц-Альбрехтштрассе, дом 8. Гиммлер, а под ним Гейдрих были моими высшими начальниками. А четвертым управлением в Главном управлении имперской безопасности ведал Мюллер. Между ним и моим отделом был еще руководитель группы отделов В. Все дела шли, конечно, на подпись через него, но, по существу, они его не слишком интересовали, так что я всегда старался попасть прямо к Мюллеру. Всего в IV управлении было от 18 до 22 отделов. Отдел, который поручили мне, остался из-за нехватки места на Курфюрстенштрассе. В отделе эмиграции остались у меня, кроме Гюнтера, несколько человек из Вены и Праги. А в гестапо я получил вместе с отделом IV В 4 не только его название, но и весь личный состав, кроме бывшего начальника.

ЛЕСС. Когда вы говорите о Гюнтере — о каком? Там были два брата?

ЭЙХМАН. Гауптштурмфюрер Гюнтер, Рольф Гюнтер. Он был моим постоянным представителем. У нас не было слова «заместитель». Текущая работа отдела как шла, так и продолжалась, потому что сотрудники просто переехали в другое место, только и всего. Гюнтер вникал в основном в эти новые для нас обоих, совершенно неизвестные дела гестапо, но, собственно говоря, это было ему и не нужно, потому что старые чиновники все равно делали — если разрешите выразиться грубо — как им заблагорассудится, спустя рукава. А я занимался планом по Мадагаскару.

ЛЕСС. Почему вы этим занялись?

ЭЙХМАН. Из-за войны эмиграция снизилась практически до нуля. Если разрешите еще раз вернуться назад: Терезиенштадт тоже не был выходом, а попытка использовать Ниско на реке Сан провалилась. Шла военная кампания во Франции, она давала мне новую надежду на решение, по меньшей мере временное. Я вспомнил про хлопоты Теодора Герцля о еврейском государстве; Адольф Бём писал, что Герцль интересовался также и Мадагаскаром. Но я вспомнил, что он наткнулся с этим делом на сильное сопротивление в своих же рядах. Я подумал: мне все равно, где это найдется — земля и место на ней; там и надо хвататься! Дело ведь принимало все более угрожающие масштабы: законы, обязывающие евреев покинуть места своего проживания, — с одной стороны; нажим со стороны партии на нееврейское население — с другой. Не надо было большого ума, чтобы понять — если так пойдет и дальше, то дело кончится таким крахом, что даже трудно себе представить. Пусть не то, что потом произошло. Но что должно случиться, говорил я себе, потому что если котел, доверху полный воды, долго нагревают, а клапана нет, то рано или поздно котел взорвется. На своей скромной должности я стремился помочь найти этот клапан; я хотел бы уподобить этому клапану мои старания — найти где-нибудь возможность расселения. И с «планом Мадагаскар» у меня возникла идея нового решения.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Военная кампания во Франции, начавшаяся немецким наступлением 10 мая 1940 г., завершилась уже 25 июня полной победой вермахта и перемирием, превратившим поло-*

вину страны в зону оккупации. Остров Мадагаскар был в то время французской колонией с населением всего 3,5 миллиона человек — на территории, в два с лишним раза большей, чем ФРГ (до объединения).

ЭЙХМАН. Теперь я мог видеть на примере Терезиенштадта, что переселение в гетто, «геттоизация», ничего не дает. Там было достигнуто решение, более или менее приемлемое, как я это себе представлял, примерно для 10 000 человек, но туда сгоняли слишком много людей. Многие гауляйтеры хотели избавиться в своих областях от евреев, которые уже не могли эмигрировать из-за преклонного возраста. Эти гауляйтеры пускали в ход любые средства, чтобы получить согласие Гиммлера и «спихнуть», как они говорили, «своих евреев» в Терезиенштадт. С другой стороны, против этого гетто возражал гауляйтер Саксонии, мотивируя тем, что евреи создают очаг эпидемий и огромный черный рынок вблизи границ его области. Я постоянно указывал на эти трудности, хотя они и не относились к моей компетенции, поскольку проводить «геттоизацию» было приказано лично Гиммлером. А он давно держался позиции Штрейхера, журнала «Штурмовик», полная противоположность своему подчиненному — начальнику полиции безопасности и СД Гейдриху, который не был сторонником этой совершенно нереалистической концепции — что называется, и дураку ясно.

ЛЕСС. Мадагаскар казался вам реальнее?

ЭЙХМАН. Сначала я пошел в управление по делам эмиграции министерства внутренних дел и справился там о географическом положении, климатических и природных условиях и других сведениях. Получил основательную информацию в Тропическом институте в Гамбурге, и дело не казалось мне таким уж невозможным. Мне представлялось, что в правовом отношении это может быть автономная еврейская область Мадагаскар.

До этого времени я мог как простой исполнитель прятаться за широкой спиной какого-то ответственного работника. Теперь в Берлине это стало иначе. Теперь я сам был ответственный работник, здесь действовала бюрократическая машина, с которой мне прежде не прихо-

дилось сталкиваться, с которой я еще не был знаком. Столько возникало трудностей, затевались нудные обсуждения, тысячи возражений со стороны центральных инстанций! Одни заявляют, что вопрос в их ведении, другие — то же самое! Министерство иностранных дел, например, отрицало право полиции безопасности заниматься этим вопросом на том основании, что Мадагаскар не в Германии. Люди не понимали целей и задач. Они ведь не читали ни одной серьезной книги, не изучали фундаментальных трудов. У них не было внутреннего ощущения этого дела. Они не вникали в проблему как таковую. Правительственный советник по фамилии Лишка, например, никогда не интересовался этим вопросом. Советник Лишка, советник Ланге, советник Зур, советники X, Y, Z — не важно, кто именно; любой сухарь-чиновник, ему не было дела до Ниско на Сане, ему не было дела до Терезиенштадта, ни до чего ему не было дела, потому что его ничто не интересовало, «этого нет в делах, нет прецедента, по регистрации не значится...» — и он не желает с этим связываться. Ясное дело — эти люди сидят себе тихо, и так им гораздо легче. Ведь эти люди не читали, скажем, фундаментальных трудов, не прорабатывали их. У них не было внутреннего ощущения...

А когда план наконец полностью прояснился и ни у одного из центральных ведомств не осталось пожеланий — тогда было уже поздно. Немецкие войска давно были в Париже, но до Мадагаскара нам было не добраться. Когда ушел французский флот и Германия оккупировала не занятую до тех пор часть Франции до самого Средиземного моря, о Мадагаскаре не могло быть уже и речи. На том дело и кончилось, порушилось. Проснулись! Должно быть, это 1940 год.

ЛЕТОПИСЕЦ. Эйхман ошибается, называя год. После того как 7 ноября 1942 г. войска западных союзников высадились в Северной Африке, Германия 11 ноября 1942 г. оккупировала еще не занятую часть Франции, включая средиземноморское побережье. Французский военный флот, стоявший в порту в Тулоне и «нейтрализованный» по условиям перемирия, был затоплен командами кораблей — командующий не захотел отдать их

немцам. После этого связь метрополии с французской колониальной империей, в том числе с островом Мадагаскар, прекратилась.

ЛЕСС. Целью мадагаскарского плана было охватить всех евреев? В ваших документах говорится везде о четырех миллионах евреев.

ЭЙХМАН. Ну, все это, конечно, только теории. Поедут ли на Мадагаскар четыре миллиона — кто мог это знать.

ЛЕСС. План должен был способствовать решению еврейского вопроса?

ЭЙХМАН. В довольно значительном объеме — сначала главным образом для находящихся в Германии, Австрии и в Чехословакии евреев. А дальше было бы видно, что возможно еще.

ЛЕСС. Евреи в генерал-губернаторстве — их, может быть, тоже имели в виду?

ЭЙХМАН. Конечно, я ведь уже упоминал Радом...

ЛЕСС. Слышали ли вы о сообщении польской научной комиссии, посетившей Мадагаскар в 1937 г.?

ЭЙХМАН. Нет, никогда, никогда, никогда! Меня побудил к этому Теодор Гершль.

ЛЕСС. Известно ли вам, что вопрос о Мадагаскаре раньше уже изучался, например — этой польской комиссией...

ЭЙХМАН. Нет, этого я... нет, этого я не знаю.

ЛЕСС. ...которая пришла к выводу, что там можно поселить самое большее 15 000 еврейских семей из Европы; однако часть членов комиссии считала, что и это число завышено?

ЭЙХМАН. Господин капитан, но... но я... я ничего об этом не слышал. Я полагался на то, что мне сказали в министерстве внутренних дел, в отделе по делам эмиграции... Наверное, в то же время, когда я занимался Мадагаскаром, проводилась акция по эвакуации, кажется, из района Бадена. Обстоятельства были таковы: Гиммлер сообщил начальнику полиции безопасности и СД, что гауляйтер, фамилию его я забыл, заявил ему, что желает во что бы то ни стало, любым путем избавиться от «своих евреев». И Гиммлер с ним согласился и приказал, чтобы их отправили в неоккупированную часть Франции. Мой отдел, т.е. IV В 4, должен был дать заявку на железнодоро-

рожные составы в министерство транспорта, и это министерство определило маршрут согласно своим расписаниям, кажется, через Шалон-на-Марне. Об этом позвольте сказать еще вот что: во время войны одно из первых дел имперского министерства транспорта было — упорядочение перевозок. С Гейдрихом договорились — чтобы, значит, все грузы по железной дороге для полиции безопасности... Чтобы у нас был только один отдел, который с ними... тогда мы будем знать, что груз придет, когда это необходимо! Это будут перевозки «военного значения». Потом эти слова изменили, стало «решающего военного значения». Это действовало для всех центральных инстанций, и у нас решили, чтобы отвечал за все отдел IV В 4. Все равно, поляки это или цыгане, или материалы, или бараки — всё шло через мой отдел. С таким же успехом Мюллер или Гейдрих могли назначить любой отдел управления, обмундирования, например. А Шалон-на-Марне — это была, кажется, последняя станция в оккупированной Франции, дальше шла неоккупированная зона. Мне было строго приказано, чтобы эти поезда нигде на оккупированной территории не стояли. А на пограничной станции я понял, что протолкнуть через демаркационную линию четыре или шесть эшелонов — всё пассажирские вагоны — задача почти неразрешимая. Во-первых, охраняла их наша полиция, а в неоккупированной зоне распоряжались сами французы. А во-вторых, после прохода поезда блокировались стрелки. Как мне пришла в голову мысль объявить начальнику станции, последней станции в оккупированной Франции, что это «эшелоны вермахта» и почему он мне поверил и пропустил поезда дальше, когда их увидел, — я не знаю... и теперь не знаю. Я только знаю, что это очень плохо кончилось бы для евреев и для меня тоже, если бы поезда застряли, их не пустили бы ни туда, ни обратно...

Когда прошел последний эшелон, я сел, обливаясь потом, в свою машину и поскорее уехал. Трудности, которые после этого возникли, улаживать надо было уже министерству иностранных дел с правительством в Виши.

ЛЕСС. Сколько евреев было эвакуировано этим путем?

ЭЙХМАН. Было четыре, может, шесть поездов, значит, приблизительно, я считаю, от 3500 до 4000 евреев.

ЛЕТОПИСЕЦ. *То, о чем рассказывает здесь с шутливым оттенком Эйхман, стало трагедией 6504 евреев, женщин и мужчин самого разного возраста. Баденский гауляйтер Роберт Вагнер получил под свое управление Эльзас, гауляйтер Пфальца и Саарской области Йозеф Бюркель — Лотарингию. Жившие в этих областях евреи должны были, согласно условиям перемирия между Францией и Германией, найти приют во Франции. Но под этим предлогом нацисты «освобождали от евреев» и обе германские провинции, «гау». В конце октября 1940 г. на рассвете более 6500 баденских и пфальцских евреев были извлечены из домов и погружены в поезда; брать с собой разрешалось до 50 килограммов багажа и по 100 марок на человека. Остальная собственность досталась рейху. Эшелонов было девять, только через четыре дня и три ночи, проведенных в пути, депортируемых выпустили из вагонов — во французском концлагере. Меньше чем тысяче из них удалось эмигрировать или бежать, 2000 умерли во французских лагерях от голода и болезней, всех оставшихся вывезли позже по распоряжению Эйхмана на Восток и там убили.*

Это была далеко не первая акция такого рода. После одного из совещаний, происходившего в Катовицах 10 октября 1939 г., Эйхман записал: «Фюрер распорядился переместить 300 000 евреев, прежде всего из Старого Рейха и Остмарка». Первая крупная акция была проведена в ночь с 12 на 13 февраля 1940 г. в Штеттине: 1200 евреев, независимо от возраста и пола, были вытащены из домов и загнаны в товарные вагоны; взять с собой им разрешили по одному чемодану вещей и теплую одежду. В их домах поселились немцы из прибалтийских стран, бежавшие от «советизации». Эшелон с евреями направился в «генерал-губернаторство». В пути замерзли насмерть 71 человек, еще 230 умерли в лагерях в течение месяца, остальные пропали в лагерях смерти.

ЭЙХМАН. Эти эшелоны во Францию, между прочим, вот типичный пример того, как Гиммлер импульсивно, словно спьяну, реагировал — раз-два, взяли! Облекал в приказы дела, словно предназначенные для того, чтобы их невозможно было исполнить. Гиммлер всем внушал

страх. Вот только небольшая иллюстрация: когда кого-то вызывали к Гиммлеру, надо было... в его ставке, в уборной спецпоезда, всегда оставляли пемзу и лимон. Потому что если у кого-то были хотя бы желтые следы от никотина на ногтях, Гиммлер мог схватить его за руку и заявить: «Три месяца — или полгода — не курить! Немедленно, даете слово! Это приказ! Идите!»

Поскольку с провалом плана по Мадагаскару меня лишили какой бы то ни было интересной работы, я тогда просил группенфюрера Мюллера перевести меня на должность полицей-президента в какой-нибудь город. Он мне сказал: солдат тоже не выбирает, где ему сражаться. Позже я пытался несколько раз отпроситься, чтобы меня командировали на фронт. С тем же результатом. К концу 1940 г. мероприятия по «геттоизации» в генерал-губернаторстве достигли высшего размаха и близились к завершению, то же самое в Вартегау; но к этим акциям отдел IV В 4 не имел никакого отношения.

ЛЕТОПИСЕЦ. Гауляйтер Грейзер в Познани и генерал-губернатор Франк с резиденцией в Кракове получили от Гитлера полномочия сконцентрировать евреев из подведомственных им областей (бывшей польской Западной Пруссии — первый и остальной части Польши — второй) в гетто, а нетрудоспособных — приказать уничтожить. Им не нужен был для этого Эйхман. Однако и его отдел не бездействовал.

ЭЙХМАН. Мой непосредственный начальник группенфюрер Мюллер теперь нередко посылал меня в разные места с заданиями — ознакомиться и доложить; ведь он сам никогда не уезжал из Берлина, но желал все подробно знать, вот я и осмотрел гетто в Лицманштадте, теперь это опять Лодзь, и гетто в Варшаве.

ЛЕСС. Может быть, вы теперь упомянете, в чем состояли функции вашего отдела во всем этом деле?

ЭЙХМАН. Так точно, конечно! Отдел IV В 4 несколько раз незначительно реорганизовывался. Когда я его принял, он назывался просто «еврейские дела». Я уже не помню точно — перед тем, как официальное название стало «отдел борьбы с мировоззренческим противником», имел ли он название «окончательного решения еврей-

ского вопроса»? Слова «окончательное решение» изначально не имеют ничего общего с физическим уничтожением, о чем я хотел бы еще сказать позже. Слова «окончательное решение еврейского вопроса» уже приходили мне в голову, когда я брался за мадагаскарский проект.

ЛЕСС. Это уже тогда называлось окончательным решением еврейского вопроса?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я знаю, что слова «окончательное решение...» употреблялись обычно и раньше. Вот их и вспомнил Гейдрих или Гиммлер. Отдел занимался, когда я его принял, лишением гражданства и реквизицией собственности. Только работа с документами... Самого имущества в гестапо даже не видели, только документы!

ЛЕСС. Эти документы вами визировались, прежде чем поступали дальше?

ЭЙХМАН. Часто их просто помечали внизу, на приеме почты. Это же была обыкновенная текучка, она шла автоматически — печатные формуляры, их можно было и не читать.

ЛЕСС. Это вы говорите о депортациях евреев из Западной и Восточной Европы?

ЭЙХМАН. Насколько я могу вспомнить, евреев депортировали из Голландии, Бельгии, Франции, потом из Греции, из Словакии, из Румынии. Про Хорватию я не знаю. Еще из Дании. Из Венгрии. Я не знаю — не забыл ли я какую-нибудь страну?

ЛЕСС. Италию?

ЭЙХМАН. Из Италии вообще-то нет, но, может быть, из пограничной полосы между Италией и Францией.

(Лесс предлагает Эйхману сигарету.)

Большое спасибо, gracias! Конечно, сколько из этих стран эвакуировали, сколько было отправлено эшелонов, я теперь не помню даже приблизительно. Если я стану называть числа с потолка, это ведь никого не устроит. Как хотите, я, разумеется, готов подчиниться. Пожалуйста, как прикажете.

ЛЕСС. Хорошо, мы можем вернуться к этому вопросу позже. Вы говорили об окончательном решении еврейского во-

проса. Хотите рассказать об этом или сначала о войне с Россией?

ЭЙХМАН. Вопрос об окончательном решении, он зависит... это связано с обстоятельствами, возникшими с началом войны Германии с Россией. Я не уверен, как именно было сказано — в документе, которым рейхсмаршал Геринг назначил начальника полиции безопасности и СД: «уполномоченным по окончательному решению» или «по решению еврейского вопроса»?

ЛЕСС. Разве этот документ не относится к времени до начала Второй мировой войны?

ЭЙХМАН. Мы можем отнести его, вернее всего, к тому времени, когда эмигрировать было уже невозможно и начались радикальные меры. Начало войны с Советским Союзом было, я думаю, в июне 1941-го. Наверное, спустя два месяца... или, может быть, через три месяца меня вызвал Гейдрих. Я явился. И он сказал мне: «Фюрер, ну, с этой эмиграцией...» Но сначала совсем коротко: «Фюрер приказал физически уничтожить евреев». Эту фразу он мне сказал. И вопреки своему обыкновению надолго замолчал, словно хотел проверить действие своих слов. Я это и сегодня помню. В первый момент я даже не пытался представить себе масштаб этой акции, потому что слова он тщательно подбирал. Но потом я понял, о чем идет речь, и ничего на это не сказал, потому что ничего сказать уже не мог. Потому что о таком... о таких вещах, о насильственном решении я никогда и не думал. И тогда он сказал мне: «Эйхман, поезжайте к Глобочнику в Люблин».

ЛЕСС. К кому?

ЭЙХМАН. Глобочник, бывший гауляйтер Вены, был теперь начальником СС и полиции Люблинского округа в генерал-губернаторстве. Так вот, Гейдрих сказал: «Поезжайте к Глобочнику. Рейхсфюрер уже дал ему соответствующие указания. Посмотрите, как у него пошло дело. Чем он там пользуется для уничтожения евреев». Как было приказано, я отправился в Люблин, нашел управление начальника СС и полиции Глобочника, явился к группенфюреру и сказал ему, что меня прислал Гейдрих, потому что фюрер отдал приказ о физическом уничтожении евреев.

ЛЕСС. Группенфюрер?

ЭЙХМАН. Простите?

ЛЕСС. Группенфюрер?

ЭЙХМАН. Нет, фюрер, Гитлер, конечно, фюрер. Гитлера я имею в виду — это ведь слова Гейдриха.

ЛЕСС. Гейдрих...

ЭЙХМАН. ...которые Гейдрих мне сказал. Он сказал: «Фюрер приказал...» — это значит, приказал Гитлер — «физически уничтожить евреев». Глобочник вызвал тогда некоего штурмбаннфюрера Хёфле, наверное из своего штаба. Мы поехали из Люблина, я теперь не помню, как это место называется, я их путаю, я не могу точно сказать, это была Треблинка или что-то другое. Там лесистая местность, редкий такой лес, и через него грунтовая дорога, польская дорога. И справа от дороги был дом, обычное такое строение, в каком живут люди, которые там работают. Нас приветствовал капитан, обыкновенный полицейский офицер. Там были еще рабочие, несколько человек. А капитан был без мундира, что меня крайне удивило, он был с закатанными рукавами, он, наверно, вместе с ними работал. Они там строили деревянные домики, два или три. Размеры — может быть, с дачный дом, комнаты на две-три. Хёфле велел полицейскому капитану объяснить мне, что они строят. И тот начал. Это был человек с таким, знаете... таким хриплым голосом. Может быть, он пил. Говорил на каком-то диалекте, наверное, как на юго-западе Германии, и стал мне рассказывать, что все швы он уже уплотнил, потому что здесь будет работать мотор от русской подводной лодки, и выхлопные газы мотора подведут сюда и будут травить ими евреев.

Для меня это было тоже чудовишно. У меня не столь грубая натура, чтобы я мог вот так запросто... чтобы я мог вынести нечто подобное. Если вижу у человека открытую рану, не могу на это смотреть. Я не мог бы стать врачом. Я хорошо помню и сейчас, как сразу себе все это представил и как я себя плохо почувствовал, будто со мной самим что-то произошло... Как это бывает, меня охватила дрожь. Затем я поехал в Берлин и доложил это дело начальнику полиции безопасности.

ЛЕСС. Мюллеру?

ЭЙХМАН. Мюллеру, разумеется, тоже.

ЛЕСС. Не Гейдриху?

ЭЙХМАН. Гейдриху, да, но Мюллер был моим непосредственным начальником. Я ему сказал то, что говорю сейчас. Может быть, я где-то путаю очередность. Разрешите мне самому... *(Берет карандаш и бумагу.)*

ЛЕСС. Да, пожалуйста!

ЭЙХМАН. ...самому делать заметки, ведь я стараюсь, чтобы все было в определенном порядке. Это было... да, я ведь сказал перед этим, это, должно быть, позднее лето, осень.

ЛЕСС. Какого года?

ЭЙХМАН. После того как вспыхнула война Германии с Россией. Значит, это было в 1941 г., осенью. Меня снова послали, теперь в Хелмно, это в Вартегау. Я получил приказ Мюллера ехать и доложить ему, что там происходит. Он мне не говорил так... как Гейдрих, не так прямо: «Там проводится акция с евреями, Эйхман. Поезжайте туда. И доложите мне!»

Я явился в управление гестапо в Лицманштадте — теперь это опять Лодзь, — и там мне описали, что действует специальная команда, «зондеркоманда», которую назначил рейхсфюрер. Мне точно рассказали, где находится это Хелмно. Вот что я там увидел: помещение, если я верно помню, раз в пять больше того, где мы находимся; там внутри были евреи. Они должны были раздеться, и тогда к дверям подъехала закрытая грузовая машина, фургон. Подъехала совсем вплотную. И голые евреи должны были переходить в кузов. Потом их там заперли, и машина уехала.

ЛЕСС. Сколько человек вошло в машину?

ЭЙХМАН. Я не знаю этого точно. Я не смотрел все время. Я не мог. Нет! С меня было довольно. Их крики и... и я был слишком взволнован и так далее. Я сказал это и Мюллеру, когда докладывал ему. Он не придал этому особого значения. А там, на месте, я поехал вслед за той машиной — и увидел самое ужасное из всего, что видел в жизни до этого. Фургон подъехал к длинной яме. Кузов открыли, и оттуда выбрасывали трупы. Словно живых, они еще гнулись. Швыряли в яму. Вижу перед собой, как какой-то человек в гражданском клещами вытаскивал зу-

бы. И тогда я убрался оттуда. Сел в свою машину, уехал и не стал с ними говорить. Сидел часами, не говоря ни слова с моим водителем. Был сыт этим по горло. Еще помню, врач в белом халате сказал мне, чтоб я посмотрел в глазок, как они там в кузове. Я отказался. Я не мог, не мог ничего сказать, я должен был уехать. В Берлине я доложил группенфюреру Мюллеру. Сказал ему то же, что говорю сейчас. Я сказал ему: это ужасающе, это преисподняя. Не могу. Это... Я не могу так! — сказал я ему.

ЛЕСС. Что сказал Мюллер?

ЭЙХМАН. Мюллер обычно ничего не говорил. Никогда! Ни о таких вещах, ни о других. Он был всегда очень скуп на слова и спокоен, говорил только необходимые вещи. Говорил «да» или «нет». И если не говорил ни да, ни нет, то говорил обычно «Камрад Эйхман...», это и было — ни да, ни нет. Он был молчалив.

ЛЕСС. Вы представили письменный отчет о поездке?

ЭЙХМАН. Нет, я не имел права. Это было мне четко запрещено, я думаю, Гейдрихом. Еще Мюллер хотел знать время — сколько времени это длится. А я не мог... не мог об этом и слышать. Мне пришлось поехать туда еще во второй раз, но я, конечно, сам не запрашивался...

ЛЕСС. Вы видели у Глобочника, как евреев удушали с помощью двигателя подводной лодки?

ЭЙХМАН. Нет, этого я не видел, я еще расскажу. Меня туда послали в другой раз. Я теперь стараюсь вспомнить, господин капитан. Меня посылали в такие места: эти два, потом Освенцим, а потом меня послали в Трешлинку. Потом меня посылали в эту... как это называется — под Минском, где дважды было сражение? Недалеко от Минска. И в Минск тоже. Минск, Освенцим, Трешлинка, Минск, Освенцим, Трешлинка, Минск... Больше, я думаю, нигде. Да, и Лемберг! Вот эти шесть мест.

ЛЕСС. Это были ознакомительные поездки или у вас было специальное задание?

ЭЙХМАН. Никакого задания, никакого задания. Ни отдавать распоряжения, ни чего-либо еще. Указывать, кого, скажем, удушать газом, увеличить или уменьшить подачу газа или закрыть совсем — с этим я никогда, никогда, никогда, никогда дела не имел, господин капитан. Если

пресса писала, что такое было, то я здесь заявляю с полной уверенностью: это неправда.

ЛЕСС. В чем состояла задача вашего отдела в ходе уничтожения?

ЭЙХМАН. Эвакуация. Но не в генерал-губернаторстве Польша. И дальше позвольте мне сказать об оккупированных русских областях, где это тоже происходило иначе.

ЛЕСС. Господин Эйхман, вы хотели рассказать о ваших посещениях лагерей уничтожения.

ЭЙХМАН. Так точно, конечно! Мюллер сказал мне: «В Минске расстреливают евреев. Прошу представить доклад, как это происходит». Поэтому я поехал в Минск. У меня там вообще не было дел, я там никого не знал, отправился в это... как же это называлось... «управление полицией безопасности»? Или это была оперативная группа, «айнзацкоманда полиции безопасности». И там я спросил начальника. Еще помню, что его не было на месте. Я обратился к кому-то другому и сказал, что у меня приказ — посмотреть... это. На следующий день — я остался ночевать в городе — пришел туда на место, но оказалось уже поздно. В тот день до обеда это закончилось, почти закончилось, чему я был страшно рад. Когда я пришел, то видел только, как молодые солдаты, я думаю, у них были череп и кости на петлицах, стреляли в яму, размер которой был, скажем, в четыре-пять раз больше этой комнаты. Может быть, даже гораздо больше, в шесть или семь раз. Я... я там... что бы я ни сказал... ведь я только увидел, я даже не думал, я такого не ждал. И я увидел, больше ничего! Стреляли сверху вниз, еще я увидел женщину с руками за спиной, и у меня подкосились ноги, мне стало плохо.

ЛЕСС. Яма была полна трупов?

ЭЙХМАН. Полна. Она была полна! Я ушел оттуда к машине, сел и уехал. Поехал во Львов. Я теперь припоминаю — у меня не было приказа ехать во Львов. Кое-как добирюсь до Львова, прихожу к начальнику гестапо и говорю ему: «Это же ужасно, что там делается, — говорю я. — Ведь там из молодых людей воспитывают садистов!» Я и Мюллеру сказал точно то же самое. И Гюнтеру тоже сказал. Я это говорил каждому. Всем говорил. И тому фюреру СС во Львове я сказал: «Как же можно вот так про-

сто палить в женщину и детей? Как это возможно? — сказал я. — Ведь нельзя же... Люди либо сойдут с ума, либо станут садистами, наши собственные люди». А он мне говорит: «Здесь поступают точно так же, тоже стреляют. Хотите посмотреть?» Я говорю: «Нет, я ничего не хочу смотреть». А он говорит: «Мы все равно поедем мимо». Там была тоже яма, но уже закопанная, а из нее кровь, словно... — как это сказать? Кровь оттуда текла. Я такого никогда не видел. Сыт по горло таким заданием!

Я поехал в Берлин и доложил группенфюреру Мюллеру. Ему я сказал: «Это не решение еврейского вопроса. Вдобавок мы воспитываем из наших людей садистов. И нечего нам удивляться, не надо удивляться, если это будут сплошь преступники, одни преступники». Я еще помню, как Мюллер посмотрел на меня, и выражение его лица говорило: «Эйхман, ты прав; это не решение». Но он, конечно, тоже ничего не мог сделать. Ничего не мог Мюллер поделаться, ничего, ровным счетом ничего! Кто это все приказал? Приказал, именно приказал, разумеется, шеф полиции безопасности и СД, т.е. Гейдрих. Но он должен был получить указания от рейхсфюрера СС, т.е. от Гимmlера; сам по себе он такого не мог, никогда бы не мог такое сделать. А Гимmlер должен был иметь категорическое указание от Гитлера; если бы Гитлер не распорядился — его бы за такое на фронт куда-нибудь, под бомбы и снаряды...

ЛЕСС. Разве Гимmlер не отдавал письменного приказа об этом «окончательном решении еврейского вопроса»?

ЭЙХМАН. Письмен... об уничтожении, физическом уничтожении?

ЛЕСС. О физическом уничтожении.

ЭЙХМАН. Никогда я не видел письменного приказа, господин капитан. Я знаю только, что сказал мне Гейдрих: «Фюрер приказал провести физическое уничтожение евреев». Он сказал это так четко и определенно, как я теперь повторяю. И это были только первые, первые результаты... Это были, это были еще мелочи — то, что я сейчас рассказываю.

Еще я попросил группенфюрера: «Пожалуйста, не посылайте меня туда. Пошлите кого-нибудь другого, кто

покрепче. Меня не пускали на фронт, я никогда не был солдатом. Ведь хватает других, кто может на это смотреть, кто не свалится в обморок. А я не могу такое видеть, я ночью не сплю, мне это снится. Я не могу, группенфюрер». Но меня не послушали.

ЛЕСС. Осенью 1941 г. евреев из рейха и Австрии, из протектората Богемия и Моравия депортировали в Ригу и Минск?

ЭЙХМАН. Господин капитан, в 1941 г. — возможно. Я этого не знаю. Я знаю только, что отправлялись поезда в Минск и Ригу.

ЛЕСС. Известно ли вам, что в этот период, осенью, оперативные группы ликвидировали депортированных евреев и в Риге и в Минске — расстреливали?

ЭЙХМАН. Это не было мне тогда известно, но потом, разумеется, стало известно.

ЛЕСС. Вы сказали, что инспектировали Минск?

ЭЙХМАН. Я уже сказал, что IV В 4, мой отдел, не занимался деятельностью оперативных групп на Востоке. Ни формально, ни по существу. И никаких... как мне правильнее выразиться... никаких наблюдателей или советников мы не посылали.

ЛЕСС. Вы получали текущие сообщения об оперативных группах, так называемые оперативные сводки и, следовательно, информацию о ликвидациих евреев в России?

ЭЙХМАН. Так точно! Наряду с другими обязанностями оперативных групп, также о ликвидациих евреев. Я никогда не говорил, что не знал о том, что там происходят ликвидации. Но отдел IV В 4 не имел к ним никакого отношения. К этому я должен еще добавить кое-что о том, что было до этого: обсуждение «плана Барбаросса». Незадолго до начала русско-германской войны в Берлине было созвано совещание, на которое должны были явиться все руководители Главного управления имперской безопасности. Здесь я в первый раз услышал это кодовое название — подготовки войны против Советского Союза; были оглашены заранее разработанные планы, вся организация дела, и там значились оперативные группы «Восток» со своими оперативными отрядами, «айнзацкомандами». Оперативные группы на-

чальника полиции безопасности и СД должны были двигаться вслед за наступающими немецкими войсками, чтобы сразу же за фронтом создавать полицейскую власть. Олендорф был поставлен их руководителем, «айнзацgruppenführером», он еще на Нюрнбергском процессе военных преступников сказал, что его группа расстреляла 84 000 или — я не знаю, может быть, 94 000 евреев.

ЛЕСС. Было ли сказано на том совещании, в чем должны заключаться задачи и функции оперативных групп?

ЭЙХМАН. Нет! Это не было сказано. Я подумал, что раз это дело военное, наступление, войска СС... Я считал, что меня обходят — ведь я продвигался по службе довольно быстро, — и сказал себе: вот ты сейчас оберштурмбаннführер, теперь вперед, на фронт, там скорее дадут штандартенführера! На самом же деле я так и просидел до 8 мая 1945 г. оберштурмбаннführером. Меня уже не могли повысить в звании, потому что должность начальника отдела соответствовала чину правительственного советника или старшего правительственного советника, а соответствующего ей звания в СС я уже достиг.

ЛЕСС. Вы побывали и в Освенциме?

ЭЙХМАН. Я получал все новые приказы, и я должен был посетить и Освенцим. Мюллер сказал мне, что там расширяется строительство. Я должен посмотреть и доложить ему. Господин капитан, эти люди всегда хотели навредить мне; где это видано — канцелярский служащий, а тут все эти ужасы, их представляют как можно страшнее, совершенно бессвязно! И они, конечно, радовались, когда мои нервы не выдерживали, когда я не мог... как они сами. Гёсс мне рассказывал — сам Гиммлер побывал у них и осматривал все подробно. Гёсс сказал мне, что и у рейхсführера ноги подкашивались. Именно так он сказал — в пренебрежительном смысле, сам-то он, Гёсс, был закаленный.

Это было в тот день, когда Гиммлер все это увидел и сказал Гёссу — наверное, чтобы самого себя подстегнуть и не выглядеть слабаком перед эсэсовцами в концлагере, — сказал, что «это битвы, которые следующим поколениям уже не придется вести».

Когда я должен был осматривать установку, Гёсс вызвал машину с открытым верхом. Мы поехали куда-то по территории, я в Освенциме не ориентируюсь. Дальше, чем в комендатуре, сразу у главного входа, я до этого не был. И не имел желания. И вот я увидел из машины большое здание. Как фабрика, с огромной трубой, а Гёсс мне сказал: «Вот это производительность! Десять тысяч!» В это время там как раз происходило дело — отделяли работоспособных от тех, кого сочтут неработоспособными. А самого умерщвления газом я не видел. Я не мог. Я бы упал в обморок. Я уже подумал: ну вот, мне опять удалось не соваться! А тут он везет меня к яме, к большому рву, он был очень большой, я не могу назвать размер, может быть, сто метров в длину, а может, и 150 или 180 метров. И там решетка, огромные железные колосники. И на них горели трупы. И тут мне стало плохо. Мне стало плохо.

ЛЕСС. Вы ведь были еще и в Треблинке?

ЭЙХМАН. Тогда разрешите, я скажу еще о последнем, о последнем пункте этой ужасной истории. Это Треблинка. Я получил приказ. Поехал в Треблинку к Глобочнику. Это во второй раз. Должен был доложить Мюллеру — установки уже действовали. Я представлял себе это так: деревянный дом справа от дороги, а слева там были еще другие деревянные дома, так мне это запомнилось. Вместо этого, опять с тем же самым гауптштурмфюрером Хёфле, я оказался на станции железной дороги; она называется Треблинка и выглядит точь-в-точь как немецкий вокзал — словно построено где-нибудь в Германии. С вывесками, указателями... Я там держался подальше. Я не подходил ближе, чтобы не видеть. Видел только, как по мосткам, отгороженным колючей проволокой, входила в здание колонна голых евреев... Нет, это не дом, это похоже на большой зал, там их газировали. Там их, как мне говорили, этим... как его? Циан...?

ЛЕСС. Цианистый калий!

ЭЙХМАН. Цианистый калий... Или кислота? Как называется кислота — цианистая? Как это происходит, я не смотрел. Я доложил об этом Мюллеру, и он, как всегда ничего не сказав, принял мой отчет к сведению, без комментариев. Только выражение его лица говорило: «Я ничего не

могу поделаться». Я убежден, убежден, господин капитан, я выгляжу смешно, я знаю, но я убежден — если бы решать мог Мюллер, этого не произошло бы. При Мюллере нет!

ЛЕТОПИСЕЦ. *Речь идет о синильной кислоте — бесцветной жидкости, пахнущей горьким миндальным маслом, с химическим названием «цианистоводородная кислота», она кипит и превращается в газ уже при комнатной температуре. Вдыхание в количестве 60 миллиграммов вызывает смерть. Использовалась синильная кислота в виде выпускаемого промышленностью вещества «циклон В», предназначенного для дезинфекции, т.е. для истребления насекомых. Первые опыты массового убийства отравляющими газами национал-социалисты проводили еще во время так называемой кампании эвтаназии, когда душевнобольных убивали в психиатрических больницах на том основании, что они «бесполезны и отягощают народную общность». Акция направлялась «канцелярией фюрера» и была прекращена, когда, несмотря на меры секретности, народ узнал о ней и, невзирая на лозунг «неизлечимо больным оказывают милость легкой смерти», начались протесты. В оккупированных областях на Востоке убийцы получили новое, несравненно более широкое поле для своей деятельности; одна из ее наиболее зловещих фигур — капитан полиции Христиан Вирт, с которым Эйхман встречался при первом посещении Трешлинка. В конце войны был убит партизанами.*

ЛЕСС. Что вам известно о газе «циклон В»?

ЭЙХМАН. Об этом я совсем ничего не знаю, разве только слышал, что в пиве... Так вот, что газ назывался «циклон В», я слышу сейчас в первый раз. Были какие-то круглые штуки, вроде пачки картонных подставок для бокалов в пивных. А был ли это «циклон В» или это синильная кислота, я не знаю.

ЛЕСС. Теперь я вам зачитываю текст из протокола на немецком языке Международного военного трибунала в Нюрнберге — процесса по делу главных военных преступников. Речь здесь идет о показаниях, данных под присягой в качестве свидетеля комендантом лагеря Освенцим с 1940 по 1943 гг. Рудольфом Гёссом. Он

сказал: «Эйхман не раз бывал в Освенциме и знал всё подробно».

ЭЙХМАН. Я не знал ничего иного, господин капитан, кроме того, о чем уже сказал. Я знал, что этими круглыми картонными штуками умерщвляют людей. Это сказал мне Гёсс и даже показал мне одну. Еще я видел это большое здание снаружи. Но я не видел процесса уничтожения ни в Освенциме, ни где-либо в другом месте. Только в Минске я оказался в то время, когда там стреляли. В остальных случаях я отказывался, потому что мне хватило уже того, что я видел, как сжигали, как горят трупы. Я не мог этого вынести.

ЛЕСС. Когда Рудольф Гёсс был арестован поляками, он делал автобиографические заметки. Здесь у меня его книга «Комендант Освенцима». Я вам читаю: «Эйхман ознакомил меня с умерщвлением выхлопными газами грузовых автомашин, которое применялось на Востоке. Но для ожидавшихся массовых поступлений в Освенцим этот способ не годился. Умерщвление окисью углерода, угарным газом, впрыскиваемым в баню, как делалось с душевнобольными в некоторых местах в рейхе, потребовало бы слишком большого строительства, и получение газа для таких больших масс было проблематично. Мы не пришли в этом вопросе к определенному решению. Эйхман хотел навести справки о газе, который можно легко получить и который не требует дополнительных сооружений, и тогда сообщить мне».

Вы желаете прокомментировать это?

ЭЙХМАН. Конечно! Было очень много подобных утверждений, и все это просто выдуманно. Я хорошо вижу, чего он хочет, — только одного: выгородить собственную службу, Главное управление делами и хозяйством СС, где начальником был обергруппенфюрер Поль; это они занимались всеми техническими деталями, с которыми управление гестапо вообще никаких дел не имело. По неизвестным мне причинам, разумеется вполне понятным, он хочет защитить технические отделы в Главном управлении делами и хозяйством СС. Ни в каком виде — готов поклясться чем угодно, господин капитан, — я этих дел с Гёссом не обсуждал. Наоборот, когда Мюллер

послал меня первый раз в Освенцим, Гёсс сам мне показывал этот картонный кружок.

ЛЕСС. Теперь я предъявляю вам документ обвинения на первом Нюрнбергском процессе военных преступников. Это показания доктора Курта Герштейна, бывшего начальника технической службы дезинфекции в Главном управлении СС, группа отделов D (гигиена): об использовании газа в лагерях уничтожения — как было заказано ему в июле 1942 г. вашим постоянным представителем Гюнтером. Вы хотите прочесть документ?

ЭЙХМАН. Конечно! (*Эйхман наклоняется и читает документ.*) Во-первых, речь ведь идет всего лишь о поставке синильной кислоты штурмбаннфюреру Гюнтеру 8 июля 1942 г., а именно о 100 килограммах синильной кислоты. Далее говорится о его участии в убийствах в генерал-губернаторстве. И в конце Герштейн сообщает, что в начале 44-го Гюнтер снова хотел получить от него синильную кислоту и что Гюнтер спросил его, есть ли у него яд, которым можно, используя ветер, отравить людей в Терезиенштадте.

Я должен сказать, что мне все это чуждо. Из всех упоминаемых здесь людей я мог знать разве что одного, это капитан Вирт — я не помнил точно фамилию, но, может быть, это тот самый капитан, о котором я рассказывал. Все имена здесь — они мне неизвестны; никогда их не слышал, никогда с такими людьми не говорил, не имел никакого дела с ними. О том факте, что Гюнтер в 1942 г. получал синильную кислоту, я ничего не знаю. Я должен сказать, что это удивительно, меня удивляет: как это Гюнтер занимался такими делами, а меня здесь ни разу — простите, пожалуйста, господин капитан, это не значит, что я придаю такое уж значение, — но ведь это удивительно, что я здесь ни разу не упомянут, если я этим занимался. Во всяком случае, я об этом ничего не знаю. Я этим не занимался, а за то, чем я не занимался, я никак не могу отвечать и сегодня. Если бы я занимался, господин капитан, то здесь была бы моя фамилия, как это везде полагалось.

ЛЕСС. Вы дали Гюнтеру поручение. Гюнтер никак не мог действовать на свой страх и риск.

ЭЙХМАН. Нет, нет, нет, я не давал, я отрицаю, господин капитан, я не давал! Разумеется, Гюнтер не сам это придумал, ему было приказано. Это совершенно ясно. Но только не мной, я об этом вообще ничего не знаю. Сто килограммов синильной кислоты — никакого, никакого понятия не имею! Я не знаю об этом, не знаю!

ЛЕСС. Вспомните показания Гёсса о подготовке к умерщвлению газом и как вы сказали ему, что поинтересуетесь этим. Если посмотреть теперь, что говорит Герштейн, как 8 июня 1942 г. к нему вдруг явился Гюнтер и заказал газ, — разве это все не сходится полностью?

ЭЙХМАН. Господин капитан, уже не раз случалось, что все вроде бы сходилось... Если бы я имел к этому отношение, Герштейн назвал бы мое имя в любом случае. Значит, были какие-то приказы. Может быть, непосредственно от Мюллера, после того как Мюллер понял, что я в принципе более... что я более чувствительный человек, чем Гюнтер. Я не хочу сказать, что отличался такой... такой... девичьей чувствительностью, — но я был гораздо чувствительнее, чем, например, Гюнтер.

ЛЕСС. Именно поэтому и нельзя предположить, что Мюллер дает специальное задание Гюнтеру через вашу голову.

ЭЙХМАН. Я отказываюсь считать себя причастным к этому делу, потому что не имел к нему никакого отношения. Если бы имел — ладно, вюпа, я бы отвечал. Я бы сказал: пожалуйста, сам Гиммлер там был, что же я мог поделать? Я получил приказ, и все... Все равно, пожалуйста... делайте со мной что хотите. Я не мог иначе, у меня был приказ. Но к этому делу я не имел отношения!

ЛЕСС. Вы помните о совещании в Ваннзее? Вы же там присутствовали.

ЭЙХМАН. Так точно! Я даже сам должен был писать приглашения статс-секретарям, т.е. Гейдрих сказал мне, кого он хочет позвать.

ЛЕСС. Почему пригласили вас, если ваша роль было столь незначительной?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я должен был писать приглашения, я должен был представить Гейдриху данные для его речи, все цифры по эмиграции, я же был начальником отдела гестапо, тайной государственной полиции.

ЛЕСС. Мюллер тоже присутствовал?

ЭЙХМАН. Конечно! Это было совещание, как тогда называлось, «высокого уровня». Значит, только статс-секретари.

ЛЕСС. Зачем же позвали маленького Эйхмана? Не собирался же Гейдрих спрашивать вас там каждый раз, верно ли то, что он сказал?

ЭЙХМАН. Нет, он заранее потребовал все дела по эмиграции. Ведь совещание в Ваннзее было только началом собственно истории с умерщвлением.

ЛЕСС. Формально да. Но убивали и до этого. Вы утверждали, что в 1941 г., примерно в ноябре, эти газовые аппараты в Освенциме уже работали.

ЭЙХМАН. Так точно, верно! А на совещании Гейдрих сообщил о данных ему полномочиях. Я размышляю: если уже убивали — а так и было, — то существовало, наверное, строжайшее предписание о таких вещах. От Геринга. До этого, значит, сложности были слишком велики. Слишком много центральных инстанций.

ЛЕТОПИСЕЦ. 20 января 1942 г. в Берлине у озера Ваннзее по приглашению обергруппенфюрера СС Гейдриха, начальника полиции безопасности и СД, встретились на даче по адресу Гроссе Ваннзее, 56 руководители и ответственные работники всех ведомств, имевших в национал-социалистическом государстве отношение к «еврейскому вопросу». С одним исключением: не было представлено Главное управление делами и хозяйством СС — учреждение, которому были подчинены рабочие лагеря и лагеря уничтожения. Оно уже получило указания и приказы непосредственно от рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Совещание должно было состояться еще в декабре, но этому помешало объявление Германией войны Соединенным Штатам Америки. Совещанию была присвоена высшая, «государственная», категория секретности, и Гейдрих объявил на нем, что отныне надлежит добиваться не эмиграции евреев, а их истребления. Первая фраза составленного Эйхманом протокола совещания гласит: «Вначале Гейдрих сообщил, что он назначен уполномоченным по подготовке «окончательного решения».

ЛЕСС. В том факте, что вы были приглашены на совещание в Ваннзее, я вижу подтверждение того, что в «окончательном решении» путем уничтожения вам отводилась более важная роль, чем вы признаете.

ЭЙХМАН. Нет, нет, господин капитан. Я бы признал, я бы это признал безо всяких, но я был всего лишь начальник отдела IV В 4, а начальник отдела в управлении гестапо не может выйти за рамки служебных полномочий, которыми он ограничен. Если бы я там хоть раз раскрыл рот, господин капитан, я бы сказал: так точно! Но я должен был молчать. Ведь меня... Я не знаю, можете ли вы мне посочувствовать, господин капитан, — я сидел там со стенографисткой в углу, и никто о нас не побеспокоился, никто. Мы были слишком маленькими людьми. На нас просто не обращали внимания, никто, даже Гейдрих.

ЛЕСС. Мое впечатление от этого таково, что вам предназначалась более важная роль в дальнейшем.

ЭЙХМАН. Тогда, значит, я ее сам присвоил — поставил и свою фамилию в списке присутствовавших. Да нет, это же не... Я бы теперь не побоялся признаться, хуже мне уже не будет.

ЛЕСС. Я цитирую по вашему протоколу выступления Гейдриха: «Следующей возможностью решения надлежит считать теперь, после соответствующего предварительного согласия фюрера, уже не эмиграцию, а эвакуацию евреев на Восток. Эти мероприятия надлежит рассматривать лишь как одну из возможностей с точки зрения важного практического опыта, имея в виду предстоящее окончательное решение». Что это все означает?

ЭЙХМАН. Поскольку эмиграция была запрещена, их отправляли на Восток. Это было новой... ну... концепцией, ради которой это совещание статс-секретарей вообще созвали... Новая концепция, которую Гиммлер обсудил с Герингом, наверное, в присутствии Гейдриха.

ЛЕСС. Что значит здесь — «практического опыта»?

ЭЙХМАН. Совещание в Ваннзее — мы его называли обсуждением со статс-секретарями — было 20 января 1942 г. Меня послали к Глобочнику через два месяца. Очень может быть, что они там уже убивали.

ЛЕСС. Ах, вы, значит, думаете, что «практический опыт» — это уже предпринятые умерщвления евреев? Ведь тогда уже существовали оперативные группы.

ЭЙХМАН. Они были уже начиная с... Ну конечно, уже убивали.

ЛЕСС. Вот здесь, на 7-й странице вашего протокола, записано, что Гейдрих говорит: «В ходе окончательного решения евреев надлежит использовать на Востоке, под соответствующим руководством, для выполнения работ. Большими партиями, раздельно по признаку пола, работоспособные евреи должны строить в этих областях дороги; при этом, несомненно, большинство их в силу естественной убыли выйдет из строя». Как следует понимать «естественную убыль»?

ЭЙХМАН. Это совершенно естественная смерть. Ну, сердечный приступ или воспаление легких. Если я сейчас умру, это будет естественная убыль.

ЛЕСС. Если человек должен выполнять тяжелую физическую работу, не получая достаточно пищи, он слабеет. Он так ослабевает, что у него и будет сердечный приступ.

ЭЙХМАН. Конечно, это и учитывалось как естественная убыль.

ЛЕСС. Гейдрих продолжал: «С возможным остатком — это будут, несомненно, наиболее стойкие — надлежит поступить соответственно, ибо элита, если ее освободить, станет зародышем нового еврейского возрождения». Что означает «поступить соответственно»?

ЭЙХМАН. Это... это значит... это идет от Гиммлера. Элита, сливки — это у него... это его конек.

ЛЕСС. Да, но что это здесь означает?

ЭЙХМАН. Убить, убить! Разумеется!

ЛЕСС. Далее в протоколе значится: «Статс-секретарь д-р Бюлер, управление генерал-губернатора, заявил, что генерал-губернаторство будет приветствовать, если начало окончательному решению будет положено в генерал-губернаторстве, поскольку транспортные проблемы не играют здесь решающей роли и вопрос о рабочей силе не будет препятствовать акции. Евреев надо как можно скорее удалить из пределов генерал-губернаторства, так как именно здесь еврей представляет значительную опасность как носитель инфекции, а кроме того, он постоянно расстраивает экономическую структуру, торгуя из-под полы. К тому же из имеющихся двух с половиной миллионов евреев большинство нетрудоспособны». Что это означает?

ЭЙХМАН. Он хочет сказать, что они должны быть убиты.

ЛЕСС. Теперь я показываю вам документ обвинения 9-го Нюрнбергского процесса военных преступников. Циркуляр из Берлина, датированный 21 сентября 1939 г. и подписанный Гейдрихом. Адресован всем начальникам оперативных групп. Касается еврейского вопроса в только что захваченной Польше. Хотите что-либо сказать об этом?

ЭЙХМАН. Конечно. В то время я еще не имел по службе никакого отношения к этим делам. Это распоряжение, которого я не знаю или, по меньшей мере, через столько лет не помню; оно закрывает для меня теперь один пробел в вопросе о создании гетто. Это общая директива о «геттоизации» в генерал-губернаторстве. Тут говорится в самом начале: «следует различать:

- 1) конечную цель, которая потребует более длительного времени, и

- 2) этапы достижения этой конечной цели, которые проводятся в сокращенные сроки».

И теперь, прочитав это, я вижу, что приказ о физическом уничтожении еврейства был отдан Гитлером — или исходил от него — не к началу германо-русской войны, как я полагал раньше, и что эта... скажем так, принципиальная концепция уже утвердилась наверху и в высшем руководстве ко времени издания приказа. Не могу истолковать иначе этот пункт: «...конечную цель, которая потребует более длительного времени». Когда я пришел в гестапо, все это уже... было на ходу. Вспоминаю еще, что бригадефюрера Глобочника, у которого было это заведение для умерщвления людей в Люблине, Гейдрих уполномочил убивать евреев после совещания в Ваннзее задним числом.

ЛЕСС. Кто передал Глобочнику этот приказ — задним числом?

ЭЙХМАН. Я тогда получил от Гейдриха приказ подготовить для Глобочника такое письмо: «Я уполномочиваю вас подвергнуть окончательному решению еще 150 000 евреев». Эти евреи были уже убиты. Я думаю, их было 250 000. Он, Глобочник, испросил себе приказ и во второй раз.

ЛЕСС. Где вы хранили письмо Гиммлера начальнику полиции безопасности и СД от апреля 1940 г., в котором

Гиммлер отдает приказ об «окончательном решении» еврейского вопроса?

ЭЙХМАН. Приказ Гиммлера шефу полиции безопасности? И там было что-то про умерщвление евреев?

ЛЕСС. Об «окончательном решении еврейского вопроса» по приказу фюрера...

ЭЙХМАН. Господин капитан, я не думаю, чтобы Гиммлер сделал это письменно. Не могу себе этого представить.

ЛЕСС. Мы знаем по совещанию в Ваннзее, что и Гейдрих отдал его письменно — в протоколе совещания в Ваннзее.

ЭЙХМАН. Господин капитан, Гейдрих говорил на совещании в Ваннзее не об умерщвлении, а об использовании в качестве рабочей силы на Востоке. Так он это маскировал.

ЛЕСС. Если вы прочтете протокол совещания в Ваннзее, вы хорошо поймете, что он говорит. Хотя и выражается весьма деликатно...

ЭЙХМАН. Ну конечно, господин капитан, если это такой текст, в котором не сказано прямо, грубыми словами, тогда это возможно, но я не припомню такого письма Гиммлера. Если оно существовало, то, безусловно, должно было находиться у нас в архиве, в делах с грифом «государственная тайна».

ЛЕСС. Теперь я читаю вам часть свидетельских показаний, данных под присягой 3 января 1946 г. на процессе главных военных преступников перед Международным трибуналом вашим бывшим подчиненным Дитером Визлицени. Будучи спрошен, в чем состояла ваша специальная задача, Визлицени сказал: «Эйхман отвечал за так называемое решение еврейского вопроса в Германии и во всех оккупированных Германией областях». На вопрос о конкретном времени этой деятельности, направленной против евреев, Визлицени ответил: «До 1940 г. общее направление отдела было — регулировать еврейский вопрос путем планомерной эмиграции. Вторая стадия, начавшаяся с указанного времени, это концентрация всех евреев в Польше и в остальных занятых Германией областях путем создания там гетто. Этот период продолжался приблизительно до начала 1942 г. Третьим периодом стало так называемое окончательное решение, т.е. планомерное истребление и уничтожение еврейского

народа. Этот период продолжался до октября 1944 г., когда Гиммлер приказал остановить уничтожение».

ЭЙХМАН. Визлицени говорит здесь, что наш отдел отвечал также за «геттоизацию». Это неверно. Он говорит, что уничтожение началось в 1942 г., — это тоже неверно. Правильно будет — уже с осени 1941 г.

ЛЕСС. Я цитирую показания Визлицени дальше: «До весны 1943 г. я был в Братиславе в германском посольстве. Весной 1942 г. примерно 17 000 евреев были отправлены из Словакии в Польшу в качестве рабочей силы. Эйхман заверил тогда словацкое правительство, что с этими евреями будут обращаться в польских гетто по-человечески, прилично. На основании этого обещания еще примерно 35 000 евреев отправили из Словакии в Польшу. Премьер-министр Тука не раз приглашал меня к себе и высказывал пожелание, чтобы словацкой делегации разрешили поехать в районы, где якобы находились словацкие евреи. Эйхман объяснил мне, что ни при каких обстоятельствах не может разрешить такую поездку. На мой вопрос: «Почему?» — он сказал после некоторого замешательства, что большинства этих евреев уже нет в живых. Я спросил его, кто же отдал такой приказ. Он сказал, что это приказ Гиммлера». Так у Визлицени. Теперь ваши комментарии.

ЭЙХМАН. Господин капитан, ведь ясно, что Визлицени пытался — и это его полное право — дистанцироваться, насколько это возможно, от всего этого дела. Я вынужден снова повторять: я не имел властных полномочий по отношению к происходившему в генерал-губернаторстве.

ЛЕСС. Говорили ли вы с Визлицени, как он показывает, об этой проблеме?

ЭЙХМАН. Несомненно, мы говорили об этой проблеме. Я хотел бы... Но не могу вспомнить... может быть... Это... очень давно... но все же я хочу подтвердить, что мы говорили об этой проблеме.

ЛЕСС. Слушайте теперь дальше свидетельские показания Визлицени: «Эйхман сказал мне тогда, что может показать мне тот гиммлеровский приказ, если это успокоит мою совесть. Он достал из сейфа тонкую папку и показал мне письмо Гиммлера начальнику полиции безопасности и СД. Смысл этого документа был в том, что фю-

пер приказал окончательно решить еврейский вопрос. Исполнение этого окончательного решения возлагалось на начальника полиции безопасности и СД и инспектора по делам концентрационных лагерей. Перед «окончательным решением» всех трудоспособных женского и мужского пола надлежало использовать на работах в концентрационных лагерях». У вас есть комментарии?

ЭЙХМАН. Да, господин капитан. Раз я это слышу, это могло быть... Я не хочу отрицать, что приказ Гимmlера мог там быть. Теперь, когда я об этом слышу — не в таком... в таком... не в таком упрощенном виде, как я представлял себе прежде — уничтожение и так далее, а вот в таком изложении — использование на работах и т.д., — это могло быть, я не отрицаю, нет... Не отрицаю, хотя и не вижу документ.

ЛЕСС. Визлицени был задан вопрос о дате этого приказа. Он ответил: «Это был приказ от апреля 1942 г., и он был подписан лично Гимmlером. Эйхман сказал мне еще, что ему лично поручено выполнение этого приказа в Главном управлении имперской безопасности. На это я сказал Эйхману: «Дай Бог, чтобы наши враги никогда не имели возможности причинить такое немецкому народу». Эйхман тогда сказал, что не надо быть сентиментальным; это приказ фюрера и его надо выполнять». У вас есть комментарии?

ЭЙХМАН. Конечно, господин капитан. Согласно этим показаниям, я имел особые полномочия, которые... э... э... которыми мне поручалось руководить всем делом эвакуации и умерщвления евреев. Это не так, это не так, это совершенно не так. Визлицени просто высосал это из пальца. Я никогда не имел особых полномочий и не имел — я вынужден повторять это — никакого отношения к убийствам. Эвакуация — да, от этого я не могу уклониться, это я должен признать — да, так точно! Но передачей эшелонов станции назначения согласно утвержденному графику мои полномочия исчерпывались.

ЛЕСС. Вы отвечали, следовательно, за перевозку в эшелонах, но уничтожение людей было невозможно, если бы эти перевозки не выполнялись. Относительно уничтожения евреев вы сказали...

ЭЙХМАН. Это не я... это вообще... это невозможно, полиция безопасности не отвечала за это, Главное управление имперской безопасности не отвечало!

ЛЕСС. Удивительно, однако, что как Гёсс, лагерфюрер Освенцима, так и Визлицени, ваш сотрудник и советник по еврейскому вопросу при правительстве в Братиславе, дают почти одинаковые показания. Я не думаю, что у них была возможность сговориться.

ЭЙХМАН. Нет, я тоже так не думаю. Но удивительно, что сам начальник Главного управления делами и хозяйством СС Польша — а он всегда был в генеральском звании — пытается недостойным образом выкрутиться из всего этого дела. Мне непонятно, как такой высокий чин, если дела стали плохи, не стесняется сваливать все на младших по званию. Генерал Польша, я об этом читал в газетах, валил все на Главное управление имперской безопасности. В такой высокой должности... генералы правят, а когда их судят, они пытаются спихнуть все, все, все на других, им тогда не хватает мужества. Я ни на кого не спихиваю эвакуацию. Я за нее отвечал. Я готов понести за это наказание, мне достанет смелости. Это, конечно... конечно, это невеселое мужество, которое я должен здесь проявлять, я это знаю, но если я тогда повинился, отвечал «так точно!», то держусь и сегодня и отвечаю: «Пожалуйста! Я готов! Вот моя голова... кладу ее на... куда ей полагается!»

ЧАСТЬ 3

ХОФШТЕТТЕР. Сегодня 6 июня 1960 г. Сейчас 2 часа 10 минут. Вам известно, кто я?

ЭЙХМАН. Так точно, господин полковник.

ХОФШТЕТТЕР. Как следует из данных вами до настоящего времени показаний, вы совершили в период господства национал-социализма в Германии преступления против еврейского народа и против человечества. Я хочу еще раз обратить ваше внимание на то, что вы свободны в выборе — давать или не давать показания. Ясно ли вам, что все ваши показания могут быть использованы в качестве доказательных материалов? Ваш выбор?

ЭЙХМАН. Я хочу давать показания дальше.

ЛЕСС. Тогда двинемся дальше. Расскажите о Гиммлере.

ЭЙХМАН. Обычно, когда Гитлер выступал с речью и снова напирал в ней на еврейский вопрос, мы уже знали: теперь что-то последует от Гиммлера. Что-нибудь найдется. Наверное, ни разу не было, чтобы он вдруг взял инициативу на себя. Я думаю даже, что из канцелярии заместителя фюрера — так называлась эта канцелярия при рейхсляйтере Мартине Бормане — нажимали в таких случаях на Гиммлера, чтобы он действовал. Обвиняли его, что еще недостаточно сделано. Я вспоминаю, как Гиммлер однажды раздраженно спрашивал Кальтенбруннера, почему это во Франции... Или в Голландии, я теперь уже не знаю... дело не движется. Мол, возьмется, копаются. Как будто не знают, что идет война.

ЛЕСС. К чему это относится?

ЭЙХМАН. К эвакуации, это об эвакуации. По логике вещей, я хочу сейчас сказать об этом, это тут в самый раз. Я в таких случаях не мог сделать ничего другого, как просить группенфюрера Мюллера: «Дайте, пожалуйста, телеграмму, чтобы ответственный там за еврейский вопрос сотрудник явился в Берлин и доложил». Доклад

адресовали: «Начальнику IV управления группенфюреру Мюллеру с просьбой о принятии к сведению и о решении вопроса с К.». Подразумевался начальник полиции безопасности и СД. Я ничего не решал; пойдет ли сообщение выше, решал Мюллер. Часто оно возвращалось, там значилось: «К. принял к сведению, должно рейхсфюреру СС». Вот пример: Гиммлер приказал эвакуировать евреев из Франции в лодзинское или варшавское гетто. В таких случаях приказ от Гиммлера получал, во-первых, старший начальник полиции и СС в Париже и, во-вторых, — начальник полиции безопасности в Париже. Если Гиммлер заранее договорился обо всем на какой-нибудь встрече с министром иностранных дел, то согласие того министерства уже имелось. Но если это бывало импульсивным шагом Гиммлера, то начальник полиции безопасности должен был испросить согласие МИДа. Тут начинался разнобой в управленческой машине. Это длилось неделями, пока все стороны не подтверждали, что у них нет возражений. После этого надо было получить подтверждение французского правительства в Виши.

Я считаю нужным рассказать это, потому что так проясняется, что эвакуацию нельзя было проводить просто так. Какой бы властью любая германская служба ни обладала, она не могла просто так собрать людей, посадить их в вагоны и отправить — вперед, поехали! Вся история с эвакуацией из европейских стран была цепью нудных бесконечных переговоров. Поезда мы должны были заказывать в имперском министерстве путей сообщения, у государственного советника Штанге, а Главное управление делами и хозяйством СС надо было держать в курсе дела. Там определяли станции назначения, потому что ведь мы — мы не знали, куда везти. Это была не наша задача, определять, куда пойдут эшелоны.

ЛЕСС. Вы, разумеется, разъясняли ответственным за еврейский вопрос за границей — в оккупированных областях — цели этой эвакуации?

ЭЙХМАН. Да, я им говорил, я им это говорил, если они меня спрашивали, почему так делается. Я тогда тоже не лгал. Я человек, который не может лгать. Позвольте мне продолжать. Когда во время моей деятельности в Буда-

пеште ко мне часто приходил д-р Кастнер, представитель евреев Венгрии, он однажды сказал: «Оберштурмбаннфюрер, остановите машину уничтожения в Освенциме, в Освенциме!» Я тогда сказал ему: «Г-н доктор Кастнер, я не могу ее остановить, потому что не я ее запустил. Это может сделать только рейхсфюрер». А он опять говорит: «Остановите машину уничтожения». Я ему: «Господин Кастнер, я не могу, я не могу, я не могу, я знаю. Я знаю этих людей, я ничего не могу, я... я... это не моя задача, у меня нет прав. Это все равно что просить вас — остановите. Остановите ее вы, я этого не могу сделать, я слишком маленький человек для этого, у меня нет, у меня нет такой возможности. Они мне никак не подчинены. Машина уничтожения, — сказал я ему, — подчинена Главному управлению делами и хозяйством, группенфюреру Полку». Так я сказал д-ру Кастнеру в Будапеште.

ЛЕСС. Так.

ЭЙХМАН. Я ему так сказал. Наверное, он об этом сообщил. Конечно! Ведь не говорил же ему до этого никто, кому подчиняется управленческая машина... машина уничтожения, и я полагаю — он обязательно должен был об этом рассказать. Я бы на его месте немедленно передал это дальше, ведь это... это была новость. Потому что — вот человек, которому все подчинено. Так это было — концлагеря подчинялись ему. Рейхсфюрер, т.е. Гиммлер... вот опять я с этой старой песней — «рейхсфюрер», а она мне уже давным-давно противна. Уже много лет язык не поворачивался произнести это слово...

Гиммлер отдал такой приказ начальнику Главного управления делами и хозяйством, которому подчинялись концлагеря, это был Польш. Ему они подчинялись. А Гейдриху не подчинялись. И Гейдрих не мог бы остановить их, господин капитан, даже он не смог бы. И уж никак не Мюллер. Приказ получил Польш, и я сказал это д-ру Кастнеру. Я уверен, это был 1944 год, летнее время, и я уверен, что д-р Кастнер, конечно, доложил об этом своему руководству. И я не... я ведь не сомневался, говорить ли ему — а зачем скрывать? Ведь люди знали об этом. Не имена, естественно, это понятно, но раз и меня подозревали, я должен был сказать, и я сказал. Я во

многом виноват, я знаю, господин капитан. Но к убийству евреев я не имел никакого отношения. Я никогда не убивал ни одного еврея, но я не убил и ни одного нееврея — я вообще не убил ни одного человека. И я никогда не давал приказа убить еврея или приказа убить нееврея, этого тоже не было.

ЛЕСС. В английском издании книги Рудольфа Гёсса, коменданта лагеря Освенцим, есть кое-что о вас, чего нет в немецком издании. Я перевел это место для вас и читаю вам: «Я познакомился с Эйхманом после того, как получил приказы рейхсфюрера СС об истреблении евреев; это он посетил меня в Освенциме, чтобы обсудить со мной все детали процесса уничтожения. Эйхман был живой, активный человек лет тридцати с чем-то, всегда полон энергии. Он постоянно измышлял новые планы, всегда был в поиске новшеств и улучшений. Он не знал покоя. Он был одержим еврейским вопросом и приказом о его окончательном решении. Он должен был постоянно докладывать рейхсфюреру СС, непосредственно, устно, о подготовке и проведении отдельных мероприятий. Эйхман был полностью убежден в том, что если ему удастся уничтожить биологическую базу евреев на Востоке путем их полного истребления, то еврейство в целом уже никогда не оправится от этого удара».

Хотите высказаться об этом?

ЭЙХМАН. В принципе я все это отрицаю как неправду. Полную неправду. На мне много вины, я это знаю, господин капитан. Но к убийству евреев я не имел никакого отношения. Я никогда не убил ни одного еврея. И я никогда не давал приказа убить еврея. И я знаю, что никто не может предъявить документ, в котором мне... о том, что я совершил такое. Я этого не делал. Может быть, это и дает мне какое-то внутреннее спокойствие. Я виноват потому... в том, что содействовал эвакуации. За это я готов отвечать. Внутренним оправданием для меня — я сказал бы, успокоительной таблеткой, было вот что: ну да, ведь огромные контингенты эвакуируемых используются на работах, к тому же установлен возрастной предел. Что потом все пошло прахом, что эвакуированных тут же хватили и... за это я не отвечал. Я не отвечал за детали... непосредственно при эвакуа-

ции, а только за выполнение приказов сверху — чтобы эвакуация происходила. И директивы на ее проведение я тоже должен был составлять, потому что так приказал мне рейхсфюрер. Например, он сказал: «Никто не имеет права брать с собой больше, чем в свое время немцы, которых изгоняли французы». Он имел в виду — после Первой мировой войны из Эльзас-Лотарингии, или потом из Рейнской области и Рура. Мне пришлось узнавать сначала — тогда разрешалось 50 килограммов багажа.

ЛЕТОПИСЕЦ. Ссылаясь на мероприятия союзников, в первую очередь французов при оккупации ими Рейнской области и Рура в годы после Первой мировой войны, Гиммлер явно передергивает — ведь обстоятельства были разными. Высланные немцы оказывали, пусть по призыву своего правительства, пассивное сопротивление распоряжениям оккупационной власти; их не депортировали в чужую страну, их не арестовывали и не посылали на принудительные работы. Они могли быть уверены в том, что им немедленно окажут помощь в Германии.

ЛЕСС. В протоколе одного из совещаний в Главном управлении имперской безопасности говорится: вместимость поездов всего 700 человек, евреев же надлежит сажать по 1000. Разве не совершенно ясно, что лично вы приказали загонять 1000 евреев вместо 700 в каждый эшелон, идущий в лагерь уничтожения, посылать людей на смерть?

ЭЙХМАН. Господин капитан, ясно, что я за это отвечаю, но сам я этих цифр не называл, это мой офицер, отвечавший за транспорт, гауптштурмфюрер Новак.

ЛЕСС. Вы все время пытаетесь убедить меня, что в рейхе были гауляйтеры, которые настаивали на скорейшем вывозе евреев из своих областей. Читаю из протокола одного из заседаний: «Об эвакуации надлежит сообщать гауляйтерам и, соответственно, крайсляйтерам, окружным руководителям, поскольку от многих гауляйтеров поступали жалобы на то, что их не ставили в известность о такого рода важных мероприятиях».

ЭЙХМАН. Разумеется, при таком огромном числе мероприятий местные учреждения, проводившие эвакуацию, не

всегда придерживались директив. Но никогда наш отдел сам не отдавал таких команд — стоп, здесь у вас, допустим, в Рейнланд-Вестфалии, сидят еще... 2000 или 5000 евреев, тащите-ка их, и притом немедленно. Это не было задачей отдела IV В 4. Никогда мы этого в такой форме не делали, на нас и без того было столько нагружено рейхсфюрером и через шефа полиции безопасности, что отдел был рад, если кое-как удавалось получить транспортные средства в нужном объеме, распределить их по времени, согласовать расписание с министерством путей сообщения. Нам, отделу, вот уж незачем было думать о лишней работе. Мы были завалены ею по уши.

ЛЕСС. Вы все время повторяете, что ни за то, ни за это не отвечали. Интересовались сотнями и тысячами деталей, но за них не отвечали. Если вы не были за них ответственны, почему из всех документов следует, что вы в них все-таки вмешивались?

ЭЙХМАН. Да, господин капитан, но это всё вещи, связанные с эвакуацией.

ЛЕСС. Безусловно. Точно так же, как... Без эвакуации — некого душить в газовых камерах.

ЭЙХМАН. Да... да, если хотеть, то можно представить и так, хотя я ведь не имел никакого отношения к этому сектору.

ЛЕСС. Вы говорите, что не имели никакого отношения к убийству?

ЭЙХМАН. Так точно.

ЛЕСС. Но людей везли на убой.

ЭЙХМАН. Ну да, это верно, господин капитан, в том отношении, что я получил приказ их эвакуировать. Но ведь не каждого, кого я эвакуировал, убивали. Мне было совершенно неизвестно, кого убили, а кого нет. Иначе не нашлось бы после войны 2,4 миллиона, по какой-то переписи, живых евреев.

ЛЕСС. Что нашлись выжившие евреи, не ваша заслуга. Если бы война продолжалась дольше, не было бы в живых, наверное, и этих двух миллионов. Потому что ваш план состоял в полном истреблении всех евреев...

ЭЙХМАН. Не мой план. Я не имел к этому плану никакого отношения, господин капитан.

ЛЕСС. Конечно же у вас был такой план, ведь...

ЭЙХМАН. В пособничестве я, конечно, виновен. Это совершенно ясно; я это уже признал. В этом смысле с меня нельзя снять ответственность, господин капитан, и было бы неразумно, если бы я пытался. Поскольку с юридической точки зрения в пособничестве я виновен.

ЛЕСС. Мы говорим здесь не о юридической стороне дела. Мы говорим здесь о голых фактах.

ЭЙХМАН. Да, но я считаю, что на основе этих голых фактов я... Юридически я виновен в пособничестве, это само собой разумеется. Я это признаю, я не пытаюсь... даже не пытаюсь как-то... оправдаться.

ЛЕСС. Хорошо, но в ваших объяснениях вы все время прячетесь за «это не входило в мою компетенцию», «это была не моя область», «таковы были предписания»...

ЭЙХМАН. Да, но я должен это делать, господин капитан, потому что в мою компетенцию как начальника отдела IVB4 действительно входило не всё; мои полномочия были ограничены довольно узкой областью. И эту узкую область можно в любой момент установить, поскольку мы были центральным учреждением. Я же не мог делать что захочу.

ЛЕСС. Со временем я еще покажу вам документы, которые многое проясняют! Вот фотокопия письма вашему сотруднику в оккупированной Голландии, штурмбаннфюреру Цёпфу. Хотите прочесть?

ЭЙХМАН. Конечно.

ЛЕСС. Я выключу на минуту аппарат.

ЭЙХМАН. Конечно.

ЛЕСС. Вы прочли документ? Вы желаете высказаться?

ЭЙХМАН. Так точно, это мое письмо. Оно касается доклада командующего полицией безопасности и СД на территории Нидерландов; в нем сообщается, что разные евреи приобретают гражданство нейтральных стран. На это я писал: «Поскольку нежелательно, чтобы евреи, которые, согласно существующим предписаниям, подлежат высылке, приобретали гражданство нейтральной страны, чьих подданных мы не имеем права выслать, — в случаях, когда получение другого подданства было правомочным, следует, исходя из внешнеполитических соображений, воздержаться от высылки... Если же становится

известно, что евреи только пытаются получить иное гражданство, то принимать это во внимание не нужно. Напротив, такие лица должны высылаться на Восток в первую очередь».

ЛЕСС. Что вы имели в виду в последнем предложении?

ЭЙХМАН. Чтобы евреи не прятались за другое подданство...

ЛЕСС. Чтобы прежде, чем они достигнут этой цели, их уже выслали?

ЭЙХМАН. Конечно, так точно!

ЛЕСС. Я показываю вам письмо вашего отдела по вопросу: «Выдворение евреев из Норвегии». Этот документ подписан вами.

ЭЙХМАН. Подписан мной, так точно! Это о желании и попытках и... и... и стараниях Швеции предоставить евреям в Норвегии шведское гражданство, и вот здесь написано, что такое дело недопустимо, потому что перечеркивает еврейские мероприятия рейха. Здесь сказано: «...Я ставлю Вас об этом в известность, обращая внимание на то, что евреев — граждан Норвегии, которым шведское правительство странным образом, наскоро и в тенденциозной форме предоставляет подданство, — надлежит, несмотря на это, приобщать к текущим еврейским мероприятиям».

ЛЕСС. То есть вы подчеркиваете здесь, что попытке шведского правительства спасти евреев, выдавая им шведские паспорта, нужно воспрепятствовать при любых обстоятельствах.

ЭЙХМАН. Конечно... Но ведь не я лично подчеркиваю, это написал исполнитель. Я, конечно, подписал.

ЛЕСС. В чем, собственно, состояла ваша работа по сектору «политическая деятельность церквей», который вы приняли в 1943 г.?

ЭЙХМАН. Да, политическая деятельность церквей, господин капитан... Этим я почти не занимался. Это было дохлое дело. Если были какие-то отдельные случаи, господин капитан, то я их не знаю, ведь с ними работал штурмбаннфюрер Яр.

ЛЕСС. Но аресты шли через ваш отдел?

ЭЙХМАН. Но, этим занимался Яр.

ЛЕСС. Ну хорошо, следовательно, ваш отдел.

ЭЙХМАН. В моем отделе, но меня можно было не спрашивать, поскольку было определено законом, и в соответствии с этим Яр и действовал. Один-единственный раз я приглашал одного пастора — евангелической церкви, как же его звали? — он потом стал благочинным в Берлине, после 45-го благочинным в Берлине, никак не могу вспомнить фамилию... Этого пастора я приглашал три раза, ведь это он...

Существовал запрет рейхсфюрера — чтобы священнослужители не обращались в инстанции с ходатайствами за евреев. Этот священник евангелической церкви — у него была маленькая бородка клином — попал в поле зрения гестапо, я уже не помню, какого отдела, во всяком случае, это было где-то поблизости, недалеко от Берлина, если не в самом Берлине, так что мне легко было вызвать его к себе в отдел. И я ему сказал: «Да, на вас поступил донос», — и что его надлежит посадить, и я обязан подтвердить арест, этого требует вышестоящее руководство. Я также сказал ему, что очень не хотел бы это делать — сажать священнослужителя; потому что мой отец был церковным старостой евангелической общины в Линце. Я сделал ему государственное политическое предупреждение и сказал ему: «Если опять будет донос, мне придется вас арестовать, потому что имеется приказ рейхсфюрера».

Поступил повторный донос — я теперь уже не помню, на второй раз или на третий, когда мои начальники уже приставили мне нож к горлу, — и мне пришлось взять его под арест. Я еще помню, что звонила его жена и приходила просить об освобождении мужа; но я ведь ничего не мог поделать, по мне бы — с удовольствием, но ведь у меня были приказы. Я ничего не мог сделать. Я сам ведь не доносил на него.

ЛЕСС. Что было в этих доносах?

ЭЙХМАН. Кажется, он просил за евреев.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Жертвой Эйхмана был в этом случае теолог Генрих Грюбер, в то время — пастор в берлинском городском районе Далем, который помогал находящимся в трудном положении евреям; созданная им организация даже спасала преследуемых от депортации на Восток и тем самым от смерти —*

их прятали у единоверцев пастора. Сам он пережил концлагерь. После окончания войны стал видным деятелем евангелической церкви в ГДР.

ЛЕСС. Какую задачу имела ваша группа IV В 4 применительно к Освенциму?

ЭЙХМАН. Собственно говоря, вообще никакой, господин капитан, только если обращался соответствующий человек из Главного управления делами и хозяйством, чаще всего это был некий Либехеншель, — куда должны прибыть эшелоны с эвакуированными из разных мест — по приказу рейхсфюрера. Это был чисто технический вопрос, для составления расписания.

ЛЕСС. Что означает «особое обращение» и кто ему подвергался?

ЭЙХМАН. «Особое обращение» это... Да, от кого исходит это выражение? От кого?

ЛЕСС. А что оно означает?

ЭЙХМАН. Особое обращение — это умерщвление. От кого оно исходит, я не знаю. Наверное, от Гимmlера, от кого же еще ему быть — но, прошу вас, у меня нет доказательств этому; может быть, и от Гейдриха, если он придумал такое название, когда Геринг облек его властью. Но точно я этого не знаю. Так я представляю себе, предполагаю.

ЛЕСС. Но вы знали, что «особое обращение» означает убийство?

ЭЙХМАН. Это же знал каждый, конечно, господин капитан. Если указывалось «для особого обращения», то на станции назначения решал концентрационный лагерь, кто пригоден для выполнения работ, кто нет.

ЛЕСС. Это означает, что «особому обращению» подвергались евреи, которых объявили нетрудоспособными?

ЭЙХМАН. Да, врач. За исключением некоторых контингентов, которые Гимmlер определил как «преимущественно подлежащие уничтожению».

ЛЕСС. Кто вел списки евреев, отправляемых в Освенцим и обреченных на «особое обращение»?

ЭЙХМАН. Это должно было делать учреждение, которое их эвакуировало, я полагаю. Потому что IV В 4 не эвакуировал, только перевозил.

ЛЕСС. Вы получали копии списков?

ЭЙХМАН. Нет, никогда ни одного.

ЛЕСС. Вы только формировали эшелоны?

ЭЙХМАН. Не эшелоны, господин капитан, а только составляли расписание для эшелонов, так точно! Эшелоны формировало эвакуирующее учреждение.

ЛЕСС. Существовали, кроме Освенцима, еще другие места для «особого обращения»? Какие это места?

ЭЙХМАН. Да. В генерал-губернаторстве это были Хелмно и Трешлинка. В Киев и Львов эшелоны не шли никогда; в тех местах просто расстреливали.

ЛЕСС. Кто вел списки евреев, отправляемых для «особого обращения»?

ЭЙХМАН. Господин капитан, также всегда — эвакуирующая организация.

ЛЕСС. Имел ли Гёсс, лагерфюрер в Освенциме, задание записывать число присланных в Освенцим евреев?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я этого не знаю. Я не знаком с его служебными обязанностями, а на вопросы он, я уверен, не давал верных ответов. Люди в Освенциме никого к себе не подпускали, и Гёсс вначале тоже — чтобы никто не заглядывал к ним в карты, а я ведь был из другого ведомства. У них были черепа и кости на петлицах, а у меня ничего такого.

ЛЕСС. Скольких евреев отравили газом и убили в Освенциме?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я читал, будто Гёсс сказал, что он убил четыре миллиона евреев. До сих пор я считал это число весьма завышенным. Но если мы теперь хотим говорить о цифрах вообще: миллион это, или четыре миллиона, или это сто человек — это ведь в принципе безразлично. Я за все эти 15 лет иногда прикидывал сам. В конце войны я говорил моим офицерам о пяти миллионах — такое число мне туманно представлялось тогда. На языке конца света — или как его еще назвать? — эти точные цифры были мне совершенно не нужны.

Я теперь уже не помню, говорилось ли в еврейском ежегоднике для Европы о десяти миллионах евреев, и не знаю, входили туда оккупированные немецкими войсками русские области или нет. Во всяком случае, я пытался определить базис. Я читал, что через несколько меся-

цев после войны союзники обнаружили еще 2,4 миллиона евреев. Это я читал. Эмиграция из Германии, Австрии, ЧССР — я прикинул, ну, пусть 1,2 миллиона эмигрировали. Еще естественное снижение численности. Я не статистик, просто я это так прикинул. Так что думаю: да, получается, что около шести миллионов евреев были убиты; так я это себе представлял. Прав ли я в этом, господин капитан, я не знаю.

ЛЕСС. Фамилии убитых евреев в вашем отделе регистрировались?

ЭЙХМАН. Эвакуированных евреев? Или... тех... всех... всех? У меня этого не было. Не было такого!

ЛЕСС. Почему же вас запрашивали относительно свидетельств о смерти евреев?

ЭЙХМАН. Меня запрашивали. Но списков не было. Не имеет ведь смысла отрицать то, что произошло. Мне бы пришлось заводить слишком... очень... очень большое — скажем, бросающееся в глаза, по меньшей мере — дело-производство такого... такого рода. Нет, его не было.

ЛЕСС. Когда концентрационные лагеря давали в Главное управление имперской безопасности отчеты об умерших, разве они не должны были попадать и к вам, если там были евреи?

ЭЙХМАН. По евреям этого не делали. Когда вначале были приказы об отдельных экзекуциях, тогда, конечно, были личные дела, а когда пошли уже списки, это было уже... массовое дело. У нас их не было.

ЛЕСС. Из этого документа следует, что списки...

ЭЙХМАН. Так точно, что списки составлялись. По евреям тоже, общие списки. Но я этих списков не имел. Я бы сразу сказал, если бы у меня были эти списки, потому что я... Я ведь их не убивал, разве нет? Не убивал. И не вешал, и не расстреливал.

ЛЕСС. Здесь сказано, что направившая инстанция должна в случае смерти сообщать родственникам, а для евреев направившей инстанцией были ведь вы.

ЭЙХМАН. Нет, это полиция и ее управления на местах, а не Главное управление имперской безопасности, ни в коем случае. У меня был один-единственный случай; это с евангелическим пастором...

ЛЕСС. Который потом стал благочинным? О котором мы уже говорили?

ЭЙХМАН. Так точно! Поскольку списки составлялись для евреев-заключенных — это если еврей или еврейка находились под арестом или в предварительном заключении. А не списки евреев, с которыми обращались, скажем, в соответствии с мероприятиями по эвакуации.

ЛЕСС. Разве вы не говорили ранее, что все они были «в предварительном заключении», в том числе при массовой депортации?

ЭЙХМАН. Да, но... ведь депортируемые не были задержанными...

ЛЕСС. Кем же они были?

ЭЙХМАН. Это были... был особый приказ. Это был... они... Их всех отправляли по особому приказу.

ЛЕСС. «Особое обращение»?

ЭЙХМАН. Особый приказ! Особый, специальный приказ предписывал особое обращение. Конечно, тут ведь надо различать, вот хотя бы в одном пункте — между отдельными случаями и общим приказом, поступившим сверху, не правда ли?

ЛЕСС. Разве начальники лагерей уничтожения не представляли численных данных о своей деятельности, которые затем попадали и в ваш отдел?

ЭЙХМАН. Нет. Я никогда не получал отчетов. Конечно, они должны были отчитываться перед Главным управлением делами и хозяйством. Меня однажды посетил статистик, профессиональный статистик. Фамилия этого человека была Цахариас или похожая. Мне кажется, начиналась с буквы «Ц». Это ведь можно установить. Перед этим мой начальник Мюллер сообщил мне, что надо будет сделать отчет для Гитлера, — для фюрера, сказал он тогда; по приказу Гимmlера и на машинке фюрера. Я это слово услышал тоже в первый раз. Это была пишущая машинка с огромными литерами, я должен был распорядиться, чтобы, когда статистик закончит отчет, ее доставили из управления гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе, потому что в полиции безопасности была только одна такая машинка.

Ну хорошо, тот человек, статистик, пришел ко мне в отдел. У него было указание от рейхсфюрера составить

подробную статистику о положении дел с решением еврейского вопроса в Европе; все дела с грифом «государственная тайна», все надо было предоставить этому сотруднику. И он был явно в курсе дела, это я сразу заметил. Он уже запросил всех командующих полицией безопасности.

ЛЕСС. К каким выводам он пришел?

ЭЙХМАН. Он объединил все дела по уничтожению на Востоке. Это было к тому времени, вместе с эмиграцией и естественным сокращением, как он это называл, наверное, 4,5 или 5 миллионов. Такое число осталось у меня в памяти. Тем самым — так было сказано в том отчете — проблема евреев в Европе в основном закрыта.

ЛЕСС. Вы не знаете фамилию статистика?

ЭЙХМАН. Она начиналась на «Ц». Почему-то мне кажется — Цахариас?

ЛЕСС. Доктор Корхер?

ЭЙХМАН. Корхер? Боже мой, я так ошибся? Корхер, Корхер? Эту фамилию я тоже слышал!

ЛЕСС. Какие материалы вы представили этому статистику?

ЭЙХМАН. Все дела с грифом «государственная тайна», как было приказано. По всем эшелонам, о которых нам было доложено.

ЛЕСС. Эти материалы содержали и цифры об уничтожении евреев?

ЭЙХМАН. Нет. Уничтожение — нет. У меня их никогда не было.

ЛЕСС. Только число эвакуированных и поезда? Вам ведь сообщали, когда эшелон отправлялся.

ЭЙХМАН. Такие сообщения мы получали. Я знал только эти числа, и по ним Гюнтер в своем кабинете отмечал на стене — ведь это... это, наверное, десятки раз видел д-р Лёвенгерц... каждый, кто туда заходил, мог видеть этот график, длинную кривую. Жаль, что я уже не помню обшего числа.

ЛЕСС. Вы и до этого уже составляли отчет о числе депортированных евреев?

ЭЙХМАН. До того, как пришел статистик? Господин капитан, я не знаю. Если было приказано, то, разумеется, делал, но вспомнить не могу. При многочисленной писанине — потому что наша работа состояла ведь только из

писанины — сейчас на самом деле очень трудно уверенно отвечать о каком-то отдельном деле из этой писанины.

ЛЕСС. Статистик приходил потому, что Гиммлер находил число уничтоженных евреев слишком низким?

ЭЙХМАН. Нет. Этот статистический отчет был сделан затем, чтобы дать Гиммлеру возможность информировать Гитлера. Потому что я потом получил документ обратно, с пометкой Гиммлера: «1. Фюрер принял к сведению. 2. Черновики уничтожить». Или слова «черновики» не было. Просто «2. Уничтожить».

ЛЕТОПИСЕЦ. *Доктор Рихард Корхер, известный в научных кругах статистик, не был членом СС. Гиммлер пользовался его услугами, так как верил, что средствами статистики сможет разоблачить неточности и приписки своих нижестоящих «фюреров». Численным балансом уничтожения евреев он надеялся произвести впечатление на Гитлера. Однако, к огорчению Гиммлера, случая передать отчет лично Гитлеру ему не представилось. Пришлось отдать его Мартину Борману. Тот сначала вернул документ, причем с замечанием, что в такой форме он не может быть представлен Гитлеру; что слова «ликвидация» и «особое обращение» должны быть заменены другими. Но когда это было сделано, Борман продолжал тянуть. Он понимал: хотя евреев надо уничтожить, но глава государства не желает знать об этом официально.*

ЛЕСС. Я показываю вам теперь фотокопию, письмо рейхсфюрера СС начальнику полиции безопасности и СД Берлина. Государственная тайна. Вы мне можете сказать, чьи это инициалы там внизу?

ЭЙХМАН. Это подпись Гиммлера, «ГГ». С грифом «государственная тайна», из полевой ставки рейхсфюрера: «Я получил статистический отчет инспектора по статистике об окончательном решении еврейского вопроса. Полагаю, что в качестве возможного материала на будущее, для целей прикрытия, этот отчет весьма хорош. В настоящее же время его нельзя ни публиковать, ни знакомить с ним других лиц. Важнее всего для меня по-прежнему то, что теперь евреев отправляют на Восток; что являет-

ся единственно возможным решением с человеческой точки зрения...»

ЛЕСС. Ну что? Как это следует здесь понимать: для целей прикрытия?

ЭЙХМАН. Да, мне это теперь тоже не ясно; ведь после того как статистик в основном... Хотя что значит — в основном? Он ведь все вещи назвал и сосчитал, он привык это делать как статистик.

ЛЕСС. Может быть, отчет статистика Корхера не содержал никаких цифр, относящихся к убитым евреям. Отсюда выражение «для целей прикрытия».

ЭЙХМАН. Но, это не подходит. Там же были все цифры, какие статистику дали из... прислали с Востока, иначе их вообще не оказалось бы в этом отчете. И это был отчет для... для фюрера, и никто не стал бы там ничего — скажем так — причисывать. «Для целей прикрытия» — это для меня необъяснимо.

ЛЕСС. В последней фразе здесь написано: «Я хочу, чтобы в кратких месячных отчетах полиции безопасности сообщалось только число отправленных за месяц евреев и сколько еще осталось на данный момент». Значит, вы подавали ежемесячные отчеты о вывезенных евреях?

ЭЙХМАН. Да, конечно. Видите ли, это же отчетность, и месячные отчеты относятся к ней, совершенно ясно. Наверное, месячные отчеты стали казаться ему слишком длинными. Могу себе представить.

ЛЕСС. Раньше ваш отчет содержал больше сведений?

ЭЙХМАН. Да, там была вся ситуация, все трудности в отдельных странах. Общий, я бы сказал, охватывающий все вопросы рабочий отчет; разумеется, в соответствующей... в соответствующей краткой форме. Но скольких убили — этих цифр я не имел. Когда статистик находился у меня, чтобы сделать свой анализ, неделю или две недели он был в моем отделе, каждый день — он посылал отсюда телеграммы и всевозможные запросы в самые разные учреждения. И вот я думаю... Ведь возможно следующее... Да, это теперь... теперь мне все совершенно ясно про это письмо, почему там сказано «с целью прикрытия». Ведь статистик получал от меня только общее число вывезенных, а не убитых.

ЛЕСС. С какого времени вы знали доктора Вильгельма Хёттля?

ЭЙХМАН. С Хёттлем я познакомился в 1938 г. где-то в Вене. Он в то время тоже был, я думаю, в СД.

ЛЕСС. Он был все эти годы в СД? Он тоже был в Венгрии?

ЭЙХМАН. Я сейчас не уверен, что Хёттль был в Венгрии, но если он там был, то я, наверное, говорил с ним и там.

ЛЕСС. Вы рассказывали Хёттлю, что в Венгрии вы организовывали и контролировали вывоз евреев в лагерь уничтожения Освенцим?

ЭЙХМАН. Организовать и контролировать — такого я Хёттлю никогда не говорил.

ЛЕСС. А что говорили?

ЭЙХМАН. Может быть... может быть, говорил в соответствии с действительным положением дел, поскольку Хёттль был ведь в то время, я полагаю, давно уже начальником отдела в управлении VI Главного управления имперской безопасности, он знал о делах не хуже меня. Управление VI, они занимались разведкой. Почему бы им не быть в курсе дел своих же — если можно так сказать — служб.

ЛЕСС. Вы говорили Хёттлю, сколько было уничтожено евреев?

ЭЙХМАН. Сколько, как я думал? Если он меня спросил, то возможно, что я назвал ему ориентировочное число. Разумеется.

ЛЕСС. Я прочту вам теперь место из 31-го тома материалов Международного военного трибунала по делу главных военных преступников в Нюрнберге — письменные показания д-ра Вильгельма Хёттля, данные под присягой. Я цитирую: «Меня зовут д-р Вильгельм Хёттль, штурмбаннфюрер СС, майор СС. Моя должность до капитуляции Германии была: референт и заместитель начальника отдела в VI управлении Главного управления имперской безопасности. Управление VI было так называемым иностранным управлением СД и занималось разведкой во всех странах мира. Это примерно соответствует английской «Интеллидженс сервис».

Далее: «В конце августа 1944 г. я беседовал в своей квартире в Будапеште с известным мне с 1938 г. оберштурмбаннфюрером СС Адольфом Эйхманом. Эйхман был в то время, насколько я знал, начальником отдела в

IV управлении — гестапо — Главного управления имперской безопасности и, кроме того, выполнял поручение Гимmlера — собрать во всех европейских странах евреев и перевезти их в Германию. Эйхман был под сильным впечатлением выхода Румынии из войны, последовавшего в те дни. Он выразился в том смысле, что война Германией уже проиграна и у него лично никаких шансов не остается. Он знает, что Объединенные Нации считают его одним их главных военных преступников, потому что на его совести миллионы еврейских жизней. Я спросил его, сколько именно, на что он ответил, что это число — большая государственная тайна, но мне он скажет, потому что мне как историку это должно быть интересно. Он недавно делал отчет для Гимmlера, так как тот хотел знать точное число убитых евреев. И на основе имевшейся у него информации пришел к следующему выводу. В различных лагерях уничтожения было убито примерно четыре миллиона евреев, а еще два миллиона нашли другую смерть, причем большая их часть была расстреляна оперативными группами, «айнзацкомандами» полиции безопасности, во время военной кампании против России.

Гимmlер был доволен результатом, потому что число уничтоженных евреев должно быть, как он считал, больше шести миллионов. Гимmlер заявил, что пришлет к Эйхману человека из своего статистического отдела, чтобы тот на основании материалов Эйхмана подготовил новый отчет. Я полагаю, что эта информация, сообщенная мне Эйхманом, была верна, потому что он имел самые достоверные сведения о числе убитых евреев от всех занимавшихся этим лиц. Во-первых, он — его оперативные группы, «зондеркоманды» — отправляли евреев в места уничтожения, а во-вторых, он как начальник того отдела в IV управлении, который и занимался еврейскими делами, знал это число лучше всех. К тому же Эйхман находился в тот момент в таком душевном состоянии, что у него совершенно не могло быть намерения говорить неправду».

Это показания Хёттля. Хотите их прокомментировать?

ЭЙХМАН. Конечно! Показания Хёттля — это винегрет из всего, чего угодно, что у него было в голове. Пожалуйста, кое-что из этого, безусловно, верно. Если я говорю... что он говорит... что я отправлял эшелоны, — ну хорошо, отправлял — не будем... не буду придирааться к слову. В том смысле, что отделы, что уполномоченные по еврейскому вопросу в разных странах — за исключением генерал-губернаторства и оккупированных русских областей — действительно занимались отправкой эшелонов и докладывали об этом в отдел IV В 4. И в этом смысле я тоже имел общее представление.

ЛЕСС. Вы знали, сколько евреев было увезено за эти годы в лагеря?

ЭЙХМАН. В лагеря — конечно, этого я не могу отрицать.

ЛЕСС. Вы знали также, что лагеря были равнозначны «окончательному решению». Это значит: уничтожению! Следовательно, вы могли полагать, что евреи, которых вы туда отправили, были уничтожены. И если вы говорите «использовались на работах», то вы ведь знали — вероятно, никто долго не выдержит такого обращения. Умирал ли человек на работе, убивали его или он погибал от голода, потому что ему нечего было есть, или его потом задушили газом — так или иначе, он был мертв.

ЭЙХМАН. Господин капитан, а все-таки мне кажется... Ведь известно, что союзники насчитали после войны 2,4 миллиона евреев. И сотни тысяч их, вот именно — сотни тысяч вышли из концентрационных лагерей. На работах их тоже использовали. Но прошу вас, это было совсем не в моем ведении — дела концентрационных лагерей. Ведь отправкой эшелонов с высылаемыми функции моего отдела практически заканчивались. Если я их теперь предельно расширяю, хотя об этом можно спорить, то они завершались — это уж как хотите, дальше некуда — с передачей эшелона полиции на станции прибытия.

ЛЕСС. Вы согласны в принципе с тем, что сказано здесь у Хёттля?

ЭЙХМАН. Не со всем, господин капитан, это я не могу... это ведь...

ЛЕСС. С числом, которое вы ему назвали: около четырех миллионов евреев были убиты, и...

ЭЙХМАН. Нет!

ЛЕСС. ...И еще два миллиона — другими способами.

ЭЙХМАН. Наверное, я сказал ему тогда о содержании документа, составленного статистиком. Должно быть, это я ему сказал. Я думаю, что тот отчет заканчивается общим числом в пять миллионов. Так мне помнится.

ЛЕСС. Я читаю вам теперь место из письменных показаний, данных под присягой Вальтером Хуппенкотеном на процессе главных военных преступников в Нюрнберге. Цитирую: «Еврейский отдел и его начальник оберштурмбаннфюрер Эйхман занимали особое положение в IV управлении. При мне группенфюрер Мюллер неоднократно подчеркивал, что Эйхман подчинен лично ему и никому другому. Я часто видел его в приемной Мюллера, когда он являлся туда на совещания. И после моего назначения на должность заместителя начальника по группе отделов IV А ничего не изменилось. Эйхман и его сотрудники никогда не рассказывали о своих делах. Но я знаю из разговоров с товарищами, что Эйхман постоянно бывал у Гимmlера и получал указания лично от него».

Хотите сказать что-либо по этому поводу?

ЭЙХМАН. Это тоже... тоже мешанина из правды и сказок, однако правды здесь больше, чем выдумки. Насчет особого положения он прав, когда говорит, что начальники... В том смысле, что он и сам был начальником группы отделов и хочет, конечно, себя обелить, — ведь начальники отделов документы визировали, а я никого не спрашивал и докладывал свои дела прямо группенфюреру Мюллеру и с ним обсуждал. Потому что по этим делам мнение непосредственного начальника, руководителя группы отделов, меня не устраивало. Понятно, что я часто был в разъездах. Что очень часто у Гимmlера — это тоже неверно. К Гимmlеру я был вызван всего три раза. Весь смысл этих показаний Хуппенкотена под присягой состоит, разумеется, в том, чтобы ему — скажем так, де-факто руководителю группы отделов — от меня дистанцироваться. Только и всего.

ЛЕСС. Теперь я читаю показания на Нюрнбергском процессе Вильгельма Бруно Ванека, которого вы знаете по IV управлению Главного управления имперской безопасности. Ему был задан вопрос: «Верно ли, что после смер-

ти Гейдриха Гиммлер уполномочил для решения еврейского вопроса исключительно Эйхмана и тот выполнял этот приказ в строжайшей тайне в обход всех других служб?» На что допрашиваемый дал под присягой следующие показания: «Да, это полностью верно. Еще при жизни Гейдриха Эйхман занял доминирующее, абсолютно особое положение, его функции постоянно расширялись; по всему еврейскому сектору он действовал в Главном управлении имперской безопасности совершенно самостоятельно. Потом после смерти Гейдриха и до конца он отвечал непосредственно перед Гиммлером. Этот факт был в РЗХА всем известен».

ЭЙХМАН. Я никогда не был подчинен непосредственно Гиммлеру. Меня трижды вызывали к Гиммлеру. Моим начальником, моим непосредственным руководителем был группенфюрер Мюллер. К руководителям группы отделов я никогда не обращался, потому что они никогда не могли дать мне указаний, их должности и звания были для этого слишком малы. Показание Ванека пригнуто за волосы.

ЛЕСС. На процессе главных военных преступников Гёссу был задан вопрос: «Верно ли, что у вас нет точных записей о числе ваших жертв, потому что вести такие списки было вам запрещено?» Гёсс ответил: «Это верно. Да, это верно!» Вопрос: «Верно ли далее, что записи об этом имел только человек по фамилии Эйхман? Человек, которому были поручены организация и сосредоточение людей?» Гёсс: «Так точно!» Вопрос: «Верно ли далее, что Эйхман пояснил вам: в Освенциме уничтожено более двух миллионов людей — евреев?» Гёсс: «Так точно!».

Вы хотите сделать какие-нибудь замечания к этой части?

ЭЙХМАН. Да, господин капитан. Что касается числа два миллиона, то Гёсс должен лучше меня знать, ведь это он принимал эшелоны, а не я.

ЛЕСС. Далее Гёсс показал: «С Эйхманом я познакомился примерно через четыре недели после того, как получил от рейхсфюрера приказ об умерщвлении. Эйхман приехал в Освенцим, чтобы обсудить со мной выполнение приказа. Как сказал мне рейхсфюрер уже во время бесе-

ды, он его уполномочил. Все дальнейшие указания я получал от него. От Эйхмана».

ЭЙХМАН. Об этом я могу сказать, господин капитан, что все это от А до Z не может быть правдой. Это предполагает, будто у меня был какой-то приказ от Гиммлера. Это неверно. В то время я еще не имел никаких дел с Гиммлером, а был вызван к Гейдриху, когда он мне сказал, что фюрер принял решение уничтожить евреев.

ЛЕСС. Гёссу был задан вопрос: «Участвовало ли гестапо в какой-либо форме в уничтожении евреев?» Гёсс ответил: «Да, поскольку все поступавшие мне приказы о проведении акции я получал от оберштурмфюрера Эйхмана».

ЭЙХМАН. Во-первых, я был не оберштурмфюрером, а оберштурмбаннфюрером, господин капитан; позвольте заметить... уж если во всем быть точным. Во-вторых, я не давал никаких указаний об исполнении. Техническая сторона дела, господин капитан, — это были обязанности отдела инспекции концентрационных лагерей в Главном управлении делами и хозяйством, а вовсе не гестапо; никогда, никогда этого у нас не было, не было. Никогда!

ЛЕСС. Теперь я читаю вам место из мемуаров Гёсса: «Эйхман приехал ко мне в Освенцим. Он посвятил меня в планы проведения акции в отдельных странах. Сначала Освенцим предназначался для Верхней Силезии и граничащих с ней областей генерал-губернаторства. Потом, в зависимости от развития ситуации — евреи из Германии и Чехословакии, потом уже Запад: Франция, Бельгия, Голландия. Далее мы обсуждали, как проводить уничтожение. Годился только газ, потому что ликвидировать людей в ожидавшихся количествах путем расстрела было бы хуже всего, просто невозможно; к тому же слишком большая нагрузка для эсэсовцев, которые должны приводить в исполнение, — учитывая женщин и детей».

ЭЙХМАН. Чего я не делал, господин капитан, того признать не могу. Это нафантазировано Гёссом и ко мне не имеет никакого отношения.

ЛЕСС. И другие лица высказывались подобным же образом, не только Гёсс; нельзя же утверждать, будто они догово-

рились между собой, у них не было возможности сговориться: вот мы теперь все дадим показания против Эйхмана и этим спасем себя. Каждый, кто давал показания, знал, что ему предстоит.

ЭЙХМАН. Господин капитан, я ведь тоже много читал об этом и тоже задавал себе вопрос — почему я, все время я? У меня нет другого объяснения: я был уже с самого начала в самом центре, в фокусе, когда дело касалось евреев. И Гёсс так внушил себе и свалил все в одну кучу, написал, будто получал указания от Эйхмана, а не от Главного управления делами и хозяйством. Он и в Нюрнберге так говорил, он надеялся, что все, что он подробно распишет в своей книжке, так и сойдет.

ЛЕСС. Гёсс давал эти показания в то время, когда у него не было оснований что-либо скрывать или приукрашивать. Потому что его положение было делом решенным.

ЭЙХМАН. Мое положение примерно такое же. На мне столько всего сходится, что отрицание даже таких чудовищных дел, какие присочиняет мне Гёсс, вряд ли хоть немного смягчит приговор.

ЛЕСС. Я хочу процитировать еще одно место и услышать ваш ответ о нем. Он пишет в своей книге: «Как я слышал однажды от Эйхмана, в Швейцарии сбывали драгоценности и валюту, чуть ли не завладели всем швейцарским рынком драгоценностей. А простые часы свозили... тысячами в концлагерь Заксенхаузен».

ЭЙХМАН. Со всеми... со всеми имущественно-правовыми делами убитых я имел не больше дел, господин капитан, чем со всем остальным, о чем он говорит. Был отдел в Главном управлении делами и хозяйством, который занимался этой... этой... как это назвать... реализацией или еще как-то. Уже после войны служивший в полку СС личной охраны фюрера «Адольф Гитлер» оберштурмбаннфюрер Кульман, живший в Бразилии под фамилией Геллер, говорил мне, что эти часы поступали из Главного управления делами и хозяйством, и что их происхождение — от тех самых акций, и что у них в полку вызывало отвращение, когда им раздавали часы за какие-то заслуги.

ЛЕСС. Вы все время хотите представить дело так, будто были офицером по транспорту — и только.

ЭЙХМАН. Как правило, так и было, господин капитан.

ЛЕСС. Как следует из всех предъявленных до настоящего времени документов, ваша задача была гораздо шире. Действовали ли вы на основании приказа, это, по моему мнению, несущественно. Остается фактом, что кроме вопросов транспортировки, «транспортно-технического вопроса», как вы это называли, вы занимались вещами, к транспортно-техническим вопросам не имеющими никакого отношения.

ЭЙХМАН. Позвольте мне теперь...

ЛЕСС. Пожалуйста! Вы это подтверждаете?

ЭЙХМАН. Господин капитан, отдел IV В 4 никогда не получал приказов об убийствах. Никогда! Это был аппарат чисто транспортного назначения, для чего, разумеется, нужны были предпосылки. Ведь не могло же делаться так: ну, например, приказ для Парижа, или Гааги, или Брюсселя: «Согнать тысячу человек в один эшелон, и — поехали!» Нужно были составить инструкции. Ведь люди, эвакуирующая организация должны были знать, что именно, какой круг лиц. Такую установку, само собой разумеется — это я должен признать, — передавал этим учреждениям отдел IV В 4 в соответствии с полученными приказами руководства.

ЛЕСС (*иронически*). Транспортно-технического характера?

ЭЙХМАН. Конечно, не только транспортно-технического. Но инструкции были ведь предпосылкой для мероприятия в целом.

ЛЕСС (*иронически*). Значит, была специальная миссия! Верно? Была специальная задача, которая должна быть решена, — истребление евреев, которую вы, как вы говорите, получили сверху.

ЭЙХМАН. Конечно, господин капитан, отдел IV В 4 по собственной инициативе или своему усмотрению вообще ничего не решал! Мне бы никогда не пришло в голову наживать себе неприятности собственными решениями. И никакие частные решения моих сотрудников не были, если позволите, ни в малейшей степени ими придуманы. Для этого существовали:

а) соответствующие имперские законы с инструкциями по их применению, распоряжения;

б) полицейские предписания, постановления, приказы, указания Гимmlера и начальника полиции безопасности в качестве законодательной базы...

Конечно, если разрешите так выразиться, — с пометкой: для исполнения. Служебная присяга обязывала повиноваться. И значит, действовать согласно этим документам.

ЛЕСС. Окончательное решение еврейского вопроса тоже было в имперском законе?

ЭЙХМАН. Собственно окончательное решение — это я сейчас имею в виду то специальное задание, полученное Гейдрихом — ну, грубо говоря, убийство, — оно не было имперским законом. Это был приказ фюрера, так это называлось — приказ фюрера. А Гимmlер, и Гейдрих, и Поль, начальник Главного управления делами и хозяйством, поделили между собой ответственность за его исполнение. Тогдашние правовые понятия, которые касались всех, гласили: слово фюрера имеет силу закона. Не только в этом случае, во всех случаях. Это известное дело. Слово фюрера — закон.

ЛЕСС. Вы хотели рассказать еще о проведении эвакуаций. В то время, когда вы были во Франции.

ЭЙХМАН. Да, да. Во Франции были трудности, потому что некоторые люди во французском правительстве чинили германским службам препятствия: то ли из шовинистических интересов, то ли потому, что не хотели, чтобы евреев эвакуировали. Раскачаются — и опять застряли. И снова нужны были колоссальные усилия со стороны немецких учреждений, даже министерству иностранных дел приходилось оказывать нажим. Опять двигалось чуть-чуть. Извините, что я рассказываю об этих обстоятельствах в таком вульгарном тоне, я ведь хочу показать наглядно, как это все происходило на практике.

ЛЕСС. Теперь я показываю вам документ с подписью Тео Даннекера, вашего представителя во Франции. Его запись 10.3.1942 г.: «По вопросу: депортация 1000 евреев на Восток. На совещании уполномоченных по еврейским делам 4.3.1942 г. в Главном управлении имперской безопасности в Берлине я снова указал на необходимость немедленной депортации находящихся в Компьене евреев. Оберштурмбаннфюрер СС Эйхман согласил-

ся принять этих евреев еще в марте. Я договорился о следующем: мы немедленно сообщаем отсюда телеграммой в адрес РЗХА, отдел IV В 4, кто несет расходы на проезд до намеченного в качестве промежуточной станции концлагеря Освенцим, и может ли быть обеспечено сопровождение силами полевой жандармерии до места назначения. Поступающие для депортации евреи имеют право взять с собой багаж не более 50 кг и должны получить рацион пропитания на три недели. Надлежит проследить прежде всего, чтобы у каждого еврея было с собой одеяло и чтобы в порядке была обувь. Вопрос об остальной собственности надлежит обсудить еще с армейским командованием. В соответствии с особым указанием оберштурмбаннфюрера СС Эйхмана, депортировать евреев, живущих в смешанном браке, пока не надо».

Хотите просмотреть документ и высказаться о нем?

ЭЙХМАН. Это протокольная запись гауптштурмфюрера Даннекера, который работал ответственным по еврейским вопросам при командующем полицией безопасности и СД в Париже. Что касается живших в смешанном браке евреев: наверное, у меня не было... не было указаний, и я в связи с этим делом справился... наверное, каким-то образом по службе. Компьен — это, наверное, лагерь... это... ну... место, где французская полиция как-то держала под стражей евреев.

ЛЕСС. Вы по-прежнему полагаете, что о месте назначения эшелонов, то есть об Освенциме, вас информировали лишь в последнюю минуту?

ЭЙХМАН. Господин капитан, разумеется, я должен был справляться, куда направляются транспорты. Что здесь записывает Даннекер: концлагерь Освенцим, сколько багажа и т.д.? Отдел IV В 4 не решал это по своему усмотрению — и никак не мог решать, — а получал подробные указания Гиммлера.

ЛЕСС. Как понимать слова «до намеченного в качестве промежуточной станции концлагеря Освенцим»?

ЭЙХМАН. Я полагаю, что их отправляли дальше для использования на работах и т.д., господин капитан. Там же написано про обувь. И «чтобы у каждого еврея было с собой одеяло». Я полагаю, следовательно, что Главное управление делами и хозяйством СС, наверное, напра-

вило этот эшелон куда-то дальше... на работы. Так мне кажется... Но я, конечно, не знаю.

ЛЕСС. Сколько вагонов предоставлялось для перевозки тысячи евреев?

ЭЙХМАН. Господин капитан, этого я действительно не могу сказать. Я ни единого разу не говорил об этом по телефону с министерством путей сообщения. Это делал обычно мой сотрудник Новак. Там была, наверное, утверждена какая-то норма.

ЛЕСС. Какая именно?

ЭЙХМАН. Если бы я это знал! У меня в памяти осталось, что транспортировка тысячи евреев... Конечно, у нас были какие-то цифры; вот с юго-востока, из Греции, кажется, две тысячи с чем-то. Число вагонов было в ведении не РЗХА, а министерства путей сообщения. Они должны знать, сколько людей вмещается в один вагон. Даже если это не так уж тщательно соблюдалось... Если там были, скажем, трудности с местной дирекцией железных дорог и эвакуирующая служба получала меньше подвижного состава, чем требовалось, или как в Венгрии, например, где венгерская жандармерия грузила людей на свой лад.

ЛЕСС. Как выглядели сопроводительные списки?

ЭЙХМАН. Поименного списка я не получал никогда. Вот Даннекер, который был довольно пунктуальным человеком, наверное, сделал такой список, потому что — вот я вижу у него здесь много иностранцев, не так ли? И он как человек осторожный решил, наверное: лучше я тут все точно разужнаю и запишу. Это списки по подданствам, это не сопроводительная ведомость.

ЛЕСС. Сопроводительные ведомости составлялись не по подданству?

ЭЙХМАН. С подданством, господин капитан, это очень трудное дело. Мы постоянно вели переговоры с министерством иностранных дел. Во всех случаях, всегда нужно было получить согласие министерства иностранных дел.

ЛЕСС. Здесь значится, что копию надлежит направить вам.

ЭЙХМАН. Да, тут так написано.

ЛЕСС. Вы должны были ее получить.

ЭЙХМАН. Должен был получить, да. Но я думаю, что такой... что поименный список вряд ли... Зачем центральной ин-

станции отдельные имена? Нам бы понадобились для этого отдельные папки, целые шкафы — чтобы вместить поименные списки, транспортные ведомости.

ЛЕСС. Как следует понимать запись: «В соответствии с особым указанием оберштурмбаннфюрера СС Эйхмана, депортировать евреев, живущих в смешанном браке, пока не надо»?

ЭЙХМАН. Наверное, Даннекер спросил меня: «А что будет с живущими в смешанном браке евреями?» — и на это я ему, наверное, сказал: «Этого я не знаю, это я должен сначала сам узнать» — и тогда я... тогда я, наверное, запросил по служебным каналам. Если Гейдрих тогда еще был, то он мог решить и по собственному усмотрению. Или же дело пошло к Гимmlеру, к самому Гимmlеру. Во всяком случае, все, что касалось смешанных браков... за это отвечала канцелярия заместителя фюрера.

ЛЕСС. Связаны ли названные здесь инструкции с транспортно-техническими проблемами? Вопрос о смешанных браках и т.д.

ЭЙХМАН. С транспортно-техническими — нет, а дальше — это принципиальные... принципиальное решение... где-то оно, наверное, было принято. На местах ведь ничего не решали.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Во Францию была послана группа сотрудников гестапо из мюллеровского IV управления для наблюдения за «противниками режима». Однако каждую свою акцию она должна была согласовывать с армейской тайной полевой полицией, подчинявшейся военному командующему в Париже. Договором о перемирии было определено, что французская полиция сохраняет свои исполнительные функции также в оккупированных немцами областях, но связана при этом указаниями германских властей. Только после того, как во Франции утвердило свое влияние СС, уполномоченный по еврейскому вопросу Даннекер и его руководитель Эйхман смогли послать французских полицейских на «охоту за евреями», а когда гестаповские полицейские команды привлекли к этому еще французских антисемитов и фашистов, число депортируемых стало расти. В 1940 г. ушли на Восток только три состава с евреями, в 1941 г. их было девятнадцать, в 1942 г. — сто четыре и в 1943 г. — двести пятьдесят семь эшелонов.*

ЛЕСС. После того как во второй половине июня 1942 г. из Франции ушли в Освенцим один за другим три эшелона с евреями, вы телеграфировали 26.6.1942 г. в Париж: «По вопросу: эвакуация евреев. Поскольку дальнейших трудностей для беспрепятственного и полного проведения предусмотренного мероприятия по эвакуации не возникает, необходимости в намеченном совещании с вами в РЗХА нет. Вместо намеченного совещания, согласно приказу начальника IV управления группенфюрера Мюллера, в Париж прибудет оберштурмбаннфюрер Эйхман».

ЭЙХМАН. Я тогда ездил в Париж, наверное. Конечно, я этого теперь не помню.

ЛЕСС. Какие же вопросы там обсуждались?

ЭЙХМАН. Наверное, все эти истории с иностранцами. Обращение с евреями — иностранными подданными. И я подумал: возьмусь-ка я за это дело и посмотрю сам, как это у них там происходит. Ведь с евреями — иностранными подданными мы обращались прямо как с фарфоровой посудой. Потому что сразу начинались большие сложности с министерством иностранных дел. Руководство МИДа делало представления руководству полиции безопасности, и нам устраивали головомойку сверху. Я в принципе, прежде чем что-либо предпринимать, обязательно запасался оправдательным документом. Это значит, я старался получить от своего начальника резолюцию, ответ или указание. Я вижу и здесь — такую поездку я бы не предпринял на свою ответственность, а получил подтверждение ее необходимости от группенфюрера Мюллера.

ЛЕСС. Теперь я зачитаю места из записей, относящихся к вашему пребыванию в Париже. «Соглашение относительно предстоящей массовой высылки евреев из Франции. Что касается высылки евреев из оккупированных областей, то уполномоченные по еврейскому вопросу командования СД поставлены в известность о том, что в ближайшее время предстоит выселить из оккупированной части Франции 30 000 евреев. Необходимую подготовку надлежит начать немедленно. Уполномоченным разъяснено еще раз, что необходимые акции должны проводиться быстро и решительно; надлежит докладывать,

сколько евреев будет отправлено и сколько детей оставлено... Поскольку представители французского правительства и местные власти занимают выжидательную, а нередко и отрицательную позицию при решении еврейского вопроса, необходимы бескомпромиссные действия по собственной инициативе. Конечная цель: полная очистка провинции от евреев, позже только евреи в Париже, затем отправка оттуда последних...

Гауптштурмфюреру Даннекеру даны разъяснения и указания о том, что следующие к станциям назначения евреи считаются лицами без гражданства с момента въезда на территорию рейха, что снимает вопрос об их имущественных правах. В заключение было подчеркнуто, что предусмотренные до настоящего времени темпы — три эшелона по тысяче евреев в неделю — должны быть в ближайшее время значительно повышены с целью скорейшего и полного освобождения Франции от евреев».

Хотите высказаться об этом?

ЭЙХМАН. Конечно! Вот теперь более или менее ясно, почему я поехал в Париж: на основании приказа рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, согласно которому все проживающие во Франции евреи должны быть как можно скорее высланы. Гиммлер, значит, указал в этом приказе, что во Франции дело не движется, и потребовал, чтобы его незамедлительно информировали, к какому времени можно ждать — скажем его словами, — что вся Франция будет «очищена от евреев».

ЛЕСС. Правильно ли я понимаю, что вы занимались также имущественными правами евреев?

ЭЙХМАН. Нет, ими я не занимался. И Даннекеру было объявлено, что с момента въезда на территорию рейха депортируемые лица считаются не имеющими гражданства. Министерство иностранных дел так договорилось с французским правительством в Виши. Ведь если бы имущественно-правовые обстоятельства не были во всех отношениях урегулированы, то пришлось бы, господин капитан, устраивать при командующем полиции безопасности и СД какое-то учреждение, ведающее имуществом. Но мне об этом и в самом деле ничего не извест-

но, так что мне совершенно ясно, что занимались этим только французские власти.

ЛЕСС. Из этого, однако, следует, что при въезде на территорию рейха вы автоматически лишали евреев их подданства, объявляя их лицами без гражданства, утверждая на этом основании, будто депортируете бесподанных. Разве это можно понять иначе?

ЭЙХМАН. Нет, господин капитан. Полиция безопасности никогда не могла такое делать сама. Это было бы недопустимо с правовой точки зрения. Тогда бы правительство в Виши, которое и так всегда чинило трудности, такой бы шум подняло!

ЛЕСС. И вы по-прежнему утверждаете, что все это — «транспортно-технические вопросы»?

ЭЙХМАН. Да, господин капитан. Конечно... ясно, конечно, что все это только... только связано с перевозкой. Не с умерщвлением. Эвакуация и транспорт... все ведь крутится вокруг этого, господин капитан, вокруг транспорта. Но к убийствам совершенно не имеет отношения, господин капитан. Это же большая разница, что... что мы делали... и что я должен говорить теперь...

ЛЕСС. Упомянутое в этих документах окончательное решение еврейского вопроса — это истребление евреев в лагерях уничтожения.

ЭЙХМАН. Господин капитан, я уже говорил... Окончательным решением много занимались. «Окончательным решением» истребление называли уже потом, а сначала так называли не уничтожение; выселение евреев из областей проживания немецкого народа тоже виделось окончательным решением.

ЛЕСС. Ко времени того совещания 1 июля 1942 года...

ЭЙХМАН. ...Уже убивали.

ЛЕСС. ...Гейдриха уже не было в живых. Но вы слышали об убийствах от него. Следовательно, везде, где говорится об «окончательном решении», это означает физическое уничтожение.

ЭЙХМАН. Господин капитан, но тогда ведь не нужно, чтобы люди брали с собой, например, хорошую обувь, по 50 кило багажа и т.д. Не так ли? Значит, их отправляли на работы. Далее, вот здесь вопрос о возрасте — евреи,

начиная с определенного возраста, потом о детях и т.д. и т.д.

ЛЕСС. Вероятно, я должен считать, что подготовка к убийству происходила так основательно, что все вопросы, какие только могли возникнуть, надлежало решить заранее, досконально, чисто по-немецки. И с обувью тоже; люди не должны ведь прибыть в обносках. А что будет потом, роли не играет.

ЭЙХМАН. Нет, нет, господин капитан, я не думаю. Ведь так много, так много евреев было еще после 1945 года. Были ведь сотни тысяч, они же вышли из концлагерей.

ЛЕСС. Не хочу спрашивать, что бы стало, если бы война продолжалась на год дольше. Я вам покажу теперь протокольную запись парижского уполномоченного по еврейскому вопросу от 15.7.42; читаю содержание. «По вопросу: отправка евреев в Освенцим. 14.7.1942 оберштурмбаннфюрер СС Эйхман позвонил из Берлина и желал знать, почему отменен назначенный на 15.7.1942 эшелон. Я ответил, что всех, кто носит звезду, надо было арестовывать и в провинции, но по какой-то новой договоренности с французским правительством теперь сначала берут только евреев без гражданства. Эшелон пришлось отменять, потому что в Бордо, по данным командования СД, есть только 150 евреев без подданства. Вследствие весьма ограниченного времени найти замену мне не удалось. Оберштурмбаннфюрер Эйхман указал, что речь идет о нашем престиже. О поездах пришлось вести долгие переговоры с имперским министерством путей сообщения, и вот теперь Париж отменил эшелон. Такого у него еще не случалось. Ситуация совершенно скандальная. Он хотел бы не докладывать сразу группенфюреру Мюллеру, потому что в этом случае подставляет и себя. Он должен подумать, не следует ли в дальнейшем вообще не считать Францию страной, из которой еще можно кого-то отправить. Я просил, чтобы этого не делали, и добавил, что это не вина нашей службы. Остальные поезда пойдут по плану».

ЭЙХМАН. После этого Даннекер говорил со мной по телефону и как-то развеял все упреки, которые я ему сделал. Из содержания следует, что с имперским министерством путей сообщения было очень сложно; эшелоны, три со-

става, удалось добыть с большим трудом. И вот один отменяют. Такие дела всегда были связаны с ужасным шумом со стороны министерства путей сообщения, потому что у них возникал беспорядок в расписании.

ЛЕСС. Я показываю вам теперь телеграмму из Парижа от 10.7.42, продиктованную Даннекером. «Главное управление имперской безопасности, IV В 4, Берлин. По вопросу: выдворение евреев из Франции. Протокольная запись совещания оберштурмбаннфюрера СС Эйхмана с гауптштурмфюрером СС Даннекером. Аресты евреев без гражданства в Париже будут проведены французской полицией с 10.7 по 18.7.42. Можно ожидать, что после этих арестов останется около 42 000 еврейских детей. Для этих детей предусмотрена вначале общественная помощь во Франции. Однако поскольку длительное совместное пребывание этих еврейских детей с нееврейскими детьми нежелательно, а «Союз французских евреев» может разместить в своих приютах не более 400 детей — прошу срочно сообщить по телеграфу ваше решение: можно ли, начиная примерно с 10-го эшелона, отправлять вместе с подлежащими выдворению евреями без гражданства их детей. По поручению: Даннекер».

А теперь запись Даннекера от 21.7.42.

«По вопросу: выдворение евреев. 20.7.1942 сюда позвонили оберштурмбаннфюрер СС Эйхман и оберштурмфюрер СС Новак из РЗХА, IV В 4. С оберштурмбаннфюрером СС Эйхманом обсуждался вопрос о выдворении детей. Он принял решение: как только появится возможность вывезти евреев в генерал-губернаторство, отправлять и детей. Оберштурмфюрер Новак заверил, что в конце августа или начале сентября будет возможность отправить в генерал-губернаторство до шести эшелонов любых евреев, в том числе неработоспособных и стариков. Далее оберштурмбаннфюреру Эйхману доложено, что до настоящего времени удалось отправить только десять эшелонов и что переговоры с французским правительством о дальнейших арестах евреев затягиваются».

Желаете высказаться об этом?

ЭЙХМАН. Я теперь припоминаю про детей; я припоминаю, что слышал об этом. Такое общее решение об этих детях

принял тогда лично Гиммлер. Главное управление имперской безопасности попросило через группенфюрера Мюллера дать указания — как именно надлежит действовать. Этот вопрос не был решен Мюллером и не был решен начальником полиции безопасности и СД, а был доложен Гиммлеру, и Гиммлер решил: «Отправлять!» Я теперь вспоминаю, господин капитан.

ЛЕСС. Это решение имеет какое-либо отношение к транспортно-техническим вопросам? Четыре тысячи детей, которых отправили в лагерь уничтожения.

ЭЙХМАН. Да, господин капитан. Ведь в этом случае речь идет о директивах по организации отправки эшелонов. Исполнителей надо было снабдить указаниями, и я должен был это сделать.

ЛЕСС. Еще один документ. Пожалуйста! Я выключу на минуту.

ЭЙХМАН. Это телеграмма в отдел IV В 4, мне в Берлин. Гауптштурмфюрер Даннекер сообщает, что переговоры, ведущиеся с французским правительством в Виши, дали следующие результаты: «Выдать для выдворения из Франции всех евреев без гражданства, проживающих в оккупированной зоне. Премьер-министр Лаваль предложил, чтобы при выдворении еврейских семей из неоккупированной зоны брали и детей моложе 16 лет. Вопрос об остающихся в оккупированной зоне детях его не интересует. Поэтому я прошу о срочном решении — можно ли, начиная примерно с 15-го эшелона с евреями из Франции, отправлять и детей моложе 16 лет».

ЛЕСС. Вы считаете, что 14-летние дети представляют собой полноценную рабочую силу и могут выдержать условия жизни в лагере уничтожения, каким был Освенцим?

ЭЙХМАН. Господин капитан, эти установки — приказ рейхсфюрера, я таких директив не давал.

ЛЕСС. Я спрашиваю, верите ли вы, что это полноценные рабочие руки — четырнадцатилетние дети?

ЭЙХМАН. Конечно, я так не думаю, разве что в исключительных случаях, а вообще — нет.

ЛЕСС. Не следует ли из этого, что предусматривалось удушить этих детей газом сразу же по прибытии?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я не приказывал.

ЛЕСС. Я читаю вам теперь место из документа, в котором работник вашей парижской службы пишет о совещании по еврейскому вопросу в Главном управлении имперской безопасности 28.8.1942.

«В РЗХА было дано разъяснение, что в настоящее время можно высылать только евреев без гражданства. В отношении остальных иностранных евреев еще ведутся переговоры с министерством иностранных дел, и они пока не закончены. Возвращение иностранных евреев в свои страны в любом случае нежелательно. Ходатайство швейцарского консульства о высылке в Швейцарию ряда еврейских семей, имеющих швейцарское гражданство, не подлежит удовлетворению. Конфискацию имущества иностранных евреев проводить пока нельзя, так как различные иностранные представительства заинтересованы в имуществе своих евреев».

Может быть, вы объясните мне одну вещь, совершенно мне непонятную: нежелательность возвращения иностранных евреев в свои страны и конфискация имущества — какое это имеет отношение к транспортно-техническим вопросам? Ведь из всех документов следует, что ваш отдел занимался и этим. Помимо транспортных проблем.

ЭЙХМАН. Да, господин капитан. В этом смысле верно, ведь эти вещи служат предпосылкой, без них эвакуацию невозможно было бы провести вообще. Нельзя же так, чтобы какие-то чиновники из какой-то службы эвакуации шли прямо на улицу, хватали без разбора каждого еврея и отправляли — потому что сказано «выдворение евреев»! Ведь так... так же нельзя, сначала отдел IV В 4 должен, как я уже не раз пояснял... Должен довести все эти щекотливые обстоятельства до сведения соответствующих служб.

ЛЕСС. Я показываю вам следующую фотокопию, в документе сообщается об эшелоне с детьми.

ЭЙХМАН. Да, здесь... Жаль, что нет, как всегда, дела целиком. Какая-то официальная инстанция обращалась в 1943 г. в Главное управление имперской безопасности и сообщала, что тысячу еврейских детей в сопровождении ста взрослых евреев хотели бы вывезти из Румынии через Болгарию в Палестину с помощью Международного

общества спальных вагонов прямого сообщения. Отдел IV В 4 получил указание дать министерству иностранных дел отрицательный ответ. Здесь в конце написано: просим по возможности воспрепятствовать планируемой эмиграции. То есть из последней фразы видно, что это было довольно невеселое дело.

ЛЕСС. Вот следующие три страницы фотокопий того же дела.

ЭЙХМАН. Да, это старая позиция МИДа, которому вечно приходилось беспокоиться — с полным на то основанием, если говорить объективно, — чтобы в Палестине не объявилось новое государство, с которым у него будут всевозможные трудности. Эта позиция проходит красной нитью через всю деятельность МИДа по еврейской... скажем так — по вопросу об обращении с евреями. Именно поэтому у меня еще раньше, в Вене, были большие трудности с содействием сионистским организациям.

ЛЕСС. Прочтите вот эту фотокопию. Это телеграмма из Белграда, датированная 12 сентября 1941 г., адресованная министерству иностранных дел, в ней говорится о евреях из Сербии.

ЭЙХМАН. Подписавший сообщает министерству иностранных дел, что содержание евреев в рабочих лагерях в настоящее время невозможно вследствие местных условий, поскольку не обеспечена безопасность. Еврейские лагеря только мешали бы войскам. Поэтому необходимо немедленно очистить от 1200 евреев лагерь в Забаце, так как в окрестностях обнаружены банды повстанцев численностью несколько тысяч человек. Удаление в первую очередь евреев мужчин стало бы важной предпосылкой восстановления надлежащего порядка. Отправитель, вероятно, сотрудник МИДа. Тут еще вот карандашные пометки: «IV В 4 — для ознакомления оберштурмбаннфюреру Эйхману...», «Принять в...». Что это может значить?

ЛЕСС. Россия.

ЭЙХМАН. «...Принять в России и в генерал-губернаторстве невозможно. Ни этих, ни даже евреев из Германии».

ЛЕСС. «Там негде...»

ЭЙХМАН. «...Там негде размещать их. Эйхман предлагает расстрел... Предлагает расстрел. Переговорить с РЗХА».

Что ж, в любом случае тут ясно сказано: «Эйхман предлагает расстрел».

Да, это значит, что я передал дело дальше. По тексту документа мне тоже совершенно ясно: это значило, что ничего иного не остается — расстрелять! Для ясности я хочу заметить, хотя это уже лишнее: не я, сам по себе, отдавал приказ о расстреле, но я рассматривал это дело в служебном порядке, и, значит, ответ моих начальников был: расстрелять!

ЛЕСС. Ваш сотрудник в Голландии посылает из Гааги адресованное в еврейский лагерь Вестерборк письмо. «По вопросу: заполнение поездов, следующих на Восток». Вы прочли документ и хотите о нем высказаться?

ЭЙХМАН. Резолюция относительно комплектации шести составов общим числом 8000 евреев в мае месяце 1943 г. может быть связана с совещанием наших начальников по вопросу расписания на железной дороге или с совещанием по вопросу расписания и докладом за апрель 1943 г. — о положении дел с очисткой Голландии от евреев. Наверное, вслед за этим РЗХА выделил командующему полицией безопасности в Гааге вагоны на 8000 евреев. И он, командующий, обдумывает, как ему такое число охватить.

ЛЕСС. Означает ли это, что РЗХА требует при любых обстоятельствах отправить в мае 8000 евреев? Что месячные задания на депортацию евреев устанавливали оккупированным странам вы?

ЭЙХМАН. Если я, например... Ну, я теперь уже не помню, но важно для РЗХА было — подвижной состав, который мы получали. Министерство путей сообщения получало ведь указания сверху, с высшего уровня, — сделать все, что только возможно. И если министерство путей сообщения поставляло подвижной состав, скажем, в общей сцепке, его распределяли по эшелонам. Это распределение происходило, разумеется, на основании имеющихся отчетов. Если по каким-то железнодорожным обстоятельствам, по какой-то причине в Голландии оказывались порожние составы, РЗХА старалось этот порожняк использовать.

ЛЕСС. Следует понимать это так, что после обсуждения вопроса о подвижном составе вы, получив о нем ясное

представление, утверждали соответствующие задания — на количество подлежащих депортации из оккупированных стран евреев?

ЭЙХМАН. Да, но не я... У меня, наверное, был и в этих случаях приказ рейхсфюрера, который следил за тем, чтобы имперское министерство путей сообщения поставляло как можно больше транспортных средств и чтобы эвакуация шла без задержки. Если я получил для Голландии восемь порожних составов, то Гаага и посадила туда 8000, потому что они знали, что в эшелон полагается тысяча... Но вот я, правда, читаю здесь, что одним эшелонам отправили 1200, а первого мая даже 1450 евреев, больных и пожилых евреев. Я этого не понимаю, это же...

ЛЕСС. Следует ли понимать это так, что поскольку вы предписали 8000, то эти 8000 должны были быть отправлены во что бы то ни стало, и их пришлось разместить соответственно в шести эшелонах?

ЭЙХМАН. Как они там на месте сделали, я не знаю. Вот здесь написано: больных и пожилых евреев... они же... они ведь... отправлять их на Восток — это было против... это противоречило директиве.

ЛЕСС. Но их отправили.

ЭЙХМАН. На Восток? Их действительно выслали? Куда они... куда их дели? Больные и пожилые евреи — это не соответствует директивам.

ЛЕСС. Ваш отдел требовал, чтобы в течение мая были депортированы обязательно 8000 евреев. Это ли не форсирование?

ЭЙХМАН. Господин капитан, отдел IV В 4 должен был наращивать темпы эвакуации, и притом по двум причинам: во-первых, из-за прямых и настойчивых приказов рейхсфюрера. И во-вторых, IV В 4 зависел от железной дороги. В периоды, когда получить в наше распоряжение подвижной состав было легче, отдел IV В 4, на основании общего приказа рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, был обязан обеспечить использование этих транспортных средств.

ЛЕСС. Вот телеграмма из вашего отдела в Берлине вашему сотруднику Цёпфу в Гааге, датированная 21.4.44, по вопросу: евреи — поставщики металла.

ЭЙХМАН. В телеграмме содержится требование эвакуировать нескольких персонально названных евреев, которые до этого времени, вероятно, закупали металл на... для имперского министра вооружения и боеприпасов. Я могу сказать только в общем виде, что был строгий приказ — именно в Голландии покончить с делами. Наверное, этот приказ — поскорее завершить дела в Голландии — и получил отдел IV В 4.

ЛЕСС. Здесь написано следующее: «Исходя из безотлагательности полной очистки Нидерландов от евреев, ходатайство уполномоченного имперского министра вооружения и боеприпасов об освобождении с целью закупки металлов евреев... — здесь он называет фамилии, — ...согласно ранее сообщенным причинам, удовлетворено быть не может». Ведь это означает, что именно то, другое ведомство было заинтересовано в освобождении евреев, а ваш отдел — является и говорит «нет!».

ЭЙХМАН. Кроме уже существовавших приказов, имперские инстанции еще больше заострили вопрос — чтобы особенно тщательно, именно в Голландии... Я был обязан это знать точно. У нас были все документы, но на Голландию обращали — по крайней мере, какое-то время — особое внимание, видно, из-за того, что какие-то группы еще разгуливали на свободе.

ЛЕСС. Следует ли из этого документа, что какие-то германские ведомства в Голландии старались освободить евреев?

ЭЙХМАН. Так точно! Именно представитель имперского министра вооружения и боеприпасов.

ЛЕСС. И следует ли понимать этот документ так, что ваш отдел выступает принципиально против возможного освобождения евреев?

ЭЙХМАН. Естественно, поскольку имелся приказ рейхсфюрера. Просто был обязан.

ЛЕСС. Занимались ли вы личной судьбой отдельных евреев? Принимали относящиеся к таким вопросам решения?

ЭЙХМАН. За исключением еврейских функционеров, с которыми был все годы вместе, я не решал ни единой личной судьбы; и судьбу функционеров я никогда не решал в смысле их эвакуации или даже убийства... нет, ничего подобного.

ЛЕСС. Я показываю вам письмо вашего отдела в МИД от 2 декабря 1942 г.

«По вопросу: о бывшем французском военнопленном и еврее Роже Массе 1884 года рождения. Вышеназванный еврей отправлен 5.6.1942 на Восток — в Освенцим. По принципиальным причинам я не могу дать согласия на его возвращение. По поручению: Эйхман».

ЭЙХМАН. Это обычное рутинное письмо, которое составил делопроизводитель.

ЛЕСС. Но из него следует, что вы лично...

ЭЙХМАН. Господин капитан, это готовый текст. Это рутинная переписка. Это не мое решение.

ЛЕСС. Но там написано «я» — «по принципиальным причинам я не могу дать согласия».

ЭЙХМАН. Так точно, так точно! Конечно! Это канцелярский... всегда один и тот же... по поручению, разумеется. Ведь я был начальником отдела. Я был обязан подписывать «по поручению». Эта бумага ничего не меняла в судьбе того, к кому относилась.

ЛЕСС. Определенно нет, поскольку его не отправили обратно. Совершенно верно. Следующий документ относится к владельцу кинотеатра «Капитоль» в Гейдельберге. Письмо от 2 февраля 1943 г., посланное вами в МИД в Берлине. Это ваша подпись?

ЭЙХМАН. Моя подпись? Так точно!

ЛЕСС. Речь идет, как вы здесь пишете, о еврейской семье Якоба Гирша, он же Евгений Романи, венгерский подданный. Вы пишете следующее, я цитирую:

«Как следует из приведенных выше обстоятельств дела, кинотеатр весь насквозь еврейский. Что касается Евгения Романи, то, по нашим представлениям, это явный еврей, который, пользуясь связями в руководящих кругах в Венгрии, сумел дать взятку и выдать себя за арийца. Поэтому бессмысленно требовать от него или от его детей подтверждений их якобы арийского происхождения. На этом основании я намерен дать указание не продлять вида на жительство, срок которого истекает 12.2.43, Евгению Романи, его жене и сыну Рудольфу и немедленно выслать указанных лиц из рейха. Что же касается Руди Романи, то за свое безобразное поведение он будет направлен в концентрационный лагерь.

Прежде чем принять эти меры, я был бы благодарен за скорейшее уведомление — не имеется ли возражений по внешнеполитическим причинам. По поручению: Эйхман».

Таким образом, вы здесь принимали принципиальное решение о судьбе этой семьи. Верно?

ЭЙХМАН. Да, верно! Конечно, хотя сам текст принадлежит не мне, а написан сотрудником, делопроизводителем. Но подписан по поручению начальника полиции безопасности и СД — мной.

ЛЕСС. Вот ваше письмо в МИД от 23.3.43. Это ваша подпись?

ЭЙХМАН. Это моя подпись, так точно!

ЛЕСС. Я зачитываю вам этот документ.

«Касается еврея Израэля Гиршберга, проживающего в Берлин-Вильмерсдорф, Зоденерштрассе, 34. — Еврей, германский подданный Гиршберг, согласно его показаниям, является учителем немецкого языка у тайландского посла в Берлине и обучает его и членов его семьи. Не говоря уже о том, что для такой деятельности больше подходят лица немецкой крови, я считаю, что тайландский посол, привлекая еврея Гиршберга, лишь преследует цель защитить его от последствий. Поэтому я буду благодарен за действия с вашей стороны, которые побудили бы тайландского посла отказаться в дальнейшем от услуг Гиршберга, и прошу сообщить о принятых мерах. По поручению: Эйхман».

Вы хотели, возражая против дальнейшей работы Гиршберга, получить возможность отправить его в лагерь уничтожения?

ЭЙХМАН. Господин капитан, это писалось в сорок третьем...

ЛЕСС. Когда вы занимались «окончательным решением еврейского вопроса»...

ЭЙХМАН. Но это, конечно, тоже бумага, которую я подписал, которую мне дали в соответствии с указаниями и директивами, относящимися к моему отделу.

ЛЕСС. Если человека, служившего у тайландского посла, уволили, у него была только одна судьба: попасть в следующий или один из следующих эшелонов.

Следующее письмо от 27 сентября 1943 г. касается еврейки, нидерландской подданной Каролины Симонс. Это короткое письмо. В нем сказано: «В связи с проис-

шедшими политическими изменениями, нет, по моему мнению, никаких оснований заниматься вопросом о выезде вышеназванной еврейки в Италию. Поэтому я дал указание своей службе в Голландии немедленно направить Симонс для использования на работах на Восток. По поручению...» Это ваша подпись?

ЭЙХМАН. Да. Это сотрудник составил. Этот ответ дан на письмо МИДа от 27.8.43, и я его подписал, по поручению. «В связи с происшедшими политическими изменениями» — об этом я теперь, конечно, ничего не могу сказать, что за политический переворот мог быть перед 27 сентября 43-го. Во всяком случае, у человека, который эту бумагу подготовил, были какие-то материалы, по которым он этот текст...

ЛЕТОПИСЕЦ. 25 июля 1943 г. итальянский диктатор Бенито Муссолини был отправлен королем в отставку и арестован. Фашистская партия Италии была распущена, запрещена и лишена власти. Новое правительство во главе с маршалом Бадольо порвало с германским союзником и капитулировало 8 сентября перед войсками западных держав. Если раньше немцам приходилось считаться с тем, что даже фашистская Италия принимала национал-социалистский антисемитизм лишь под давлением, вяло и с явным нежеланием, то теперь германские власти могли уже не считаться с мнением итальянцев. Муссолини, освобожденный из плена парашютистами-эсэсовцами, был теперь снова «главой государства» в еще не занятой союзниками северной части Италии, оккупированной немецкими войсками. Вероятно, у сорокалетней Каролины Симонс были в Италии влиятельные друзья, которые пытались принять ее и спасти, но защитить от гестапо уже не смогли.

ЛЕСС. И вы, вы дали тогда распоряжение отправить эту женщину на Восток. А «для использования на работах» означает — в концентрационный лагерь. В Освенцим! Вы помните, что во время всех наших бесед вы каждый раз подчеркивали, что ваш отдел ведал только вопросами транспорта?

ЭЙХМАН. Это была... это... это... В этом состояла задача.

ЛЕСС. Вы отрицали, что лично занимались судьбой отдельных евреев. Но ведь эти документы говорят сами за се-

бя. Они показывают, что вы обладали такими полномочиями.

ЭЙХМАН. Это верно, господин капитан. Но это же не были персональные решения. Эти решения не были персональными. Если бы не я там сидел, кто-то другой должен был бы принять точно такое же решение на основании имеющихся указаний, распоряжений и приказов вышестоящих руководителей. Я вообще ничего не решал. Самое большее, я подписывал «по поручению» — по поручению начальника полиции безопасности и СД. Не по поручению отдела IV В 4, это ведь я сам, ведь верно?

ЛЕСС. Следующий документ относится к эвакуации румынских евреев. Это телеграмма германского посланника Ринтелена из Бухареста в министерство иностранных дел.

ЭЙХМАН. Он сообщает, что начальник полиции безопасности и СД — он тут пишет «начальник полиции безопасности и службы безопасности»; это, конечно, неверно, надо «начальник полиции безопасности и СД» — докладывает, что с политической и технической стороны подготовка к решению еврейского вопроса в Румынии уполномоченным РЗХА завершена настолько, что в ближайшее время можно начинать отправку эшелонов. «Предусмотрено отправлять евреев из Румынии, начиная с 10.9.42 железнодорожными составами в округ Люблин, где работоспособная часть будет использована на работах, а остальные должны быть подвергнуты особому обращению. Принято решение, что эти евреи терпят при пересечении румынской границы свое подданство. По указанию РЗХА советник по еврейскому вопросу в Бухаресте гауптштурмфюрер СС Рихтер получил от заместителя премьер-министра Михая Антонеску личное письмо. Прошу санкционировать согласие на проведение работ по выдворению. Ринтелен».

ЛЕСС. Что означает: «остальные должны быть подвергнуты особому обращению»?

ЭЙХМАН. Их убьют! Это так называлось.

ЛЕСС. Следует понимать это так, что как в данном случае, так и в других случаях все объявляемые нетрудоспособ-

ными евреи автоматически подпадали затем под «особое обращение»?

ЭЙХМАН. Это так, согласно приказу рейхсфюрера СС и начальника германской полиции.

ЛЕСС. Такое указание изложено здесь вами письменно?

ЭЙХМАН. Так точно, конечно! Подписал... подписал его, по всей вероятности, руководитель. Кальтенбруннер или Мюллер.

ЛЕСС. Уполномоченный Главного управления имперской безопасности в Бухаресте — это был ваш человек. Рихтер, наверное?

ЭЙХМАН. Это был Рихтер, так точно. Но теперь мы должны представить себе, что там были все соответствующие условия. Не может ведь быть так, чтобы Гиммлер приказал — немедленно эвакуировать из Румынии всех евреев; которые работоспособны, пусть работают, а... ну, остальных предать особому обращению. Это же страна, в которой рейхсфюрер СС и начальник германской полиции не может просто приказать, чтобы дело пошло. Там сначала должны быть созданы различные предпосылки.

ЛЕСС. И к ним относится: «Принято решение, что эти евреи теряют при пересечении румынской границы свое подданство»?

ЭЙХМАН. Значит, этого требовало какое-то ведомство.

ЛЕСС. Это не ваше ли ведомство? Люди лишались гражданства, их можно было хватать и депортировать в лагеря. И никто не может сказать: вы послали румынского гражданина в лагерь уничтожения. Это уже люди без гражданства.

ЭЙХМАН. Это условие поставило, наверное, ведомство иностранных дел. Тут МИД вообще играл первую скрипку. И даже Мюллер и начальник полиции безопасности и СД были очень осторожны и требовали, чтобы дело было решено на самом высоком государственном уровне.

ЛЕСС. Потому что иначе господин Риббентроп мог почувствовать себя обойденным?

ЭЙХМАН. Нет-нет. Если МИД говорил «нет», полиция безопасности ничего не могла сделать за границей. Каждое центральное ведомство очень четко и твердо защищало свои функции. Если бы не это, вся писанина была бы не

нужна. Тупо по предписаниям, со всей пунктуальностью и аккуратностью плясали — как тут скажешь? — каждый от своей казенной печки. От этого и получились теперь эти тонны бумажных дел.

ЛЕСС. Немцы всегда были известны своей основательностью. Основательностью в уничтожении — тоже. Вот еще одно письмо вашего ведомства от 26 июля 42-го в министерство иностранных дел. По вопросу: решение еврейского вопроса.

ЭЙХМАН. Это документ моего отдела, в котором сообщается, что теперь предусмотрено с 10.9.42 отправлять так же специальными эшелонами на Восток евреев из Румынии.

ЧАСТЬ 4

ЛЕСС. Если какие-либо ведомства в оккупированных областях обращались к вашим тамошним представителям с запросами о судьбе и месте нахождения депортированных евреев — вы санкционировали ответ или отказывались отвечать?

ЭЙХМАН. Если запрашивали, то ответ был: для трудового использования, на Восток. Так это официально и называлось. Ведь отдел IV В 4 понятия не имел, кого убьют, а кого пошлют работать. И... я могу себе представить теперь, что раз это называлось «для трудового использования на Восток», то такой вопрос задавали не часто.

ЛЕСС. Вот четыре страницы фотокопий по одному и тому же вопросу.

ЭЙХМАН. Это запрос из Парижа в Главное управление имперской безопасности, отдел IV В 4; просят сообщить, может ли быть дан ответ «Союзу французских евреев» на запрос этой организации, где находятся такие-то депортированные евреи, — на предмет... с целью выплаты пенсий, страховки и тому подобное. На это Главное управление имперской безопасности сообщило телеграммой, подписанной мной, что сведения можно давать не еврейской организации, а французским... вот — французским полицейским службам. Однако, во избежание злоупотреблений с целью обвинения нас в зверствах, не следует упоминать об эвакуации или депортации евреев. Предпочтительнее указывать, что еврей в настоящее время переехал и местонахождение его в данный момент неизвестно. На основании этой телеграммы Париж дал полицейской префектуре соответствующий ответ.

ЛЕСС. Что означает здесь «обвинения в зверствах»?

ЭЙХМАН. Ну, отправку в концентрационный лагерь...

ЛЕСС. И за границей говорят об этом...

ЭЙХМАН. Да, да, в газетах, потому что... И не только... не только поэтому, а там вообще постоянно высказывались против действий имперского правительства, и все такие высказывания — негативные, конечно, — направлялись в рейх по признаку «обвинения в зверствах».

ЛЕСС. Это значит, даже если на самом деле...

ЭЙХМАН. Да, да! Да, да! Все равно, считалось «обвинением в зверствах», даже если было правдой. И когда относилось к другим делам, не еврейским. Все это называлось «обвинения в зверствах».

ЛЕСС. Не шла ли собственно сдача людей лагерю через ваш отдел? Разве людей не...

ЭЙХМАН. Не убийство! Не убийство! Я не...

ЛЕСС. ...не сдавали лагерям через ваш отдел?

ЭЙХМАН. Да, после того как Главное управление делами и хозяйством называло станцию назначения.

ЛЕСС. Я хочу спросить так: евреев собирали, их депортировали, они поступали в лагерь уничтожения, их убивали?

ЭЙХМАН. Так точно.

ЛЕСС. Сдающей инстанцией были ведь вы?

ЭЙХМАН. Да, конечно, сдающей инстанцией — разумеется, господин капитан.

ЛЕСС. Если, например — если теперь другая инстанция требовала свидетельство о смерти, то за этим свидетельством обращались к вам?

ЭЙХМАН. Из министерства иностранных дел, конечно.

ЛЕСС. Обращались к вам. Поскольку вы как сдающая людей организация были тоже ответственны за составление и выдачу свидетельства о смерти.

ЭЙХМАН. Это из МИДа — это они от нас требовали. А мы в свою очередь должны были запрашивать Главное управление делами и хозяйством, потому что у нас ведь не было сведений о том, кого послали на работы, а кого убили.

ЛЕСС. Вот письмо вашего отдела от 21.12.43 в МИД. Оно о евре, подданном Италии Бернардо Тауберте.

ЭЙХМАН. Да, тут сообщается МИДу, что на пятом году войны есть более важные задачи, чем искать, куда делся один эвакуированный еврей. Достойно сожаления, что посольство республиканской фашистской Италии продолжает на старый лад слать запросы о евреях. Наверное, в этом случае посольство — да, это следует из текста —

потребовало дополнительных поисков места пребывания упомянутого, и решено было отказать. Наверное, он был эвакуирован, попал в Освенцим или в другой конечный пункт. Может быть, он был уже мертв, может быть — еще жив. Но вот здесь, эта фраза, что не надо посылать такие запросы на пятом году войны, — она мне напоминает, что с ними вообще не работали — с такими делами.

ЛЕСС. Чего уж стоила жизнь одного-единственного еврея!

ЭЙХМАН. Я хотел бы по этому поводу высказаться *pro domo*, лично: я не юдофоб и не антисемит. Я говорил это д-ру Лёвенгерцу и коммерции советнику Шторферу в венском центральном отделе по эвакуации, а также доктору Кастнеру в Будапеште, я говорил это, я полагаю, всем. Каждый хоть раз это слышал. Мои сотрудники это знали. У меня не было трудностей с еврейскими политическими функционерами. Я не думаю, чтобы кто-то из них стал на меня жаловаться. Когда в мое отсутствие — я находился в Венгрии — венское гестапо, д-р Эбнер, арестовало коммерции советника Шторфера, и затем его отправили в концлагерь Освенцим, я обратился к Эбнеру, потому что он знал, что Шторфер, точно так же, как и Лёвенгерц, годами занимался еврейскими делами, и его никак нельзя было сажать в концлагерь.

ЛЕСС. Когда вы были в Освенциме по делу доктора Шторфера?

ЭЙХМАН. Из-за коммерции советника Шторфера? Это могло быть... Да, и сначала я нашел в Берлине телеграмму от Гёсса, освенцимского лагерфюрера, в ней было написано, что Шторфер настоятельно просит разрешения поговорить со мной. И я подумал: ладно, это был дельный человек, мы ведь, в конце концов, не один год делали общее дело. Оно того стоит, я поеду. Эбнер в Вене сказал мне: «Если бы он не вел себя так неразумно — он прятался, хотел сбежать. Вот чиновники и ухватились, и сунули его в концлагерь».

Согласно приказу рейхсфюрера — кто туда попал, того уже не выпускать, — ничего нельзя было поделаться. Ни какой-то д-р Эбнер, ни я, вообще никто ничего не мог сделать.

ЛЕСС. Вы ничего не могли сделать для д-ра Шторфера?

ЭЙХМАН. Я поехал в Освенцим и пришел к Гёссу. Он мне сказал: «Его определили в рабочий барак». Шторфера привели, и он мне пожаловался, сказал про свою беду. Я говорю: «Да, дорогой мой милый Шторфер, что же у нас за несчастье такое?» Еще я ему сказал: «Видите ли, я на самом деле никак не могу помочь; потому что, по приказу рейхсфюрера, никто вас выпустить не может». Тогда Шторфер сказал мне, что хочет попросить, нельзя ли ему не работать, там тяжелая работа; и тогда я сказал Гёссу: «Шторфер может не работать!» Гёсс отвечает: «Здесь все должны работать». Тогда я говорю: «Ладно, я сделаю протокольную запись, чтобы Шторфер подметал гравийные дорожки здесь, в садике перед комендатурой, — там были небольшие дорожки, — и что он имеет право в любое время садиться на скамейки». Я спросил: «Так верно, господин Шторфер? Это вам подходит?» Он был очень рад, и мы пожали друг другу руки, и он получил метлу и сел на скамейку. Это была для меня большая радость.

ЛЕСС. Вы знаете, что с ним произошло?

ЭЙХМАН. Когда я вернулся однажды из Венгрии, я услышал, что Шторфер расстрелян. То же случилось с доктором Эпштейном, которого я знал с 1936 г., с которым я работал в Берлине. Мне показалось тогда, что там воспользовались моим отсутствием, чтобы убрать всех людей, с которыми я работал долгие годы, потому что сам я никогда бы этого не сделал.

ЛЕСС. В ваших центральных отделах еврейской эмиграции в Берлине, Вене и Праге еврейские функционеры сидели вместе с вашими людьми или отдельно?

ЭЙХМАН. В Праге — не могу вспомнить, но думаю, что там было так же, как в Берлине, как было в Вене. В Вене в отделе сидели, может быть, десять, двенадцать, пятнадцать сотрудников, еврейские функционеры из венской общины. Мой начальник Штальэккер не раз приходил в отдел, инспектировал нас, интересовался текущими делами. Он подавал руку каждому еврею, как и чиновникам из министерства финансов и т.д. и т.д. Про Вену я это знаю совершенно точно и думаю, что в Праге, где эта служба была копией венской, то же самое.

ЛЕСС. А в Берлине?

ЭЙХМАН. Про Берлин не могу сказать точно, но думаю, что чиновников из Имперского объединения евреев присылали... присылали и туда, а они ведь были евреи.

ЛЕСС. Проводили ли вы у себя на службе в Берлине в 1940 г. совещание, на которое были вызваны еврейские функционеры из Берлина, Вены и Праги?

ЭЙХМАН. Да. Я их вызывал несколько раз в Берлин, когда вступали в силу какие-либо новые предписания. Однажды еврейских деятелей вызвали в Берлин из всех трех городов, я получил такой приказ от Мюллера. Да, так это было. Я могу даже назвать дату: это было во время выставки «Красный рай», кажется, она называлась... Да, «Красный рай», конечно. Там произошел какой-то акт саботажа, что именно — я уже не помню... И я получил приказ... Как это было? Да, д-р Лёвенгерц, это я помню, д-р Мурмельштейн из Праги, Эпштейн из Берлина. Всего надо было вызвать в Берлин шесть или восемь функционеров. Мюллер объявил им, что по приказу рейхсфюрера СС и начальника германской полиции — тут я не помню, кажется, несколько евреев из берлинской общины, я могу ошибиться, я точно не помню... точно не помню... или просто несколько евреев? — будут расстреляны за саботаж на выставке.

ЛЕСС. Это и было сделано?

ЭЙХМАН. Да, было исполнено — так точно! И функционеры должны были просто принять это к сведению.

ЛЕСС. Вот еще несколько документов — к вопросу о ваших «центральных отделах». Вот письмо вашего отдела IV В 4 от 24 ноября 1942 г. «Государственная тайна! Рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции — в настоящее время в полевой ставке. По вопросу: приобретение валюты для вербовки добровольцев в войска СС в Венгрии и обеспечение материальной помощи семьям добровольцев».

ЭЙХМАН. Речь идет, говоря кратко, о следующем. Надо разрешить евреям эмигрировать за соответствующую плату, а за счет этих денег можно покрыть названные расходы войск СС. Вопрос этот, наверное, был поставлен перед начальником полиции безопасности и СД, ответственным за вербовку в войска СС, начальником Главного управления группенфюрером Бергером. Это связано с тем,

что в высоких инстанциях евреям, бывало, разрешали эмигрировать за определенную плату. Их собственность и тому подобное.

ЛЕСС. Следует ли понимать это письмо так, что ваш отдел давал согласие на эмиграцию некоторых пожилых евреев — вместо того чтобы депортировать их в лагерь уничтожения — за плату в валюте в размере 100 000 швейцарских франков с головы?

ЭЙХМАН. Да. В принципе, да! После того как Рейхсбанк и министерство экономики обратились с этим к Главному управлению имперской безопасности. Отдел IV В 4 не мог принимать такие решения сам, а должен был испрашивать санкцию руководства, потому что ведь существовал приказ — не отпускать в эмиграцию никого.

ЛЕСС. И этих старых евреев тогда отпускали — за выкуп?

ЭЙХМАН. После полученного министерством экономики и Рейхсбанком разрешения вмешалось и Главное управление СС, возглавляемое группенфюрером Бергером. Они, наверное, решили, что этим делом могло бы заняться и СС. Вот такой запрос и есть смысл этого документа.

ЛЕСС. Я показываю вам теперь две фотокопии. Одна из них — это письмо германского посольства в Афганистане от 14 декабря 1940 г., речь в нем идет о попытках профессора Флейшмана из Вены и капельмейстера Отто Кольмана, тоже из Вены, оба евреи, получить преподавательские должности в Афганистане и выехать туда. Второй документ — письмо вашего отдела в министерство иностранных дел от 28 февраля 1941 г., относящееся к этим двум евреям. В нем сказано: «В связи с вашим письмом от 18.2.1941 сообщаю, что мной даны указания центральному отделу еврейской эмиграции в Вене о том, чтобы в ходе высылки евреев из Вены в генерал-губернаторство упомянутые в письме германского посольства в Афганистане от 14 декабря 1940 г. евреи Флейшман и Кольман были отправлены с одним из следующих эшелонов. На этом можно считать дело закрытым. По поручению: Эйхман».

Это ваша подпись.

ЭЙХМАН. Об этом могу только сказать, что в ходатайстве было отказано. Поскольку речь идет о профессоре, требо-

валось, наверное, получить санкцию... имперского министра образования и действовать соответственно.

ЛЕСС. Вы приписали к письму от 28 февраля 1941 г. собственноручно слова: «в генерал-губернаторство»?

ЭЙХМАН. Так точно. Это мои слова. Я ведь должен был указать, куда именно.

ЛЕСС. Как согласуется это письмо с вашими неоднократно повторенными заверениями, что все ваши устремления, даже во время войны, были направлены на помощь евреям, пытавшимся эмигрировать?

ЭЙХМАН. Да, я уже говорил: насколько мог. В этом случае я, наверное, ничего не мог поделать. Я должен был... должен был получить еще санкцию министерства образования... Я думаю, что министерство образования на основании... этого... обстоятельств этого дела... да, я должен был получить от них. Если такая история попала... попала в бумажную карусель, то там и будет вертеться.

ЛЕСС. Решающей инстанцией были вы. Ведь из этого документа не следует ничего, кроме двух фактов: что, пока велась переписка, вы уже дали указание центральному отделу эмиграции евреев отправить этих двух евреев в генерал-губернаторство и что «на этом можно считать дело закрытым».

ЭЙХМАН. Да, но... Но ведь должны были... что-то должно было предшествовать. Вот, пожалуйста, эвакуация 28 февраля 1941 г. — но ведь эвакуация продолжалась еще долго. Наверное, дело было в чем-то таком, что гестапо — местное гестапо наложило свое вето.

ЛЕСС. Ни о каких обстоятельствах, связанных с безопасностью, в этом документе не упоминается.

ЭЙХМАН. Во всяком случае, после того, как по делу закончена переписка, оно должно быть исполнено по существу. Потому что наше дело — это ведь еще только бумаги. Ничего другого предположить нельзя. А я читаю здесь «министр по делам культов...», «ваши обращения к министру культов...». Может быть, это... он имеет в виду министра образования?

ЛЕСС. Афганского...

ЭЙХМАН. Посольство — посольство Германии в Афганистане пишет в министерство иностранных дел: «Случайно мне попало сегодня в руки письмо, адресованное

господину министру по делам культов... два господина из Вены обращаются к афганскому министру и спрашивают о ходе дела с направленным ими министру по делам культов...» Ага, так это... это афганский министр культов.

ЛЕСС. Посольству Германии «попало в руки» письмо немецких евреев. Об этом вам сообщили по служебным каналам. И принято решение: в генерал-губернаторство!

ЭЙХМАН. Да, это, должно быть... это... я не могу... Я ничего больше не могу об этом сказать, господин капитан, кроме того, что предположил, как оно могло быть...

ЛЕСС. Я прочту вам документ.

«Начальник полиции безопасности и СД, Берлин SW 11, от 9 октября 1941 г. — Рейхсфюреру СС, главное управление кадров.

По вопросу: штурмбаннфюрер Адольф Эйхман, № в СС — 45326. Прошу присвоить штурмбаннфюреру Адольфу Эйхману с 9 октября 1941 г. очередное звание оберштурмбаннфюрера. Я предлагаю это производство на основании особенно успешных действий Эйхмана, который в качестве руководителя центрального отдела еврейской эмиграции имеет особые заслуги в деле очистки Восточной провинции от евреев. Благодаря деятельности Эйхмана сохранены для Германского рейха огромные ценности и имущество. Также отмечена работа Эйхмана в протекторате, которую он проводил инициативно и с требуемой твердостью...

В настоящее время Эйхман ведает всеми вопросами по очистке и переселению. В силу важности этого круга задач, считаю повышение Эйхмана в звании целесообразным также с точки зрения интересов службы.

Заместитель: подпись — Штрекенбах, бригадефюрер СС».

ЭЙХМАН. Это обычное представление на повышение в звании. Я ничего об этом сказать не могу, там все в порядке.

ЛЕСС. В чем состояли ваши особые заслуги в деле «очистки от евреев» Восточной провинции, Австрии?

ЭЙХМАН. Господин капитан, это как при каждом повышении, такие вещи, которые, конечно, должны как-то... надо как-то хвалить человека, иначе его не повысят. Это

так для мелких чиновников, это так для средних чиновников и это так для высших чиновников. Без такого... без каких-нибудь особых похвал не может быть повышения. Это всегда так.

ЛЕСС. Однако похвалы должны основываться на чем-то, отвечающем действительности.

ЭЙХМАН. Верно, господин капитан. Я в Вене и в Праге выполнял свою задачу с чрезвычайным служебным рвением. Я этого никогда не отрицал, я воспринимал эти обязанности всей душой и вложил мою долю в то, что эмиграция из Остмарка и... из... из Австрии и тогдашней части Чехословакии, это из Богемии и Моравии, могла форсированно осуществляться. И не делал из этого тайны от тогдашних руководителей, д-ра Лёвенгерца и т.д., никогда секрета не делал. Значит, не могу и теперь.

ЛЕСС. В этом документе упоминаются «огромные ценности и имущество». Вы говорите, что речь идет о фонде поддержки эмиграции. Этот фонд был образован из имущества евреев, которые затем эмигрировали, и из того, что они не могли взять с собой?

ЭЙХМАН. Да... конечно. Из этого составилась фонд.

ЛЕСС. Как понимать упомянутую здесь «требуемую твердость», отличавшую вас?

ЭЙХМАН. Господин капитан, это были просто крылатые слова... вообще в СС. Это... в СС всегда называлось... указание... Гиммлер сказал, что эсэсовец должен быть тверд по отношению к себе и к другим, он должен делать больше, чем обязан; эти... эти сентенции — мы так их называли — провозглашались Гиммлером обычно к Новому году. И появлялись новые крылатые слова. Долгое время повторялось то и дело: твердость! твердость!.. Потом стойкость, выдержка! И все эти словечки.

ЛЕСС. Согласны ли вы, что каждый приличный человек, который прочтет этот документ, сможет понять его только одним образом, а именно, что вы были повышены в звании до оберштурмбаннфюрера потому, что отличились в отправке евреев «с требуемой твердостью» на смерть и в разграблении имущества этих еврейских жертв?

ЭЙХМАН. Сегодня, через 15 лет, это выглядит на самом деле так, господин капитан. Но это было не так.

ЛЕСС. Решение вопроса «быть или не быть» немецкому народу вы видели в необходимости уничтожения всего еврейского народа, всех евреев Европы?

ЭЙХМАН. Господин капитан, если бы мне в то время сказали: «Твой отец изменник», то есть что мой собственный отец изменник и я должен его убить, то я сделал бы это. В то время я тупо следовал приказам, тупо и послушно исполнял приказы и в этом находил — как бы мне выразиться — свое назначение. Все равно, какое бы мне ни давали задание, господин капитан.

ЛЕСС. Если бы вам сказали, что ваш отец изменник, вы бы не потребовали хоть немного больше доказательств, прежде чем выполнять такой приказ?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я не думаю, что в то время такое рассуждение имело смысл... имело смысл, не думаю. Везде мы видели мертвых, и было свое личное отношение к этим вещам, которого сегодня уже нет.

ЛЕСС. Вы, значит, должны были прийти к убеждению, что спасение немецкого народа может быть только в уничтожении евреев?

ЭЙХМАН. Господин капитан, таких понятий у нас вообще не было, не было их. Нам приказывали — и поэтому приказанное выполнялось. Если я получаю приказ, то я не должен его толковать, а если я отдаю приказ, то запрещено его обосновывать, этот приказ. Я получаю приказ — и обязан слушаться.

ЛЕСС. Но не обязаны, если речь идет о явно незаконном действии.

ЭЙХМАН. Вы сказали, господин капитан, — незаконном. Сегодня я совсем иначе отношусь к этим вещам — не только я, но... э... э... но, наверное, почти все, за исключением нескольких тронутых упрямецев, которые бывают всегда. Но тогда? Я бы не считал это незаконной деятельностью. Я совершенно честно говорю о своем тогдашнем отношении, господин капитан. Если бы меня спросили о чем-то таком до 8 мая 1945 г., до конца войны, я бы ответил: «Это... это правительство, которое... э... э... выбрано большинством германского народа; все... э... э... культурные страны мира имеют свои представительства и так далее». Зачем мне, маленькому человеку, задумываться над этим? Я получаю приказ от своего руководителя и не смо-

трян ни вправо, ни влево. Потому что это не мое дело. Мое дело слушаться и повиноваться.

ЛЕСС. Если, например, ваш руководитель даст приказ расстреливать гражданское население — не заложников, а просто так — схватили людей и приказывают: «Расстрелять!» Что, подчиненный должен исполнить такой приказ?

ЭЙХМАН. Точно так же, господин капитан, как пилоты союзных бомбардировщиков сбрасывали свои бомбы на немецкие города и убивали женщин, и детей, и стариков. Точно так же! Он может сделать одно: он может — в этом свободен каждый — застрелиться.

ЛЕСС. Здесь надо различать между боевой операцией и невоенной акцией.

ЭЙХМАН. Да, да, все это случалось на войне, господин капитан. Но я никогда не стоял перед этой альтернативой — расстреливать или отдавать приказ о расстреле.

ЛЕСС. Но если ваш подчиненный выполняет явно преступное приказание, будет он отвечать за это?

ЭЙХМАН. Во время войны есть только одно: следовать приказу. Если кто-то ослушался, его ждет военный суд. Если он исполнил приказ, а это был приказ неправильный, к ответственности должен быть привлечен отдавший приказ. Так было всегда. Все эти вещи, они в нас уже въелись, постепенно... Мы со всем этим срослись, ничего не знали, кроме следования приказу; были закованы в цепи присяги.

ЛЕСС. В чем состояли в отделе IV В 4 функции вашего сотрудника Дитера Визлицени?

ЭЙХМАН. Визлицени был придан германскому посольству при правительстве Словакии в Братиславе. Это было несколько двойственное положение, потому что в первую очередь он был обязан выполнять указания германского посланника Лудина. Его отношения с полицией безопасности были там чисто информационными — он посылал им отчеты.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Такие «атташе» назначались в столицы стран, которые не были захвачены Германией путем военных действий, но под давлением Гитлера вовлекались в сферу его господства. Эти сотрудники представляли спецслужбы рейха, но в первую очередь были «советниками по еврейскому вопросу»; их*

задача заключалась в проведении в стране пребывания антисемитской политики. Почти все эти люди были из СС. Формально они числились по ведомству министерства иностранных дел рейхсминистра фон Риббентропа, постоянно конфликтовавшего с Гиммлером и СС, в том числе по вопросу о круге обязанностей и подчиненности таких атташе, большинство которых считало себя принадлежащими к «рати Гиммлера» в гораздо большей степени, чем к дипломатическому корпусу.

ЛЕСС. Находились ли вы в мае 1942 г. в Братиславе, или, если хотите, в Прессбурге?

ЭЙХМАН. Могло быть, но я уже не помню.

ЛЕСС. Вы беседовали с министром Махом?

ЭЙХМАН. Я думаю, это был министр внутренних дел. Так мне кажется — но точно я этого не знаю. Припоминаю фамилию... Теперь вспомнил: я с ним говорил, я с ним... Если это был министр внутренних дел, значит, я с ним говорил. Я был в гостях у министра внутренних дел — был у него однажды вечером в гостях.

ЛЕСС. Было ли так, что вы обещали Маху и премьер-министру Туке, что словацкие евреи — речь здесь идет о 17 000 евреев, которые были высланы из Словакии в Польшу в феврале 1942 г., причем их семьи должны были следовать с ними, — что с этими евреями будут обращаться прилично, по-человечески?

ЭЙХМАН. Этого я не помню... я не знаю... Я так говорил?... Мы договаривались?

ЛЕСС. Были ли после этого отправлены в Польшу примерно тридцать пять тысяч евреев?

ЭЙХМАН. Из Словакии? Тридцать пять? Господин капитан, если вы так говорите, так, наверное, и есть, но я действительно не знаю сколько...

ЛЕСС. Я не говорю. Я спрашиваю вас!

ЭЙХМАН. Ах, так. Пожалуйста, может быть... если... если число как-то названо... было названо, то оно, несомненно, верно. Но я... я не берусь приводить вообще никаких цифр, потому что не могу назвать их даже приблизительно.

ЛЕСС. Визлицени сообщил вам, что словацкое правительство хотело послать делегацию в Польшу, чтобы убедиться в благополучии словацких евреев?

ЭЙХМАН. Я не хочу... не хочу отрицать, господин капитан, но не могу в настоящее время дать об этом никаких показаний.

ЛЕСС. Были вы официально уведомлены словацким правительством, что такая делегация должна быть послана в Польшу?

ЭЙХМАН. Меня об этом уведомляли? Господин капитан... Теперь мне кажется... что-то такое я вспоминаю. Но об этом уведомляли не меня, а МИД, а уже оттуда сообщили полиции безопасности.

ЛЕСС. Когда Визлицени в конце июля — начале августа 1942 г. был в Берлине, вы с ним беседовали о судьбе словацких евреев в Польше?

ЭЙХМАН. Словацких евреев в Польше? Я не знаю... я не думаю.

ЛЕСС. Вы тогда сообщили Визлицени, что большинства этих словацких евреев уже нет в живых?

ЭЙХМАН. Прошу вас, господин капитан, я пытаюсь теперь реконструировать... Если такое ходатайство словацкого правительства поступило в полицию безопасности, то я должен был автоматически получить сведения — что произошло с этим контингентом? Я должен был реагировать и обратиться в Главное управление делами и хозяйством. В этом случае я послал бы Гюнтера, а Гюнтер обсудил бы вопрос с Либехеншелем или с Глюксом: что там случилось? Скорее всего, ни Либехеншель, ни Глюкс не могли бы сразу ответить, а должны были сначала узнать сами. Вот так это могло происходить.

ЛЕСС. Таким образом, существует возможность, что после выяснений вы при случае сказали Визлицени, что большей части словацких евреев уже нет в живых.

ЭЙХМАН. Если... Но теперь разрешите продолжать — если меня поставили в известность о том, что произошло с еврейским контингентом, я бы, разумеется, сказал Визлицени правду.

ЛЕСС. Когда после войны был процесс по делу Визлицени, он показал на суде:

«В 1943 г. Эйхман вызвал меня в Берлин и сказал, что я должен ехать в Салоники, чтобы там вместе с германским военным командованием в Македонии решить еврейский вопрос. Далее Эйхман сообщил мне, что техни-

ческим исполнителем всех мероприятий в Греции он назначил гауптштурмфюрера Бруннера. В Салониках евреи должны быть сначала сконцентрированы в определенном квартале города. После того как эта концентрация была проведена, в начале марта Бруннеру пришла телеграмма от Эйхмана, содержащая приказ: немедленно отправить всех находящихся в Салониках и в Македонии евреев в Освенцим. Там было больше 50 000 евреев, я думаю, 54 000 евреев; их и увезли».

Вы желаете как-то прокомментировать это?

ЭЙХМАН. Бруннер действовал в Салониках самостоятельно? Но ведь ясно, что командовал Визлицени как старший по званию. Это само собой разумеется. Это не может быть иначе, это невозможно, чтобы от одного и того же ведомства, в одной и той же области, в одном и том же городе возились два офицера разного ранга, и каждый делал, что он хочет. Такого не бывает. Разумеется, Визлицени... имел... у него... как мне сказать... он имел задание.

ЛЕСС. Ему был задан вопрос: «Находились ли в числе назначенных на отправку евреев больные?» Он ответил: «Собственно в лагере... в концентрационном лагере не было замечено каких-либо особых случаев заболевания. Но в кварталах города, заселенных евреями, свирепствовал сыпной тиф и другие заразные болезни, особенно туберкулез легких. В разговоре по телефону я обратил внимание Эйхмана на заболевания тифом. Он не реагировал на это обращение и приказал немедленно приступить к отправке».

ЭЙХМАН. Это безусловно неверно. Это же... Мне такое... такого всыпали, если бы я позволил эвакуировать тифозных больных или вообще инфекционных. Да я был бы сущим дьяволом — извините, господин капитан, за такое выражение, — если бы дал согласие. Я бы... Мне пришлось бы иметь дело с худшими служебными — служебными! — последствиями.

ЛЕСС. На вопрос, сколько эшелонов потребовалось для отправки евреев из Салоник, Визлицени ответил: «Было около 20, примерно 20 или 25 товарных поездов. Загружали не менее 2000, в некоторых случаях и по две с половиной тысячи человек в эшелон. Использовались за-

крытые товарные вагоны. Эвакуируемым давали с собой пропитание примерно на десять дней — хлеб, маслины, сухие продукты. Кроме того, воду и санитарные устройства».

Это примерно соответствует тому, как было при других депортациях?

ЭЙХМАН. Да, но мне кажется, что это немного через край, я не знаю, по каким причинам они там приняли такую загрузку. Я не знаю, что это были за вагоны.

ЛЕСС. Визлицени был задан вопрос: «Куда именно направлялись эти эшелоны с евреями из Греции?» Он ответил: «Во всех случаях в Освенцим! Евреев отправляли всех без исключений на так называемое окончательное решение. Я имею в виду то, что разъяснил мне про окончательное решение Эйхман: что их, значит, биологически уничтожат. Насколько я понял из разговоров с Эйхманом, это уничтожение происходило в газовых камерах. После этого тела сжигались в крематориях».

Вы ведь рассказали ему, каким способом происходит уничтожение?

ЭЙХМАН. Это, конечно, возможно. Он ведь знал о моем посещении, о моем докладе Мюллеру... И я ведь говорил уже, что излагал моим людям дело так, как оно было на самом деле.

ЛЕСС. Визлицени спросили: «Сколько евреев, о судьбе которых вам лично известно, были подвергнуты «окончательному решению», т.е. умерщвлению?» Он ответил: «Точное число мне чрезвычайно трудно установить. У меня только одна отправная точка, это разговор Эйхмана с Гёссом в Вене, в котором тот сказал, что среди евреев, прибывших из Греции в Освенцим, было очень мало пригодных для работы. Евреев из Словакии и Венгрии было примерно до 25—30 процентов трудоспособных. Мне очень трудно точно назвать общее число. Лично Эйхман не раз говорил, что не менее четырех миллионов евреев, иногда он называл даже число в пять миллионов. По моей личной оценке, уничтожено было не менее четырех миллионов евреев».

У вас есть к этому какой-нибудь комментарий?

ЭЙХМАН. Об этом я... я думаю... об этом... я думаю, что в основном я уже говорил, господин капитан.

ЛЕСС. И это сходится с тем, что вы говорили.

ЭЙХМАН. Приблизительно. Значит, это могло быть в феврале 1945 г., когда я говорил со многими подчиненными мне тогда офицерами. Может в основном совпадать. Только вот разговора такого с Гёссом в Венгрии или в Вене — этого я ну абсолютно не могу вспомнить. И процентов тоже.

ЛЕСС. Визлицени спросили также, говорили ли вы тогда еще что-нибудь о числе убитых евреев. Он ответил: «Эйхман выразился об этом в особенно циничной форме, он сказал, что смеясь прыгнул бы в шахту, потому что ощущение, что у него на совести пять миллионов человек, чрезвычайно его радует».

ЭЙХМАН. Это... театр, театр! Это... иначе нельзя назвать, как театр, театр! Ведь все это... все это... это дело, да, господин капитан... эти... этот... последний шаг... сначала самоубийство и так далее и так далее... Это была... была... была последняя речь, которую я произнес перед моими людьми, как я уже сказал. Что я тогда сказал, может не совпадать дословно, но по смыслу — вот что совершенно точно. Ведь это моя... мое... это было мое резюме тогда... — при... как это сказать?... — когда рушился мир, в котором я жил, в те дни, когда я был в шоке, я... ах, не нервный шок, а мораль... моральный шок кричал во мне: рейху капут, ничего не вышло, все было напрасно, вся война — зря. Я там так сказал — как в моих показаниях. Но что за театр! Никогда, никогда, господин капитан, я не говорил... Про шахту — это единственное, что верно! Шахта — это верно, я так сказал...

ЛЕСС. Не в связи с этим вопросом?

ЭЙХМАН. ...но ведь не в связи с этим вопросом! Нет, никакой это был не цинизм, наоборот. Я... я был... я был в состоянии, которое вообще не допускает цинизма, которое только... выражает только глубокую горечь, ведь миллионы жертв и с нашей стороны... миллионы с вражеской стороны тоже... И я сказал тогда о примерно пяти миллионах — это верно. Пять миллионов, сказал я... и все напрасно... Я только для... Только одно я сказал: но целых пять лет им пришлось биться с рейхом! Но что до цинизма, извините!

ЛЕСС. С одной стороны, если Визлицени говорит здесь: он смеясь прыгнул бы в шахту, потому что чувствовал, что у него на совести пять миллионов человек...

ЭЙХМАН. Нет, нет, нет, господин капитан, я это отрицаю, я действительно должен отрицать это. Эту... этой... эта фраза совершенно не моя! И кроме того, она же неверна. Мои люди сочли бы меня невеждой с манией величия, они ведь точно знали, что это не я убил пять миллионов евреев. Визлицени точно знал, по меньшей мере не хуже меня, что убийствами мы не ведали.

ЛЕСС. Во всех ваших заявлениях вы все время прячетесь за слова «это было не в моей компетенции, это не моя область, это были предписания, которые я получал, это относилось к управлению железных дорог...» и т.д.

ЭЙХМАН. Да, а что же мне делать, господин капитан? Ведь как начальник отдела IV В 4 я действительно отвечал не за всё, а только за свой довольно четко очерченный круг задач. И этот довольно узкий круг задач можно в любое время установить. Я ведь не мог делать что захочу.

ЛЕСС. Здесь у меня материалы Нюрнбергского процесса главных военных преступников, это 38-й том. Вот документ. Он касается организации и распределения функций в Главном управлении имперской безопасности по состоянию на 1 октября 1943 г. Снабжен грифом «Секретно». Там значится в числе прочего:

Отдел IV В 1: Политический католицизм (Штурмбаннфюрер Ротт).

IV В 2: Политический протестантизм и секты (Ханненбрух).

IV В 3: Прочие церкви, масонство (Вандерслебен).

Затем IV В 4: Еврейские дела, мероприятия по очистке; конфискация имущества враждебных народу и государству лиц, лишение германского гражданства.

Это ваша фамилия?

ЭЙХМАН. Так точно! И все верно.

ЛЕСС. Окончательное решение еврейского вопроса считалось решающим фактором войны?

ЭЙХМАН. С точки зрения верхов, наверное, ведь сверху все время... Я хотел бы указать здесь на одно различие, господин капитан. Сначала, с какого-то времени, мы только и слышали — не вести никаких работ, кроме имеющих во-

енное значение. По мере того как война продолжалась, слова «имеющие военное значение» не были отброшены, но дополнены словом «решающее». И когда что-либо проверяли, преимущество отдавалось тому, что имело категорию «решающего военного значения».

ЛЕСС. И окончательное решение еврейского вопроса относилось к этой категории?

ЭЙХМАН. Так точно, относилось. Уже потому, господин капитан, что это понятие... гм... как бы это сказать? Это я помню — относилось потому, что транспорт... э... заявки, понимаете, заявки на вагоны в имперское министерство путей сообщения удовлетворялись, только если было «военн...»

(Эйхман берет сигарету.)

...Большое спасибо, только, если был гриф «военного значения» вначале, а потом — «решающего военного значения».

ЛЕСС. Ваши люди, сотрудники вашего отдела, подавали заявления о желании пойти на фронт?

ЭЙХМАН. О да! Постоянно, постоянно, всегда. Как и я. Потому что каждый хотел подальше от этого...

ЛЕСС. Такие ходатайства вами удовлетворялись или принципиально отклонялись?

ЭЙХМАН. Господин капитан, такие вещи, как правило, не передавались по службе дальше. Потому что официально — и это точно знал каждый — это не имело смысла. Они «пропадали». И кроме того, считались недопустимыми, потому что мы были поставлены на этот пост приказом и были обязаны оставаться на посту. Несмотря на это, многие пытались; скажем, за много лет у него с кем-то из начальства сложились, как ему казалось, личные отношения и тому подобное, ну, и он обращается, надеясь, что тот не откажет. Точно так, как делал я сам. Если бы я, например, подал официальное заявление по службе с просьбой перевести меня на фронт, то получил бы — за нарушение субординации и чтобы остальным не повадно было — такой нагоняй, что только держись. И так поступили бы начальники с любым подчиненным.

ЛЕСС. Но все же обычно людей, желавших пойти на фронт, отпускали.

ЭЙХМАН. Да, но не из гестапо, господин капитан. Отсюда никого не отпускали. Я не раз просил Мюллера...

ЛЕСС. Употребляли ли вы в течение сорок первого — сорок пятого годов алкогольные напитки в большем количестве, чем раньше?

ЭЙХМАН. Но, по, по. Могу сказать — уж скорее, наоборот. Ведь во время войны — я ведь жил в Берлине — бывали, я помню, воскресенья, когда я и хотел бы откупорить бутылку, да ее у меня не было.

ЛЕСС. Ратовали ли вы в беседах с другими эсэсовцами, не работавшими в вашем отделе, но связанными с вами по службе, за полное уничтожение всех евреев, всех, до кого только можно добраться?

ЭЙХМАН. Но! Я никому такого не говорил. Этого не сможет утверждать никто — ни один человек. Никто не сможет утверждать такое.

ЛЕСС. Состояли ли вы в служебных отношениях с учреждением «Наследие предков. Институт прикладных исследований» в Берлине?

ЭЙХМАН. Но, по, по.

ЛЕТОПИСЕЦ. Организация «Наследие предков» была чисто гиммлеровской и полностью отвечала характеру шефа, имея хаотичную структуру и романтические цели. Любая бессмыслица оправдывалась тезисом о цели, которая оправдывает любые средства. Под прикрытием невинного исследования родословных скрывались такие заказные работы, как опыты над живыми узниками лагерей, с одной стороны, и изучение истории древних германцев, с другой. Руководителем этого подозрительного заведения был профессор Вольфрам Зиверс.

ЛЕСС. Вы знали штандартенфюрера СС доктора Зиверса, руководителя «Наследия предков»? Имели служебные отношения с доктором Зиверсом?

ЭЙХМАН. Но, по, по. Не помню. Совершенно не помню.

ЛЕСС. Вы знали гауптштурмфюрера СС профессора доктора Хирта из Страсбургского университета?

ЭЙХМАН. Хирта? Но. Тоже нет.

ЛЕСС. Занимались ли вы или ваш отдел переводом заключенных из одного концлагеря в другой?

ЭЙХМАН. Нет, нет, нет. Из одного концлагеря в другой?

ЛЕСС. Допустим, из Освенцима в Маутхаузен? Или из Освенцима в Натцвейлер?

ЭЙХМАН. Нет. Нет. Нет. Я за это совершенно не отвечал. За это... это же... это было в ведении отдела превентивного заключения.

ЛЕСС. Имели ли вы служебные отношения с оберштурмбаннфюрером СС доктором Рудольфом Брандтом из личного штаба рейхсфюрера СС?

ЭЙХМАН. Личный врач Брандт? Да, он был личным врачом... Брандт. Я не знаю, был он личным врачом Гитлера или...

ЛЕСС. Гиммлера?

ЭЙХМАН. Да, Гиммлера! Но, никаких отношений с ним я не имел.

ЛЕТОПИСЕЦ. Д-р Рудольф Брандт не был врачом. Он был адъютантом Гиммлера, но должность не отражает характера его деятельности и влияния. А д-р Карл Брандт, даже не родственник Рудольфу Брандту, был врачом, одним из личных врачей Гитлера. То, что Эйхман путает этих людей, демонстрирует явно: сам он поднялся не слишком высоко в иерархии нацистского государства. Иначе должен был знать уж по крайней мере Рудольфа Брандта, который был при Гиммлере чем-то вроде «старшего куда пошлют».

На процессе нацистских врачей в 1946 г. Рудольф Брандт был приговорен к смертной казни, приговор приведен в исполнение. То же и с лейб-врачом Гитлера Карлом Брандтом. Но подозревать, что Эйхман хотел бы скрыть такое знакомство, не имеет смысла — из него не вытекают обвинения, которые могли бы ухудшить и без того плачевную для Эйхмана ситуацию.

ЛЕСС. У меня здесь фотокопии документов, предъявленных на Нюрнбергском процессе номер один по делу врачей. Отправитель письма — «Наследие предков», имперский руководитель. Я вам читаю:

«Берлин, 2.11.42 Секретно.

Оберштурмбаннфюреру СС д-ру Брандту.

Дорогой товарищ Брандт, как вам известно, в свое время рейхсфюрер СС приказал, чтобы гауптштурмфюрер СС проф. д-р Хирт получал для своих исследований все, что ему требуется. Для определенных антропологиче-

ческих исследований — о них я уже доложил рейхсфюреру — необходимы 150 скелетов заключенных евреев, которые надлежит доставить из концлагеря Освенцим». И т.д. и т.д., подписано: «С товарищеским приветом, хайль Гитлер, ваш Зиверс».

Второй документ — докладная этого профессора Хирта: «По вопросу: получение черепов еврейско-большевистских комиссаров для научных исследований в имперском Страсбургском университете». Там написано:

«Имеются обширные коллекции черепов почти всех рас и народов. И только черепов евреев так мало, что работа с ними не может дать надежных результатов. Война на Востоке дает нам теперь возможность пополнить их количество. Сохраняя черепа еврейско-большевистских комиссаров, представляющих собой отвратительный, но характерный тип недочеловека, мы будем иметь возможность получить представительный научный материал. Беспрепятственное получение и сохранение черепов целесообразнее всего организовать путем распоряжения по войскам вермахта — немедленно передавать в дальнейшем полевой полиции всех еврейско-большевистских комиссаров живыми. Ответственный за сохранение материала — в скобках: военнослужащий вермахта или даже полевой полиции — молодой врач или студент-медик обязан сделать необходимые фотографии и серию антропологических измерений. Затем, после умерщвления еврея, чья голова не должна быть повреждена, он отделяет голову от туловища и отправляет ее в консервирующем растворе, в специально приспособленной для этой цели и надежно запирающейся металлической емкости к месту назначения».

Теперь следующие документы. Письмо от 21 июня 1943 г. из «Наследия предков», гриф «государственная тайна». В Главное управление имперской безопасности, отдел IV В 4, оберштурмбаннфюреру СС Эйхману, лично.

«По вопросу: создание коллекции скелетов.

В соответствии с письмом от 25.9.42 и имевшими место личными договоренностями по данному вопросу сообщаем, что уполномоченный для выполнения данного специального задания сотрудник д-р Бруно Бегер закон-

чил в связи с имеющейся опасностью эпидемии работы в концлагере Освенцим 15.6.43. Всего обработано 115 человек, из них 79 евреев, 2 поляка, 4 среднеазиата и 30 евреек. Эти заключенные, раздельно мужчины и женщины, помещены в настоящее время в лазарет концлагеря Освенцим и находятся в карантине. Для дальнейшей обработки этих лиц в настоящее время необходимо передать их в концлагерь Натцвейлер, при этом, в связи с опасностью эпидемии в Освенциме, — в кратчайшие сроки. Именной список указанных лиц прилагается. Просим соответствующих указаний».

Теперь последний документ:

«Рейхсфюрер СС, личный штаб, полевая ставка, 6.11.42. Секретно. В Главное управление имперской безопасности, отдел IV В 4, оберштурмбаннфюреру СС Эйхману лично. — Рейхсфюрер СС дал указание, чтобы директору анатомического отделения в Страсбурге гауптштурмфюреру СС проф. д-ру Хирту было предоставлено все необходимое для его исследований. По поручению рейхсфюрера СС прошу в связи с изложенным обеспечить условия для создания планируемой коллекции скелетов. — По поручению: оберштурмбаннфюрер СС Брандт».

ЭЙХМАН. Я и теперь не могу вспомнить фамилию. Во всяком случае, это был приказ рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, так следует из всей переписки. Наверное, я спихнул все это дело, согласно распределению обязанностей, в Главное управление делами и хозяйством. Где мне было взять черепа убитых?

ЛЕСС. Речь идет здесь о скелетах, а еще больше — о живых людях.

ЭЙХМАН. Это верно. Так точно!

ЛЕСС. Это значит, о живых людях, которых надо превратить в скелеты.

ЭЙХМАН. Да, да, врачей посылали к концлагерь, чтобы они их там искали. С какой стати они обратились ко мне, непонятно. И ведь здесь нет письма от меня — ответа, что ли. Возможно, значит, что все это дело... конечно, не по моей инициативе... а по указанию Мюллера, поскольку существовал приказ рейхсфюрера, я и передал это по подчиненности в главное управление «Д. и Х.», делами и

хозяйством. Ничего иного нельзя себе представить, я же не мог... я же не мог поставлять скелеты... поставлять живых людей. У меня ведь... у меня нет лагеря, в котором их могут отобрать. Это же может произойти только в концентрационном лагере.

ЛЕСС. Да, но затем вы, наверное, дали лагерю указание, чтобы...

ЭЙХМАН. Я не мог дать указание, потому что указание уже дал рейхсфюрер.

ЛЕСС. Да, но вы же дали указание, что людей надо отправить в Натцвейлер.

ЭЙХМАН. Нет, я и этого не мог сделать, это должен делать отдел превентивного заключения.

ЛЕСС. Из этого письма Зиверса следует, однако... что... что пишет он на основании беседы с вами.

ЭЙХМАН. Да, вот это верно...

ЛЕСС. Что это была за беседа?

ЭЙХМАН. ...верно, потому что я помню, как это происходило, конечно! Но я не знал — что о скелетах. Я знал только про черепа убитых... После того как меня поставили в известность, что рейхсфюрер СС и начальник германской полиции лично распорядился и приказал, дело надо было передать в инстанцию, которая за это отвечает. Я ведь не был ответственным.

ЛЕСС. Вы провели это дело?

ЭЙХМАН. Проводить его я не могу, господин капитан, проводить должен... должно главное управление Д. и Х., а не я.

ЛЕСС. А все же? Что же сделали вы?

ЭЙХМАН. Наверное, спихнул в то главное управление, по принадлежности. Не по собственному усмотрению, ведь был приказ рейхсфюрера. Не могу себе представить, чтобы по такому делу я обращался, например, к Гёссу... к Гёссу — коменданту Освенцима. Я и не могу по такому делу писать непосредственно Гёссу... В общем, это просто неверно, что IV управление, гестапо, доставило скелеты.

ЛЕСС. Людей...

ЭЙХМАН. ...доставило людей. Потому что в Освенциме... в Освенциме... ведь это... это же было в Освенциме, верно? Этот врач поехал туда и отобрал там людей. В Освенциме были ведь, были десятки тысяч людей. Мне там не-

чего указывать, если приказал рейхсфюрер СС и начальник германской полиции.

ЛЕСС. Но позвольте: вот Зиверс пишет вам, что его сотрудник поехал, отобрал себе людей, и Зиверс просит вас позаботиться о том, чтобы...

ЭЙХМАН. ...Чтобы они попали в Натцвейлер.

ЛЕСС. ...Дать указание, указание!

ЭЙХМАН. Но какое же указание я должен дать, господин капитан?

ЛЕСС. Спрашиваю я! Я желаю это знать!

ЭЙХМАН. Да, но... Пожалуйста, я хотел бы... я... да... Я не знаю... я, я, я... я говорю — какое же указание мог я дать? Чтобы их убили? Мне не надо было давать никаких указаний... господин капитан, потому что убивать там — это было в компетенции Гёсса. И ему не нужно было из-за 160 человек — мне приходится выражаться совсем ужасно, чтобы вообще, гм... обо всем этом деле... но мне приходится, — ведь если к Гёссу, ну, э... каждую неделю приходило столько-то эшелонов, и у него приказ, у него приказ фюрера — убивать их... Почему же я должен Гёссу, который по приказу фюрера убивает тысячи людей в неделю, почему я должен давать ему свой приказ убить 160 человек, который я не могу дать, потому что это другое главное управление, он служит в другом главном управлении!

ЛЕСС. Их ведь не убили в Освенциме, а отправили в Натцвейлер.

ЭЙХМАН. Или в Натцвейлере. Ведь в каждом концентрационном лагере... убивали людей, если их полагалось убить. Коменданты концентрационных лагерей... получали такие приказы по подчиненности от Главного управления делами и хозяйством. Но я не могу себе представить, чтобы мы, отдел IV В 4, чтобы IV В 4 давал указания Освенциму. Наверное, мы переправили все бумаги в главное управление Д. и Х., по принадлежности. Ведь это — прошу вас! — это, в принципе, совершенно все равно, потому что приказывает рейхсфюрер, начальник германской полиции. Если бы я что-то совершил, я не подлежал бы никакой ответственности, потому что присяга, которую я принял, обязывала меня к верности и послушанию. Мне приказал высший руководитель! И

я находился в положении подчиненного и был обязан исполнить приказ. Это ясно.

ЛЕСС. А присяга на верность — которой вы должны были следовать и следовали — предусматривала и такие «акции»?

ЭЙХМАН. Исключения не были предусмотрены.

ЛЕСС. Кто перевез этих людей?

ЭЙХМАН. Перевозками занимался я, то есть эвакуацией — верно?

ЛЕСС. Нет, эти 120 человек — они были...

ЭЙХМАН. Ах, перевозка, транспорт. Да, были ли там мои люди, господин капитан, я этого тоже не знаю, но я не хочу отрицать, не хочу отрицать, господин капитан. Но могу себе представить также, что транспортировка из одного концентрационного лагеря в другой была проведена служащими лагеря.

ЛЕСС. Мне здесь непонятна одна вещь: если это компетенция Главного управления делами и хозяйством, то почему сначала переписка с вами, почему обсуждение с вами?

ЭЙХМАН. Да, я знаю, что это было не в нашей компетенции. Пожалуйста, господин капитан, если теперь это на 160 человек больше или меньше, то мера моего наказания не станет от этого ни меньше, ни больше. Я готов признать всю эту историю. Я спрашиваю теперь только вот что: здесь вся переписка за 42-й, за ноябрь 42-го? Я ведь должен теперь что-то сказать о ней?

ЛЕСС. Ну конечно. Он ведь пишет, он ссылается на ваше письмо. Зиверс ссылается на ваше письмо...

ЭЙХМАН. Да, и этого письма у вас нет?

ЛЕСС. К сожалению, нет.

ЭЙХМАН. Удивительно. Ведь для прояснения этого дела было бы очень хорошо, если бы по меньшей мере было это письмо... Удивительно.

ЛЕСС. Люди, к которым было применено «особое обращение»... Это «особое обращение» решалось не гестапо?

ЭЙХМАН. Но, фюрером... э... самим... самим Гитлером.

ЛЕСС. Приказ лагерям отдавало гестапо?

ЭЙХМАН. Приказ концлагерям, например, об умерщвлении газом?

ЛЕСС. Приказ. Не важно X или Y...

ЭЙХМАН. Ну, в отдельных случаях... отдельные случаи... конечно. Да-да, так точно, так точно.

ЛЕСС. Вот и в этом случае делом занималось, наверное, гестапо. Люди ведь подверглись «особому обращению». Нужны ведь были их скелеты.

ЭЙХМАН. Указание... видите ли, господин капитан, указания, принципиального распоряжения не надо... можно было уже не давать. Ведь приказ высшего начальника имелся. Дело шло только об организационном исполнении этого приказа, т.е. о чисто... чисто административной передаче дела. Если бы я мог вспомнить, я бы сказал сразу: так точно, тогда-то на основании приказа рейхсфюрера я передал дело в Освенцим и сказал: «Вот, отправьте 160 евреев по выбору Хирта, или как там его, в Натцвейлер и т.д.». У меня же был документ, так приказал рейхсфюрер.

ЛЕСС. Входило ли в обязанности ваши или вашего отдела IV В 4 руководство лагерем в гетто Терезиенштадт?

ЭЙХМАН. Отдел IV В 4 не отвечал... Нет, за это я не отвечал. Соответствующей надзорной инстанцией был командующий полицией безопасности и СД в Праге. Вот когда происходили посещения, нам приходилось туда ехать. Из Красного Креста были посещения, кажется, два раза, и надо было туда ехать. Обычно выезжали заранее, потому что командующий полицией безопасности и СД в протекторате не мог сам дать такое разрешение, этими делами ведал сам рейхсфюрер. Когда такое было в первый раз, поехал даже Мюллер и взял меня с собой.

ЛЕСС. В остальном же вы не отвечали за руководством лагерем?

ЭЙХМАН. Когда протектору Богемии и Моравии барону фон Нейрату пришлось уйти, его сменил заместитель рейхс-протектора, до этого — начальник полиции безопасности и СД обергруппенфюрер Гейдрих, сохранивший за собой и эту должность. Едва его назначили, как он устроил пресс-конференцию. После чего он вызвал меня к себе вместе с пражским командующим полицией безопасности доктором Штальэккером. Еще там был статс-секретарь К.Г.Франк. У меня в памяти остались две фразы Гейдриха. Первая: он рад, что переведен с негативной работы, каковой является любая полицейская деятель-

ность, на позитивную. И вторая: что на пресс-конференции он забежал вперед. Он-де сказал журналистам, что через восемь недель протекторат будет очищен от евреев. Так вот, надо протекторат Богемия и Моравия, а это приблизительно 120—150 тысяч душ, за восемь недель от евреев очистить!

ЛЕСС. Под душами вы подразумеваете евреев?

ЭЙХМАН. Так точно, конечно! И тогда я сказал заместителю рейхспротектора: существует только одна возможность — предоставьте столько места, чтобы евреи, живущие в разных местах протектората, там поместились. На это Гейдрих и Франк стали называть различные местности, и в конце Франк сказал: Терезиенштадт! Гейдрих с этим сразу согласился и сделал нужные распоряжения. Я сам поехал в Терезиенштадт и осмотрел место. И увидел, что его слишком мало. Я сказал, что это будет полный провал. Но ничего уже нельзя было сделать. Карл Герман Франк ненавидел не только чехов; Карл Герман Франк был еще и юдофоб — скажем, типа Штрейхера, типа читателей его «Штурмовика». И дальше посыпались, чуть не каждую минуту, все новые приказы рейхсфюрера СС, согласно которым терезиенштадтское гетто надлежит сделать чем-то вроде образцового «дома для престарелых».

ЛЕСС. В рамках эвакуации из Терезиенштадта в Освенцим или в другие лагеря отбирались только молодые люди или также старые, пожилые?

ЭЙХМАН. Как предписывалось. Терезиенштадт был подчинен самому... непосредственно, я бы сказал, приказам Гимmlера. Он оставил Терезиенштадт, так сказать, за собой, и я думаю, что даже сам командующий полицией безопасности и СД ничего там по своему усмотрению не решал, не спросивши согласия своего шефа.

ЛЕСС. Директивы, относительно... относящиеся к отправке в Терезиенштадт, издавались вашим отделом?

ЭЙХМАН. Нашим отделом?.. Директивы, мне кажется, были много раз. Когда я еще служил там, они поступали только из протектората. Вскоре появились и «соседи» — гауляйтеры или крайсляйтеры, которые сосватали свои дела рейхсфюреру. Были отдельные случаи, когда центральные инстанции рейха что-то внушали Гимmlе-

ру. Мне там пришлось организовать еврейскую полицию, кажется, человек 150 или 200. А потом пришел однажды приказ Гимmlера, что он желает преобразовать Терезиенштадт в особое гетто, но какой в этом заключен смысл, никто из нас сначала вообще не думал.

ЛЕСС. Директивы о депортации в Терезиенштадт издавались вашим отделом?

ЭЙХМАН. Так точно! Конечно, после того, как... Я теперь уже не могу вспомнить, как проходили директивы... это же особое гетто... Были директивы, которыми рейхсфюрер СС и начальник германской полиции очертил примерно круг лиц. Наверное, речь шла и о возрасте, о социальном положении; например, согласно одному из приказов рейхсфюрера, имевшие награды за мужество в Первой мировой войне переводились в Терезиенштадт, имевшие ранения в Первой мировой войне тоже, это я помню. Еще старшие офицеры. Это пункты, которые я припоминаю.

ЛЕСС. Почему депортация евреев в Терезиенштадт считалась переездом на новое место жительства?

ЭЙХМАН. Да, переезд... Я тоже не знаю, от кого идет эта форма. Потому что у важных людей были в Терезиенштадте квар... да, были квартиры, они жили в квартирах. Больше ничего я вспомнить не могу. Это называлось переселением в Терезиенштадт, переселением в особое гетто, и эти... нет, наверное, изредка, в спешке, записывали — «эвакуация». Как правило же, называлось так: переезд.

ЛЕСС. Однако когда вы говорите об эвакуации на Восток, то о переселении, об изменении места жительства речи не идет.

ЭЙХМАН. Может быть, так было предписано сверху... уже не помню, почему именно. Но я думаю, что это был, наверное, штамп, словесная формула для украшения того гетто. Это будет ближе к истине.

ЛЕСС. Чтобы подсластить пилюлю?

ЭЙХМАН. В известном смысле, так, а если говорить честно — да!

ЛЕСС. Теперь я показываю вам директивы по переселению евреев в Терезиенштадт, изданные вашим отделом 20 февраля 1943 г. Желаете о них высказаться?

ЭЙХМАН. Конечно! Они подразделяются на положения о распределении обязанностей между службами, затем определен круг лиц; далее собственно перевозка в эшелонах, их сопровождение и отчетность об отправке и прибытии; учет расходов и обращение с имуществом. В положениях о контингенте я вижу пункты, которые пришли в голову лично рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции: лица, награжденные за ранение на фронте, награжденные военными орденами и так далее. Вот еще разные сведения из параграфов, из законов о евреях — это от министерства внутренних дел. Потом учет расходов; что это был за указ, я не знаю. (*Эйхман читает.*) «Обращение с имуществом: по поводу обращения с имуществом отправляемых евреев будут даны особые указания». Тоже не знаю, о чем это.

ЛЕСС. Вы сказали перед этим, что круг лиц обозначил Гиммлер. Следует ли понимать это так, что всех остальных евреев от 14 до 65 лет надо было депортировать на Восток?

ЭЙХМАН. Согласно этому изложению, которое здесь... Тех, кто не подпадает под действие параграфов 5 или 1 приложения к имперскому закону о гражданстве от такого-то числа... разрешено эвакуировать на Восток, тут ясно написано. Остальных — тут оставалась некоторая неопределенность; их, если я должен это сказать, — очевидно, переселять в Терезиенштадт.

ЛЕСС. Я все еще не понимаю, в чем у вас разница между переселением и эвакуацией. Евреи, которых предусматривалось отправить в Терезиенштадт, обязаны были отдать свое имущество — не имели права взять его с собой. Должны были отдать всё. Вот тут написано, что они могли взять: один чемодан или рюкзак с одеждой и обувью (громоздкие не разрешаются), столовую посуду, тарелку или миску, ложку. Даже без вилки и ножа... Постельное белье с одеялом, это же...

ЭЙХМАН. Да. Так было. Только было и следующее, господин капитан. Жизнь — конечно, не привычная нормальная жизнь, — но если сравнить жизнь в концентрационном лагере и жизнь в Терезиенштадте, то разница была — как день и ночь. Например, в Терезиенштадте еврейский совет старейшин на самом деле многое определял в распорядке. Отдельные категории вообще освобождались от

любой работы. Если производство переводилось в Терезиенштадт, это уже позже, какие-то изделия военного значения — отражатели или что-то в этом роде, — то за работу платили. Была разница... большая разница, если кто-то попадал оттуда в Освенцим. И так же все остальное... Вот я вспоминаю, ага, вот как раз вспомнил: например, из Терезиенштадта летом 1944 г. я взял целую группу — архитекторов, инженеров и рабочих — в провинцию Бранденбург, где надо было строить запасные помещения для управления IV, для гестапо. Да ведь по дороге туда, к месту назначения, люди могли сбежать в любую минуту, но они не сбежали. И из Терезиенштадта выезжали на машинах на уборку сена и т.п.

ЛЕСС. Что такое договоры обеспечения?

ЭЙХМАН. Что за договоры?

ЛЕСС. Договоры обеспечения, которые заставляли подписывать евреев, депортируемых в Терезиенштадт.

ЭЙХМАН. Они мне неизвестны. Договоры обеспечения? Я эти слова слышу в первый раз.

ЛЕСС. Если я не заблуждаюсь, дело происходило так, что евреи, которых отправляли в Терезиенштадт... Что им настоятельно рекомендовали, в большей или меньшей степени принуждали их — передать свое имущество, которое оставалось, потому что его нельзя было взять с собой, управляемому вами имперскому Объединению евреев в Германии, подписав соответствующий «договор обеспечения». За это им гарантировалось, что в Терезиенштадте... что их пребывание будет оплачено пожизненно. Их будут снабжать продовольствием, одеждой — всем, что им...

ЭЙХМАН. Во всяком случае, если такие договоры заключались, господин капитан, то в мое время это, скажем так, не предпринималось.

ЛЕСС. Директивы по Терезиенштадту были изданы до отправки туда людей или после?

ЭЙХМАН. Их было много, вообще-то каждый раз, когда... Один раз опять все поставили с ног на голову распоряжением Гимmlера, чтобы Терезиенштадт реорганизовали, превратили в «образцовое гетто».

ЛЕСС. Разве первые директивы были не в 1942 г.?

ЭЙХМАН. Этого я не знаю. Но во всяком случае — безразлично когда, — указания тоже были... Чехи... из Терезиенштадта в тысяча девятьсот... Когда Гейдрих стал рейхспротектором? 1939-й... кажется, так; тогда чехов выселили из Терезиенштадта, причем не мы, а чешское министерство внутренних дел.

ЛЕСС. И если здесь сказано: «Питание должно происходить в общественных кухнях. Для денежного содержания переселяемых евреев будут привлечены средства еврейских организаций в Берлине, Вене и Праге...»

ЭЙХМАН. Так точно, да, я это... к этому... мне добавить нечего. Наверное, всё так.

ЛЕСС. Вы назначали руководителей еврейского совета в Терезиенштадте?

ЭЙХМАН. Да, поскольку сначала... надо было его создать. Потом — потом нет, я уже на это не влиял.

ЛЕСС. Как часто вы приезжали в Терезиенштадт?

ЭЙХМАН. О, я там очень часто бывал. Проезжая... Там была автомобильная дорога, если ехать... По делу или так, я всегда... всегда там останавливался.

ЛЕСС. Хочу показать вам теперь брошюру о правовом положении евреев в протекторате Богемия и Моравия по состоянию на 31.7.1942, изданную д-ром Францем Фридеманом. Для внутреннего пользования еврейской общины в Праге. Вот, на странице 26... Говорю об этом потому, что вы заявляете, будто Терезиенштадт, гетто Терезиенштадт, основано уже в 1939 г. Здесь написано: «В конце концов было приказано сконцентрировать евреев в гетто, для чего распоряжением рейхспротектора Богемии и Моравии от 16 февраля 1942 г. была упразднена городская община Терезиенштадт, и командующий полицией безопасности при рейхспротекторе был уполномочен параграфом 14 принять необходимые служебные меры для создания еврейского поселения».

ЭЙХМАН. Ага! Это я так ошибся в годах?..

ЛЕТОПИСЕЦ. *Эйхману важно представить себя одним из основателей гетто Терезиенштадт. Этим он подкрепляет свое утверждение, что никогда не был юдофобом и что только эссовская присяга и приказы Гиммлера вынуждали его участвовать в истреблении евреев. Его аргументы: он не раз стремил-*

ся помочь евреям найти приют, но всё, что виделось ему подходящим — Палестина, Ниско на реке Сан в Польше, Мадагаскар, — все оказывалось неосуществимым. Разумеется, Терезиенштадт тоже не стал тем, чего он хотел, — слишком тесен, слишком мал, слишком примитивно все устроено. Но все же какое-то убежище от оголтелых расистов.

Однако настаивать на своем участии в создании этого гетто можно было только при условии, что оно основано в том году, когда он, Эйхман, возглавлял «центральный отдел» по еврейской эмиграции в Праге, т.е. в 1939 г. И вот он «переносит» въезд Гейдриха в Пражский град с 1941-го на 1939 год... Действительно, Терезиенштадт был не столь ужасен, как другие гетто, но это не означает, что там можно было жить по-человечески. По нацистским меркам это не был концлагерь, там не существовало газовых камер. Но запертые в тесном пространстве люди были лишены свободы, как заключенные, они подвергались любому произволу и находились под постоянной угрозой смерти. То, что многие из них купили себе место в таком «доме престарелых» ценой всего своего имущества, не давало им никаких прав.

Условия жизни и питание были отвратительны, но и на этом власти нередко «экономили», отправляя пенсионеров тысячами в лагеря смерти. Однако гетто Терезиенштадт никогда не пустовало. Пополнение прибывало до самого конца, и в гетто, бывало, допускали иностранных представителей, пытаясь таким образом маскировать массовое уничтожение евреев в концлагерях. Даже тогда, когда нацистский режим уже трещал по всем швам.

ЛЕСС. Вот протокольная запись командующего полицией безопасности в Гааге от 6.12.41. Она касается эмиграции евреев, а именно небольшой группы голландских евреев, состоявших в НСБ, голландской национал-социалистической партии. Вот документ о них. Хотите высказаться?

ЭЙХМАН. Конечно. Первый пункт свидетельствует, что пять или шесть евреев, состоявших до недавнего времени в НСБ, теперь из нее исключены и, таким образом, принадлежность к национал-социалистической организации утратили. Однако рейхскомиссару и высшему руководителю СС и полиции представляется нежелательным

валить их в одну кучу с другими евреями, например, при выселении. Поэтому дается поручение побудить так называемых НСБ-евреев к эмиграции. Дело представлялось таким образом: этих пятерых или шестерых евреев можно выслать заодно с каким-нибудь «доверенным», когда «доверенный» едет за границу. Это выезды агенты-туры, которые проводило управление VI, секретная служба Главного управления имперской безопасности. А далее сказано, что 21.4.43 эти евреи переселены в Терезиенштадт. Отмечено также, что я настаивал в принципе на том, что в данном случае эмиграцию, то есть в порядке исключения, разрешать не нужно. Но когда проводится выселение, таких НСБ-евреев можно придержать, чтобы они оказались в числе последних.

ЛЕСС. Это решение было принято вами?

ЭЙХМАН. Наверное, потому что дело было простое. 20 декабря 41-го вышел основополагающий приказ рейхсфюрера, согласно которому эмигрировать запрещалось.

ЛЕСС. По этому делу имеется протокольная запись по отделению IV В 4 командующего полицией безопасности в Гааге от 5 октября 42 г., подписанная тамошним уполномоченным по еврейским делам Цёпфом.

ЭЙХМАН. Так точно, это... Значит, здесь Цёпф пишет, что в соответствии со сведениями, полученными от меня, евреев, которых, с одной стороны, по возрасту или их заслугам не следовало бы ставить в один ряд с остальными отправляемыми в Освенцим евреями, но которым, с другой стороны, нечего оставаться в Голландии, — что Гаага могла бы в любое время отправить их поездом из концлагеря Вестерборк в показательный Терезиенштадт. И еще тут ссылка на директивы, где и говорится, что, начиная с определенного возраста, нельзя отправлять в Освенцим, но можно везти в Терезиенштадт.

ЛЕСС. Следует понимать это так, что евреи любого возраста и с любыми заслугами должны быть депортированы?

ЭЙХМАН. Да, в Терезиенштадт могли попасть все. «Все» — это не значит все, а вот такие случаи, исключения.

ЛЕСС. Когда словацкое правительство пожелало увидеть, как живут в Польше депортированные из их страны евреи, вы написали — вот в этом документе: «Осторожно! Чем посмотреть еврейский лагерь, пусть лучше посетят Терези-

енштадт». Это написано потому, что Терезиенштадт, так сказать...

ЭЙХМАН. Конечно, разумеется! Как я уже позволил себе сказать, господин капитан, Гиммлер ведь устроил этот Терезиенштадт в качестве витрины для внешнего мира. Он хотел иметь в руках хоть какое-нибудь свидетельство, я думаю, на случай, если очень уж важные иностранные службы обратятся к нему из-за убийств евреев и т.д., чтобы он мог сказать: «Это же не так, поезжайте в Терезиенштадт». И тогда те люди сказали бы: «Ну, так плохо, как пишет пресса или вещает пропаганда, это все же не выглядит».

ЛЕСС. Разве евреев из Терезиенштадта не депортировали в лагерь уничтожения?

ЭЙХМАН. Да, по приказам Гиммлера — мероприятие по рассредоточению; провести эвакуацию стольких-то евреев из Терезиенштадта... Обычно он указывал, куда направлять эшелон.

ЛЕСС. Кто должен был договариваться об эшелонах?

ЭЙХМАН. Я, то есть мой отдел должен был — обычное дело — утвердить расписание с министерством путей сообщения, а Главное управление делами и хозяйством давало нам утвержденную Гиммлером станцию назначения.

ЛЕСС. Охраняли ли вы и ваш отдел эшелоны с заключенными из гетто Терезиенштадт, направляемые сначала в лагерь уничтожения в Риге, Минске и генерал-губернаторстве, а затем — исключительно в Освенцим?

ЭЙХМАН. Охраняли? Нет, ничего такого, всем этим занималась Прага.

ЛЕСС. Были вы ответственны за выделение подвижного состава?

ЭЙХМАН. Это да, конечно, так точно!

ЛЕСС. Вы сопровождали швейцарца Дюнана из Международного Красного Креста во время посещения им Терезиенштадта 6 апреля 45-го года?

ЭЙХМАН. Как его звали, я не знаю, господин капитан, но я его сопровождал, так точно. Но не только я. Главным лицом был командующий полицией безопасности и СД в Праге. Я был там тоже, потому что получил приказ ехать туда из Берлина. У К.Г.Франка, статс-секретаря,

не было времени, и тогда швейцарского представителя пригласили на ужин в Градчаны от его имени.

ЛЕСС. А вы почему принимали в этом участие?

ЭЙХМАН. Я получил приказ.

ЛЕСС. От кого?

ЭЙХМАН. Наверное, от Кальтенбруннера, начальника Главного управления имперской безопасности и СД. Или даже от Гимmlера, или еще как-то. Но во всяком случае, приказ я получил через Мюллера.

ЛЕСС. Вот у меня брошюра Международного Красного Креста, изданная в Женеве в июне 1946 г. Французское название звучит в переводе так: «Документы о деятельности Комитета МКК, Международного Красного Креста, в пользу гражданских лиц, заключенных в концентрационных лагерях в Германии, 1939—1945 гг.». На странице 99 напечатано:

«Пятого апреля 1945 г. я отправился в Прагу, чтобы осмотреть гетто в Терезиенштадте. Шестого апреля посещение состоялось, при этом мы должны были провести важные переговоры с д-ром Вейнманом, начальником службы безопасности протектората Богемия и Моравия, и оберфюрером Эйхманом, специалистом по всем еврейским вопросам. Последний прибыл из Берлина в Прагу, чтобы вместе с представителями МКК обсудить различные вопросы, относящиеся к евреям. Оберфюрер Эйхман играл главную роль в концентрационных лагерях в Люблине и Освенциме. Как он сообщил мне, он являлся непосредственным уполномоченным рейхсфюрера СС по всем вопросам, относящимся к евреям.

Во время приема, состоявшегося в Градчанах, у меня была возможность беседовать до поздней ночи с обоими названными людьми. Особенный интерес для МКК представляли не условия жизни и обустройство в гетто, а сам факт — служит ли это гетто всего лишь пересыльным лагерем для евреев, и в каких пропорциях происходили депортации на Восток (в Освенцим). Как я смог установить в гетто Терезиенштадт, даже еврейский староста, представитель заключенных в лагере доктор Эпштейн, был, как и многие другие, депортирован в Освенцим. На основании этого факта я потребовал сооб-

шить мне, когда имели место эти депортации и в каких пропорциях. В течение вечера Эйхман развивал свою теорию относительно еврейской проблемы. По его мнению, евреям в Терезиенштадте жилось, в том что касается питания и врачебной помощи, лучше, чем немцам. Он сказал, что Терезиенштадт — это создание рейхсфюрера СС Гиммлера, который хотел дать евреям возможность организовать общественную жизнь при почти полной автономии и с еврейским руководством. Разбудить идею расового сообщества... Из Терезиенштадта евреи должны быть затем перевезены в другую местность, где они будут жить совершенно отдельно, изолированно от немецкого населения.

Что же касается общей проблемы евреев, то Эйхман того мнения, что в настоящее время Гиммлер уже обдумывает гуманные методы. Лично Эйхман не во всем разделяет методы Гиммлера, но, конечно, как хороший солдат слепо следует приказам рейхсфюрера. В течение вечера я настойчиво высказывал Эйхману мое желание посетить лагерь Берген-Бельзен. Эйхман объяснял, что в этом лагере вспыхнула эпидемия тифа. Он пообещал мне, что в последующие дни поедет в этот лагерь вместе со мной. Этого не произошло, поскольку возможности застать Эйхмана в Берлине у меня уже не было».

ЭЙХМАН. В общем и целом отчет, мне кажется, в порядке. Есть несколько небольших неправильностей. Вот совершенно неверно, что я был — я бы никогда так не сказал, потому что я им не был, — непосредственным уполномоченным рейсфюрера по всем вопросам, относящимся к евреям. Может быть, я сказал: я представитель рейсфюрера здесь, сейчас, в связи с этим визитом. Это возможно, а что я играл главную роль в концентрационных лагерях в Люблине и Освенциме — это тоже неверно по существу. Когда гетто Терезиенштадт основывали, то цель, которая здесь названа, действительно была. Но до этого не дошло, потому что со всех сторон нажимали всевозможные ведомства и кого только не везли в Терезиенштадт.

ЛЕСС. Что вам известно о судьбе жителей Лидице?

ЭЙХМАН. Вообще ничего. Я не имел с этим никаких дел.

ЛЕТОПИСЕЦ. 27 мая 1942 г. в Праге было совершено покушение на заместителя рейхспротектора и начальника Главного управления имперской безопасности, обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха; он был тяжело ранен при взрыве бомбы и спустя неделю скончался. Покушение совершили чешские эмигранты, прошедшие обучение для выполнения этого задания в Англии и сброшенные на парашютах в оккупированную Чехословакию. При допросах в гестапо выяснилось, что необходимые для организации покушения сведения передавались в Англию из поселка горнорабочих Лидице, расположенного к западу от Праги.

С целью возмездия и устрашения Гитлер приказал расстрелять все мужское население Лидице, всех женщин посадить в концентрационный лагерь, всех детей «собрать и пригодных для онемечивания передать семьям эсэсовцев в рейхе. Остальных подвергнуть иному воспитанию...». Поселок был сожжен. Дома сравнены с землей. Отряд исполнителей убил 199 мужчин, а 191 женщину бросили за колючую проволоку в концлагерь. Шестнадцать детей были признаны годными «для онемечивания», 93 ребенка попали в лагерь, находившийся в ведении радикальнейшего из гауляйтеров, правившего в Познани с деспотической жестокостью. Только 143 женщины и 16 детей остались в живых к концу войны.

ЛЕСС. Вам известно, что произошло с частью тех детей?

ЭЙХМАН. Я этого не знаю. И с Лидице я вообще не имел ничего общего, никаких дел, ни единого... Я бы сказал, даже понятия не имел.

ЛЕСС. Вам известно что-либо об отправке по приказу командующего полицией безопасности в Праге транспорта с детьми из Лидице в Лицманштадт — теперь снова польский город Лодзь?

ЭЙХМАН. Нет, нет, мне ничего не известно.

ЛЕСС. Показываю вам фотокопии, относящиеся к обращению с 88 чешскими детьми из Лидице, прибывшими 13 июня 1942 г. в Лодзь. Первая — это письмо с подписью Крумая, который был одно время вашим сотрудником, а тут действовал в качестве начальника Центра по переселению.

ЭЙХМАН. Это подпись Крумая. Так точно.

ЛЕСС. Датировано 17 июня 1942 г. в Лодзи. Адресовано командующему полицией безопасности и СД, Прага, и касается доставки чешских детей в Лодзь. Вторая копия — это телеграмма Крумая от 20 июня 1942 г. из Лодзи в Берлин. «Главное управление имперской безопасности, отдел IV В 4, оберштурмбаннфюреру Эйхману лично. По вопросу: доставка 88 чешских детей из общины Лидице в Лицманштадт. Основание: договоренность с оберштурмбаннфюрером Эйхманом».

Желаете высказаться об этом?

ЭЙХМАН. Да. Во-первых, должен сказать, что вообще не помню ничего о таком деле. Во-вторых: если — а из этой бумаги ясно, что каким-то образом это проходило через мой отдел... если ссылаются на договоренность со мной, могу себе представить, что речь шла о каких-то чисто транспортных вопросах и... Вот вижу здесь — что семь детей признаны главным управлением по расовым вопросам и расселению... пригодными к онемечиванию.

ЛЕСС. А что произошло с детьми, которые не были признаны «пригодными для онемечивания»?

ЭЙХМАН. Этого я тоже не знаю. Если их отвезли в Лицманштадт... Ведь в конце концов все эти дела обрабатывались не мной, то есть не моей службой; а вообще Лидице — этим занимались наверху. Что там приказывали, я не знаю.

ЛЕСС. Детей отправили в концлагерь Кульмхоф на «особое обращение»?

ЭЙХМАН. Я этого не знаю, господин капитан. Я этого не знаю. Этим я хочу сказать, что с тем же успехом могло быть и так и иначе. Я не знаю.

ЛЕСС. В Кульмхофе ликвидировали как евреев, так и неевреев?

ЭЙХМАН. Я не... В Кульмхофе я не был за исключением тех двух случаев, о которых я... я там больше никогда не был. Я не знаю. И всё это Лидице — это дело, которое... им же должно было заниматься какое-то центральное учреждение! Но я не знаю, какое именно.

ЛЕСС. Почему же Крумай пишет именно вам о судьбе этих 88 детей?

ЭЙХМАН. Наверное, все эти дела как-то связаны с транспортом. Может быть, их прицепили к какому-то эшелону, к

еврейскому эшелону. Возможно, что я получил указание прицепить к эшелону. Так могло быть.

ЛЕСС. О судьбе этих детей вы...

ЭЙХМАН. Но, по, я этого никогда не решал.

ЛЕСС. ...Вы принимали решения или давали указания?

ЭЙХМАН. Нет, нет, нет, ни в коем случае.

ЛЕСС. Вот в этой телеграмме от 22 июня 1942 г. Крумай пишет в Главное управление имперской безопасности: «В ходе известной акции 88 оставшихся без родителей чешских детей из общины Лидице поступили 13.6.42 в Лицманштадт. Поскольку до настоящего времени дальнейших указаний о пребывании этих детей не последовало, прошу дать соответствующие распоряжения. Я поставил в известность о прибытии этих детей отдел IV В 4, полагая, что предусмотрено особое обращение с ними. За это время Главным управлением по расовым вопросам и расселению изъяты из этих детей семеро, признанных пригодными для онемечивания».

ЭЙХМАН. Гм. Да, тут опять такое дело... Наверное, была какая-то более высокая инстанция, которая распорядилась о... о возмездии за покушение на Гейдриха, я думаю. И может быть, сам рейхсфюрер отдал необходимые приказы?

ЛЕСС. В этом письме, адресованном вам, Крумай ссылается на разговор с вами. Из второго письма следует: он считал, что эти дети подвергнутся особому обращению, т.е. будут убиты. Не означает ли это, что и этот пункт обсуждался в разговоре с вами и что он написал это письмо на основании вашего разговора с ним?

ЭЙХМАН. Возможно, конечно, что Крумай усомнился и запросил: что с этими, их на особое обращение или нет? На это я, наверное, ответил ему: да, это не в моем ведении. Я ведаю евреями, а не чешскими детьми. А что было приказано, я не знаю.

ЛЕСС. В связи с этим показываю вам следующие копии. Одна из них — письмо от 9 июля 1942 г. в Главное управление имперской безопасности, отдел IV В 4, оберштурмбаннфюреру Эйхману лично. «По вопросу: чешские дети. От представительства Р.-Р. (это Главное управление СС по расовым вопросам и расселению) нами получены 12 непригодных для онемечивания несо-

вершеннолетних в возрасте от 1 до 15 лет из районов Лидице и Лесаки. Просим дальнейших указаний».

Затем телеграмма от 14.7.42 из Берлина:

«ПСЦ (Центр по переселению), Лицманштадт, оберштурмбаннфюреру Крумаю лично. По вопросу: чешские дети. Основание: ваше письмо от 9.7.42. Двенадцать непригодных для онемечивания детей прошу немедленно передать в гестапо Лицманштадта, получившее дальнейшие указания». Подписано: РЗХА, IV В 4, подписал по поручению — Гюнтер».

Желаете что-либо сказать об этом?

ЭЙХМАН. Конечно. Если я говорю, что не помню, то должен подтвердить и теперь, что мне об этом ничего не известно. Я с этим, как я уже сказал, не работал. Подписал мой заместитель.

ЛЕСС. Телеграмма Гюнтера подписана — IV В 4!

ЭЙХМАН. Ну да, телеграмма! Это же... телеграмма действительно подписана. Тут ничего изменить нельзя. Что я ее не подписывал, это безразлично. Конечно, она из отдела... вышла из моего отдела. Это ясно. Но подписал и работал с ней во всяком случае кто-то другой, не я. Но — чешских детей передать немедленно в гестапо Лицманштадта, получившее дальнейшие указания?..

ЛЕСС. Разве из этого не следует, что дальнейшие указания в гестапо Лицманштадта вышли из вашего отдела?

ЭЙХМАН. Инструкций у меня нет, это значит, отдел IV В 4 не мог их давать по такому делу. Самое большее — мог переслать. Ведь отдел сам не мог приказывать, а только — если в самом деле получил определенное указание сверху... если поступило сверху. С делом Лидице отдел IV В 4 не работал, с Лидице действовали на основании... общего указания сверху.

ЛЕСС. Следует ли из документов, которые я вам предъявил, что вы имели какое-либо отношение к судьбе этих детей?

ЭЙХМАН. Какое-то... было отношение...

ЛЕСС. Да...

ЭЙХМАН. Я бы сказал так: во всяком случае, так из них следует. Я не хочу сказать, что я... Но отдел — это я ясно здесь вижу...

ЛЕСС. Да, а руководителем отдела в 1942 г. были вы!

ЭЙХМАН. Руководителем отдела был я, совершенно ясно. Лидице было делом, на которое ни один отдел, или начальник отдела, или руководитель группы отделов не мог влиять решающим образом, потому что оно... сверху... это общее указание...

ЛЕСС. Проводилась ли вашим отделом IV В 4 также депортация цыган в лагеря уничтожения?

ЭЙХМАН. Так точно. Но я не знаю, всех ли цыган... этого я не знаю. Цыгане из стран Запада, с Запада — нет. В лагерь? В... гетто, а не в лагеря. В гетто в Лицманштадте. Это было вначале, до войны с Францией... Я думаю, когда летом 40-го началась германско-французская война. Или позже? Я не знаю.

ЛЕСС. Разве цыган не отправляли потом в Освенцим и не умерщвляли там газом?

ЭЙХМАН. Господин капитан, теперь я этого не знаю. У нас было только обеспечение вагонами и составление расписания.

ЛЕСС. Никаких директив, относящихся к...

ЭЙХМАН. Никаких директив, никаких директив.

ЛЕСС. ...относящихся к цыганам?

ЭЙХМАН. О цыганах решал сам рейхсфюрер. Да, а директивы — по цыганам они были простые. Это я знаю. Вообще ничего! Всё рейхсфюрер! Вот по другим директивам, там надо было то и дело запрашивать другие инстанции. Господин капитан ведь видел: МИД над нами висел, надо было учитывать разные обстоятельства с подданством и так далее. А с цыганами, насколько я помню... вообще ничего не надо было учитывать, ни в какой форме, я думаю.

ЛЕСС. В чем, собственно, была причина, что всех цыган уничтожали?

ЭЙХМАН. Господин капитан, это такая... такое дело, мне кажется, сам... сам фюрер. Или рейхсфюрер. Я теперь уже не знаю... Это ведь так... так внезапно, неожиданно возникло. И было приказано... Я не знаю. Насколько мне известно, ни один отдел, никто в Главном управлении имперской безопасности ими никак по существу, скажем так, не занимался. Я вот что имею в виду: их происхождение, откуда пришли, обычаи, быт. Тут нет вопроса, скажем, об организационных формах или, допустим...

ну, объединениях и т.д. Где их центры и тому подобное. Я не знаю, кто с этим работал. Во всяком случае, в управлении IV ими никогда не занимались. Цыгане там не предусматривались.

ЛЕСС. А картотеки по отдельным случаям — они у вас велись?

ЭЙХМАН. Цыганский приказ, если я правильно помню... Собственно говоря, все это дело я вообще не могу вспомнить. Я думаю, мне в отдел эту тематику дали гораздо позже. И когда мне ее передали, их ведь уже не было. Много их и быть не могло, ведь западные страны не были заметно цыганскими. Как, допустим, Венгрия или Румыния. Там было гораздо больше цыган, чем... ну, скажем, чем на территории, как это тогда называлось, Великой Германской империи. На территории рейха, я полагаю, их было не больше 5000 или 6000. Не думаю, чтобы больше.

ЛЕСС. Разве не было от 700 000 до миллиона цыган в Польше, в России, Румынии, Венгрии?

ЭЙХМАН. Этого я не знаю, господин капитан, этого не знаю.

ЛЕСС. Вы помните, что уже несколько раз упоминали здесь вашего заместителя Гюнтера — как Гюнтер рассказывал о синиль... об истории с газом?

ЭЙХМАН. Так точно! Сразу же, с самого начала я уже...

ЛЕСС. Вы не говорили Гюнтеру: «Да как ты мог? Как ты мог такое делать? Чего ты лезешь в это дело?»

ЭЙХМАН. Конечно, конечно.

ЛЕСС. «Как я, Эйхман, должен отвечать за это перед Мюллером?»

ЭЙХМАН. Так я ему, пожалуй, не говорил.

ЛЕСС. Не говорили?

ЭЙХМАН. No! Я могу, мог себе представить, что он сказал: «Вот, прощу! У меня приказ — действовать так-то и так».

ЛЕСС. Теперь я показываю вам четыре страницы документов. Желаете что-нибудь сказать?

ЭЙХМАН. Это письма рейхсминистра оккупированных Восточных областей рейхскомиссару Остланда* от 25 октября 1941 года. В первом сообщается, что «обердинстляй-

* Речь идет о Латвии.

тер Брак из канцелярии фюрера сообщил о своей готовности содействовать в устройстве помещений, а также аппаратов для умерщвления газом. В настоящее время не имеется достаточного количества таких аппаратов. Их необходимо еще изготовить. Поскольку, по мнению Брака, производство аппаратов в рейхе связано с большими трудностями, чем на месте, Брак считает наиболее целесообразным командировать немедленно своих людей, прежде всего химика д-ра Кальмайера, в Ригу...» и т.д. и т.д. «В связи с изложенным прошу вас обратиться через вашего руководителя СС и полиции к обердинстляйтеру Браку в канцелярию фюрера и ходатайствовать о приезде д-ра Кальмайера и его помощников. Следует также иметь в виду, что штурмбаннфюрер Эйхман, ведущий дела по еврейскому вопросу в Главном управлении имперской безопасности, согласен с этим предложением. По сообщению штурмбаннфюрера Эйхмана, в Риге и Минске должны быть устроены лагеря для евреев, в которые возможно будет помещать также евреев из рейха»... Еще здесь «Памятная записка о переговорах, проведенных нашим советником юстиции — фамилия не указана, наверное, д-р Ветцель из министерства оккупированных восточных областей — с обердинстляйтером Браком и штурмбаннфюрером Эйхманом». Мне об этом больше нечего сказать.

ЛЕСС. Здесь говорится о поставке газовых... аппаратов для умерщвления газом?

ЭЙХМАН. Да, но вот в чем дело: их взяла на себя канцелярия фюрера, как я здесь читаю. Главное управление имперской безопасности только запросило о согласии, и такое согласие было мной высказано. Это означает, что я ему сказал то, что и должен был сказать. Спрашивается, кто же поручил министерству восточных областей, собственно, людям советника юстиции д-ра Ветцеля предпринимать что-либо относительно этих газовых машин? Должна же была существовать некая побудительная сила. Может, дело было так, что где-то в министерстве восточных областей сказали: дело должно происходить более прилично, пальба — это уже не годится! Мне теперь приходит в голову — раз я не приказывал Гюнтеру, чтобы он закупил сто килограммов синильной кислоты, —

мне приходит в голову, а не был ли мой заместитель Гюнтер связан непосредственно с Глобочником и не... не добыл ли он химикаты для тех, кто должен был приобретать их сам.

ЛЕСС. Вопрос, касающийся поставки газа, в другом: мог ли Гюнтер это сделать без вашего ведома? Вы говорите: связан непосредственно с Глобочником. Первые связи установлены через вас, вы посещали Глобочника.

ЭЙХМАН. Конечно, это все верно. Это верно.

ЛЕСС. Вы ездили к Глобочнику, вы ездили во Львов, вы инспектировали Освенцим, вы побывали во всех местах, где уничтожали людей. Вы видели методы, которые там применялись. Убивали выхлопными газами двигателей, расстреливали, и ваш доклад Мюллеру, или Гейдриху, или Гимmlеру — кому там у вас полагалось представлять доклады — показал, что такие методы, скажем на этот раз совсем грубо, нерентабельны. Следовательно, надо было найти другой путь, чтобы ускорить убийства. Также учитывая, что это безусловно отражается на тех, кто должен проводить такого рода операции по уничтожению людей. Надо было учитывать, что страдали ваши люди, которым велели расстреливать сотни и тысячи людей. Не каждый — такой безжалостный убийца. Может быть, он испытывает потом угрызения совести от того, что он сделал. Значит, лучше делать это не в такой вызывающей форме. Может быть, газ? Наверное, таким и был ход мысли. И тогда Гюнтеру, вероятно с вашего ведома, было поручено предпринять соответствующие шаги, и газ стали доставлять.

ЭЙХМАН. Я не думаю, что дело было так, господин капитан. Хоть что-то осталось бы у меня в памяти. Не входило в задачи полиции безопасности добывать этот газ. Не было у нас такой задачи, это была не наша задача.

ЛЕСС. Но как вы объясните тот факт, что умерщвление газом применялось и что люди, которые им занимались, все указывают на Эйхмана и отдел IV В 4?

ЭЙХМАН. Да, тут... прямо анекдот какой-то, ну... просто... Мы же с этим не имели никакого дела, совершенно никакого. Мы не имели с этим никакого дела. Нисколько, нисколько, нисколько.

ЛЕСС. Тогда, эти заявления...

ЭЙХМАН. Я не имел... никакого служебного... Служебного отношения к этому мы вообще не имели, и вне службы я этим тоже не интересовался. Я не... я не имел к этим вещам никакого отношения, я могу говорить об этом открыто. И не может быть никого, кто доказал бы мне обратное.

ЛЕСС. Но вы знали по службе, что людей убивали газом!

ЭЙХМАН. Это я знал, разумеется, это знал.

ЛЕСС. Каким было ваше отношение к тотальному физическому истреблению еврейства в рамках окончательного решения еврейского вопроса?

ЭЙХМАН. Это я уже сказал, господин капитан: когда я услышал, в первый раз услышал об этом, что я тут... что мне... я... меня словно ударило. И когда я впервые увидел, об этом я вам тоже говорил, у меня подкосились ноги. Это... это факт, и я был безмерно рад все эти годы, что не имел дела с уничтожением. Я дела с уничтожением не имел.

ЛЕСС. Разве депортация и уничтожение — не одно и то же?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я уже говорил: кто был включен в процесс работы, а кто нет — это не входило в мою компетенцию. У меня был приказ — депортировать. И если мой сотрудник Визлицени пишет в своих признаниях, что были возможности обойти приказ Гитлера, то я хотел бы увидеть, что это была за возможность. Я заявляю: есть одна возможность, была одна возможность — взять... вынуть пистолет и застрелиться. Просто и понятно. Я этого не сделал.

ЛЕСС. И это значит, что вы тогда не были настроены против?

ЭЙХМАН. Я повиновался. Что бы мне ни приказывали, я повиновался. Разумеется, повиновался. Я повиновался, я повиновался. Я не мог менять свои взгляды, господин капитан. Я... такими были мои взгляды тогда, так обстояло дело. Приказам, которые я получал, я повиновался. И присяга есть присяга. Я ей тогда слепо следовал. Сегодня я бы не принял никакой присяги. Никто меня к этому больше не подвигнет, никакой судья, даже к присяге свидетеля. Я этого не признаю, не признаю, и прежде всего по моральным причинам. Потому что извлек опыт: если следовать присяге, то рано или поздно придется отвечать за последствия. Ведь я вижу — теперь надо отвечать потому, что я бездумно следовал присяге. Но

если бы тогда я не повиновался, меня наказали бы. Так что... так что кончается, как всегда: если исполняешь присягу, худо будет в любом случае.

ЛЕСС. Ваш друг и коллега Дитер Визлицени пишет об этом: «Сотрудники Эйхмана были приучены слепо исполнять приказы. Сопротивляться пытался, кроме меня, еще только оберштурмбаннфюрер Крумай в Венгрии. Сколько раз я ни пытался, но призывом к порядочности невозможно было побудить этих людей к пассивному саботажу или к промедлению. Личное влияние Эйхмана на этих, по большей части совершенно примитивных, людей было слишком велико».

ЭЙХМАН. Никакого сопротивления ни со стороны Визлицени, ни от Крумая я не замечал. Никоим образом.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Дитер Визлицени вступил в СС немного раньше, чем Эйхман, и продвигался по службе в СД быстрее, так как был более образован и, кроме того, мог быть полезен своими знаниями в области истории. Какое-то время он был начальником Эйхмана в еврейском отделе, но, по мнению последнего, Визлицени не был по-настоящему трудолюбив; когда его подчиненные занимались скучной канцелярской работой, он почитывал книги по истории. В то время дружба между обоими эсэсовскими фюрерами была настолько тесной, что Визлицени стал крестным отцом Дитера, сына Эйхмана. Но после того как в гонке за новыми званиями бывший старший по рангу Визлицени отстал от своих сотрудников и руководство отделом перешло в конце концов к Эйхману, Визлицени почувствовал себя ободенным. Он злился — но только втайне. Эйхман утверждает, что ходатайство о повышении его друга в звании Гиммлер отклонил, потому что тот не был женат. Чтобы не быть постоянно на глазах у нового начальника отдела, Визлицени ушел во «внешнюю службу» — советником по еврейским делам при словацком правительстве в Братиславе. Депортацию евреев из этого марионеточного государства организовал он. А после того как был отозван с этой должности, занимался отправкой эшелонов с греческими евреями в Освенцим.*

После войны Визлицени был арестован западными союзниками и давал показания Международному Военному трибуналу в Нюрнберге. Затем Чехословакия потребовала его выдачи, и его судили в Братиславе. Он был приговорен к смерти и казнен.

ЭЙХМАН. Если Визлицени пишет в своих показаниях: «На основании моего личного опыта, еще раз утверждаю, что личное участие Эйхмана в сокращении численности европейского еврейства, в нанесении ему колоссального ущерба было решающим и что он, несмотря на то что действовал по приказам Гитлера и Гимmlера, должен нести за это полную ответственность, потому что возможности обойти приказ Гитлера были», — то я могу сказать об этом, что уклоняться от выполнения приказа не разрешается.

ЛЕСС. Вы говорили: «ответственность за приказы...».

ЭЙХМАН. Я, вероятно, ответствен за то, что я... за дела, исполнять которые я был обязан согласно приказу. Я с самого начала сказал, господин капитан, что я от этого никак не пытаюсь уклониться. Этого я ведь и не могу. Но с другой стороны, я отказываюсь отвечать за то, о чем не получал приказов и чем не занимался. Я принадлежу к людям, которые не говорили в 1945 г. и не говорят сегодня «Я всегда был против!..», надеясь с помощью таких — позвольте сказать, дешевых — заявлений выпутаться из петли. Это было бы неправдой.

ЧАСТЬ 5

ЛЕСС. Можете сказать мне точно, с какого по какое время вы были в Венгрии?

ЭЙХМАН. Да. С 19 марта 1944 г. У меня был день рождения, поэтому я знаю дату точно. Я пересек границу 19 марта. И в сочельник на Рождество 1944 г. в половине четвертого уехал из Будапешта на Запад.

ЛЕСС. До прибытия вашей оперативной группы, «зондеркоманды», венгерское правительство депортировало евреев?

ЭЙХМАН. Не думаю, нет, не думаю.

ЛЕСС. Вы упоминали однажды, что в начале 1944 г. строили лагерь вблизи Берлина. Это было в Вульхайде?

ЭЙХМАН. Я этого названия уже совсем не помню. Это было восточнее Берлина, километров 70 или 80. Там была только железнодорожная станция, может быть, еще несколько домов вокруг нее. Вообще, ничего. Там поставили, наверное, с десятков или, скажем, дюжину больших барачков. Постоянные бомбардировки уже не позволяли серьезно работать в столице. Это понял в конце концов и мой шеф и, наверное, сказал мне: «Чего эти парни тут расслаиваются, пусть займутся делом!» Так я получил под новый 44-й год приказ соорудить барачный городок — как бы «запасные позиции» для IV управления, для гестапо. Я велел доставить туда из Терезиенштадта архитекторов, техников и рабочих. Когда почти всё уже было готово, в марте 44-го приезжает Мюллер с инспекцией, осматривает работу и говорит, что по приказу рейхсфюрера — Гимmlера, значит, — мне надо убираться отсюда в Венгрию и в качестве уполномоченного от командующего полицией безопасности и СД брать там в свои руки отправку евреев, чтобы навести в этом деле порядок.

Я поехал в Маутхаузен, в концентрационный лагерь, где собирались участники операции в Венгрии, которая

держалась в секрете, потому что все такие дела в Главном управлении имперской безопасности шли под грифом «государственная тайна». В Маутхаузене нас разместили в изолированной части концлагеря. Каждый день приезжало все больше людей — полицейские чиновники, сотрудники полиции безопасности; пришли автомашины, штук 160 или 180. Примерно через неделю все было готово. И поскольку у меня и у Крумая было самое высокое звание, а именно оберштурмбаннфюрер, что соответствует подполковнику, было приказано так: Крумай выезжает с передовым отрядом, примерно 30 автомашин, а через 25 часов надо трогаться мне с остальными примерно 140 машинами. Моя колонна шла вслед за первой танковой дивизией. В Будапеште группа была расформирована. Мне дали комнату в гостинице, где я прожил несколько дней.

ЛЕТОПИСЕЦ. То, о чем Эйхман рассказывает чуть ли не вскользь, происходило в ходе захвата немцами власти в Венгрии. Весной 1944 г. весь юго-восток Европы в основном, если не считать партизанских районов, находился еще в руках Гитлера. Венгрия, союзник Германии в войне против Советского Союза, сохраняла до этого времени какую-то независимость по отношению к доктринам национал-социализма. Во главе государства в течение более четырех десятков лет находился в качестве регента 75-летний Миклош Хорти, адмирал флота времен Габсбургской империи. Гитлеру приходилось считаться с ним, несмотря на то что в течение многих лет Хорти отказывался следовать радикальному антисемитизму национал-социалистов.

В начале 1944 г. в Венгрии жили около 800 000 евреев. Там было уже тревожно, но жизни этих людей еще ничто не угрожало. Со всех остальных территорий, находившихся под властью Германии, Эйхман и его команда из отдела IV В 4 уже отправили евреев в концлагеря и газовые камеры. Поскольку их работа, по-видимому, заканчивалась, Эйхман и получил задание соорудить в бранденбургских лесах запасную резиденцию гестапо. Но как только Гитлер понял, что военные поражения могут побудить Венгрию выйти из союза с Германией, как это сделало год назад правительство Бадольо в Италии, он 12 марта приказал ввести в действие «план Маргарита» — оккупаци-

ровать Венгрию. Теперь специалист по еврейскому вопросу Эйхман понадобился снова. И поскольку можно было опасаться, что во время предстоящего наступления Красной Армии венгерские евреи могут нарушить безопасность немецкого тыла, их истребление надлежало ускорить.

До этого времени Эйхман всегда руководил своим аппаратом из берлинской канцелярии, на этот раз он был послан командовать операцией на месте. В Венгрии он пробыл, если учесть и перерывы по вызовам к начальству, всего несколько месяцев. И за это время отправил из Венгрии на смерть более 400 000 евреев. По его собственной оценке — 450 000.

ЭЙХМАН. Венгерское правительство было ведь свергнуто при вторжении. А Визлицени и раньше нередко приезжал в Венгрию из Словакии. Во всяком случае, он был знаком с Ласло Эндре и Ласло Бать, которые стали статс-секретарями министерства внутренних дел. И в непринужденной беседе за стаканом венгерского вина я сообщил им, что Гиммлер отдал приказ немецкой полиции и что он будет рад, если венгерских евреев эвакуируют с востока на запад и отправят в Освенцим. Затем я объяснил им, чего хочет рейхсфюрер: предельный возраст 60 лет, не надо нетрудоспособных мужчин, нетрудоспособных женщин и детей; питание на два дня, жестокого обращения по возможности избегать.

Венгерская полиция и провела в Будапеште эти мероприятия с евреями. В гетто было в то время просторно. У венгров не было того, что происходило в генерал-губернаторстве, — этой тесноты, скученности. Но конечно, появились те же наспех сколоченные бараки. Доктору Эндре пришлось договариваться с венгерской жандармерией, потому что там возникли разногласия — они хотели брать всех подряд, без ограничения возраста. К командованию венгерской жандармерии был прикомандирован в качестве наблюдателя от германской полиции безопасности один из моих людей; его задачей было следить, чтобы директивы соблюдались.

ЛЕСС. И куда отправляли этих людей?

ЭЙХМАН. По приказу Гиммлера, эшелоны шли все до одного в Освенцим, все до одного. Никуда больше направлять их не разрешалось. Несколько раз венгерская жан-

дармерия грузила людей в вагоны, не ставя нас в известность, и наш наблюдатель не мог своевременно быть на месте. А там заталкивали в вагоны силой. А ведь в директивах было установлено максимальное число — сколько сажать в один вагон. И Освенцим жаловался по этому поводу в Главное управление делами и хозяйством. А главное управление пересылало в отдел IV В 4 жалобы, что, во-первых, нарушаются директивы, что людей в пути не кормили и они чуть не умирали с голоду и что их даже били.

ЛЕСС. Вы получили также директивы о сборе имущества депортированных евреев?

ЭЙХМАН. Нет, это вообще не касалось германских служб. Этим занимались венгерские учреждения. Мы не имели права в это вмешиваться. Я стараюсь вспомнить, как было с командами сопровождения. Я почти уверен, что по венгерской территории до австрийской границы эшелоны сопровождала венгерская жандармерия, а там их принимала немецкая полиция. А роль, которую играли в Венгрии я лично и мои подчиненные, была, собственно говоря, пассивной. Наблюдатели присутствовали. Я сам ни разу не выезжал на место. Я не осмотрел ни одного эшелона. У меня не было такого приказа, а что мне по таким делам не приказывали, того я и видеть не хотел.

ЛЕСС. Я опять цитирую из воспоминаний Гёсса, английское издание; вот что он пишет о вашей деятельности за границей:

«Если иностранное правительство давало согласие на выдворение своих евреев, оно поручало какой-то официальной инстанции организовать их арест и выдачу. Затем Эйхман обсуждал непосредственно с этой инстанцией вопросы транспортировки и делился своим опытом в части арестов. В Венгрии, например, акции проводились министерством внутренних дел и полицией. Эйхман и его коллеги контролировали организацию дела и вмешивались только в том случае, если венгры действовали медленно или халатно. Штаб Эйхмана должен был также поставлять подвижной состав и согласовывать расписание с министерством путей сообщения. По приказу Поля, начальника Главного управления хозяйством и делами СС, а тем самым — и концлагерей, я трижды

приезжал в Будапешт, чтобы получить приблизительное представление об ожидаемой численности трудоспособных евреев. Это давало мне возможность наблюдать методы Эйхмана при ведении переговоров с отделами венгерского правительства и военными. Держался он решительно и по-деловому, но дружелюбно и вежливо. Куда бы он ни пришел, с ним охотно имели дело. Это подтверждается бесчисленными личными приглашениями, которые он получал от руководителей этих отделов. Эйхман был совершенно убежден в том, что если ему удастся уничтожить биологическую базу евреев на Востоке, то от этого удара еврейство в целом никогда больше не оправится. Он был совершенно одержим своей миссией и убежден в том, что акция истребления необходима, чтобы на будущее обезопасить немецкий народ от деструктивных намерений евреев. Он был также явным противником отбора из эшелонов работоспособных евреев. Он считал это препятствием для окончательного решения еврейского вопроса, которое должно быть проведено как можно скорее, поскольку невозможно предвидеть исход войны. Уже в 1943 г. он сомневался в полной победе Германии».

Желаете проглядеть и высказаться об этом?

ЭЙХМАН. Если бы у меня был красный карандаш, господин капитан, я бы подчеркнул все, что является притянутым за волосы враньем. Это настолько несерьезное изложение, что я... И так прозрачно, словно он здесь ну прямо ожил. Меня уже не сердит, что он надеется нанести мне вред таким количеством лжи. Я уже за это время все прошел, что касается таких текстов. Если желаете, господин капитан, я выскажусь обо всем.

ЛЕСС. Вы не обязаны это делать.

ЭЙХМАН. Я в принципе отвергаю это целиком как неправду. Это... у меня слов нет, а ведь все одно к одному.

ЛЕСС. Вы созывали в Будапеште, вскоре после вашего прибытия, совещание еврейских функционеров, на котором заявили им, что никаких намерений депортировать евреев не существует?

ЭЙХМАН. Если меня послали в Венгрию, господин капитан, с целью депортации, то я и не говорил еврейским функционерам, что ее не будет. И я никогда не врал еврей-

ским функционерам. За время многолетнего общения, которое было у меня с еврейскими функционерами, не найдется, наверное, ни одного, кто мог бы меня упрекнуть, что я ему лгал.

ЛЕСС. В течение какого периода, за какие месяцы были депортированы из Венгрии в Освенцим или депортированы вообще упомянутые вами «приблизительно 450 000» евреев?

ЭЙХМАН. Может быть, может быть... депортации... я прикидываю теперь... начались не раньше конца апреля 1944 г. Может быть, даже в начале мая. Шли по составленному расписанию, потом вдруг начались осложнения, потом пошло дальше, в общем, все время по-разному. А вот когда закончились, этого я уже не могу сказать. Может быть, в октябре.

ЛЕСС. А что вам известно о поездке Йозеля Бранда, вызванной вашим предложением об обмене миллиона евреев на 10 000 грузовых автомашин?

ЭЙХМАН. Господин капитан, насколько я могу вспомнить, господин капитан, это дело... оно возникло от Гиммлера. Я теперь не представляю себе, кто... кем был этот Йозель Бранд. Может быть, я его и видел, но только... только мельком, может, один-два раза. Он ведь тогда сразу уехал. Деталими занимался Крумай. Я знаю только, что речь шла о миллионе евреев, которых надо было доставить в какой-то пункт и освободить в обмен на десять тысяч грузовиков, пригодных к зимней эксплуатации, с обещанием не использовать их на западном фронте. Это было основное, и я полагаю... я думаю, что примерно в это время Гиммлер сказал, что он хотел бы... хотел переговорить с доктором Хаимом Вейцманом.

ЛЕСС. Как отнеслось венгерское правительство к предложению обменять миллион евреев на 10 000 грузовых машин?

ЭЙХМАН. Ну, оно же, я думаю, ничего об этом не знало. Заметили ли они потом, мне неизвестно — ведь за каждым нашим шагом следили венгерские службы.

ЛЕСС. Когда с вашего согласия Йозель Бранд уезжал за границу, чтобы сообщить там о вашем предложении, вы ему обещали, что за время его отсутствия евреев депортировать не будут?

ЭЙХМАН. Какая-то договоренность была, господин капитан, о чем-то. Но я теперь уже не знаю даже, что он написал об этом в своей книге. Потому что в то время чуть не каждый день то и дело приходил д-р Кастнер. Я должен был что-то решать с венгерскими инстанциями, чтобы они тут... чтобы я мог как-то прояснить дело. Я уже не могу вспомнить подробности.

ЛЕСС. Я хочу прочесть вам теперь несколько мест из составленного доктором Кастнером отчета еврейского комитета спасения. Вот он пишет:

«После отъезда Бранда и Гроса в Стамбул, я пришел вместе с Ханси Бранд (жена Йоэля) к Эйхману. Мы знали, что перед нами — главный режиссер истребления евреев. Но и возможность помочь нам находилась в его руках. Он и только он решал — казнить или миловать. Мы откровенно говорили с ним о зверствах в гетто и в эшелонах, увозивших людей. Мы спросили его, почему назначенных на депортацию из провинции не везут в Будапешт, как обещал Крумай. Мы сказали ему, что в таких условиях вряд ли можно вести обнадеживающие переговоры с заграницей.

Он лгал нам о своей симпатии к сионистам. О конкретных вопросах он сказал: если и было такое, что в Прикарпатье напихали в вагон 90 человек, то это потому, что в этой местности у евреев слишком много детей, а детям нужно меньше места. К тому же здешние евреи невзыскательны. Что приостановить депортацию — об этом не может быть и речи. Не надо считать его дураком. Потому что если он приостановит депортацию, то за граница вообще не станет вести с ним никаких переговоров. Мы должны энергичнее заняться переговорами в Стамбуле, потому что он не даст вводить себя в заблуждение, а его терпение имеет пределы».

ЭЙХМАН. Я не могу вспомнить обо всем этом. Вполне возможно, большая часть здесь — правда, и вполне возможно также, что обстоятельства излагаются субъективно, так сказать, — в русле, представляющемся автору приемлемым. Что я приостановлю депортацию — это конкретное утверждение, разумеется, неправда. А правдой может быть, что я сказал: я не могу ее остановить, потому

что не я отдал приказ о ней. Я получил приказ, и я всего лишь... исполнитель.

ЛЕСС. Речь здесь идет, однако, о поездке Йоэля Бранда. Если депортация в то время продолжалась, это не могло не препятствовать миссии Бранда. А вы на это, как утверждает здесь Кастнер, ответили, что не остановите ее.

ЭЙХМАН. Если это так — я принимаю сейчас, что я так говорил, — то, значит, инстанция, которая дала согласие на это дело, отдала и соответствующий приказ.

ЛЕСС. Я читаю вам, что пишет д-р Кастнер в другом месте:

«Эйхман вернулся к себе на службу в одиннадцать часов. Я сразу же попросил доложить обо мне. Через полчаса он велел меня позвать. Позади него стоят — это его ближайшие сотрудники, его штаб — Крумай, Визлицени, Гунше и Новак. Эйхман начинает орать. Я молчу. Нужно, чтобы сначала прошел припадок бешенства. Понятно, что стоит теперь на кону. Дело уже не в спасении нескольких сот евреев из провинции. Если теперь, прямо сейчас, не удастся уговорить Эйхмана уступить, то «Ваада», наша тайная сионистская организация, окажется точно в таком же дурацком положении, как многие до нас в оккупированной Европе, кто поставил в этой рулетке жизнь людей на немецкую карту. Уплатенные миллионы окажутся пшиком. А проигравшего назовут еще и предателем. «Чего вы, собственно, хотите?» — спрашивает наконец-то Эйхман. Цитирую Кастнера: «Я должен настаивать на том, чтобы наши договоренности соблюдались. Вы согласны привезти в Будапешт из провинции предложенных нами людей?» Я цитирую Эйхмана: «Если я сказал «нет», значит, нет!» Цитирую Кастнера: «Тогда для нашей стороны нет смысла вести переговоры дальше». Я делаю вид, будто хочу уйти. Цитирую Эйхмана: «Ваши нервы сдают, Кастнер. Я вас пошлю в Терезиенштадт, чтобы вы отдохнули. Или вы предпочитаете Освенцим? Поймите же меня. Я должен убрать это еврейское дерьмо из провинции. Тут не помогут никакие доводы и рыдания». Цитирую Кастнера: «Тогда наши доводы не помогут и Бранду на его переговорах в Стамбуле». Цитирую Эйхмана: «Чего же вы от этой пары евреев хотите?» Цитирую Кастнера: «Дело не только в них. Дела в Стамбуле плохи, потому что вы

форсируете депортацию. Вы же должны подтвердить серьезность ваших предложений!» Цитирую Эйхмана: «Но поймите же, я не могу отвечать за это перед венгерским правительством. Я обещал Ласло Эндре, что ни один еврей не вернется живым»...

ЭЙХМАН. Это очень театрально, очень театрально описано. Я должен... я опять должен сказать. Здесь есть зерно правды, но с очень многими... много приписано, приукрашено. Очень многое добавлено и приукрашено. Эти крепкие выражения — я их вряд ли употреблял. А о конкретном содержании я, конечно, ничего не знаю. Предлагал я ему отправляться в Терезиенштадт или нет? Я этого не знаю.

ЛЕСС. Я еще раз цитирую д-ра Каствнера; должно быть, это примерно в июне 1944 г., о чем он пишет.

«Я обратил внимание Эйхмана на то, что уничтожение депортированных евреев в Освенциме поставило нас, «Вааду», в ужасное, невыносимое положение по отношению к зарубежным еврейским организациям и к союзникам. «Наш моральный кредит подорван. За границей никто больше не верит, что план спасения принимался когда-либо всерьез германской стороной». — «Как вы это себе представляете? — рычал Эйхман. — Может, вы думаете, что у рейха столько продовольствия, чтобы месяцами кормить сто тысяч венгерских евреев? Медицинский персонал и врачи, чтобы лечить ваших больных?». Я спросил (цитирую Каствнера): «Что произойдет, если не сегодня-завтра в Стамбуле будет заключено соглашение? Ведь если вы пошлете венгерских евреев в газовые камеры, чем вы будете расплачиваться за грузовики?» Цитирую Эйхмана: «Можете не беспокоиться! Там есть дети от двенадцати до четырнадцати лет. Через год-два они сгодятся для работы. Но я могу отдать и польских евреев или из Терезиенштадта. Так что за меня можете не беспокоиться». Цитирую Каствнера: «Я убежден в том, — сказал я, — что этим вы не принудите границу к соглашению. Вы вообще заинтересованы во всем этом деле? Вы должны представить доказательства вашей доброй воли. Я делаю вам предложение: мы требуем безопасности для ста тысяч венгерских евреев, включая малолетних детей, стариков и больных. В под-

тверждение нашей готовности идти на жертвы, мы предлагаем за это примерно пять миллионов швейцарских франков в виде драгоценностей, иностранной валюты и венгерских пенго. Ценности передаем постепенно, по мере ответных действий».

Помните такое?

ЭЙХМАН. No! Может быть, он мне и делал такое предложение. Я не хочу отрицать, потому что я этого не помню. Но ведь у меня был в конечном счете приказ: 10 000 грузовых автомашин = один миллион евреев. И это дело было для меня, я бы сказал... это же был приказ! Больше я об этом ничего сказать не могу.

ЛЕСС. А другие сделки?

ЭЙХМАН. Бехер договаривался с д-ром Кастнером о каких-то поставках, и за это Бехер обещал ему определить контингент, который сможет эмигрировать в Палестину. Кастнера интересовали только молодые евреи из восточных областей Венгрии. Эти группы надо было пропустить нелегально и без ведома венгерского правительства через румынскую границу. Кажется, однажды д-р Кастнер пришел с чемоданом иностранной валюты. Но тут про эти дела узнала венгерская тайная полиция, как раз про чемодан с деньгами. В то время сотрудничество с венгерской полицией делалось особенно затруднительным.

ЛЕСС. Что же тогда сделали с деньгами?

ЭЙХМАН. Я этого не знаю, господин капитан. Это шло через управление командующего полицией безопасности и СД в Будапеште.

ЛЕТОПИСЕЦ. В Будапеште Эйхман завел ту же, опробованную уже в Вене, Праге и Берлине систему — привлек членов совета еврейской общины к выполнению своих целей, объясняя им, что таким образом они помогут избежать еще больших бед. Адвокат д-р Режé Кастнер, один из руководителей организации венгерских евреев, особенно старался заручиться доверием Эйхмана, намереваясь провести под его прикрытием операцию спасения. Он и торговец вязаными изделиями Йозель Бранд старались, используя ситуацию, побудить как можно больше евреев эмигрировать в Палестину. Считали они предложенный ими выкуп серьезным ходом или только пытались оттянуть таким образом массовые убийства, надеясь на скорый конец войны, —

значения не имеет. Важнее другое: Гиммлеру было доложено об этом предложении, и он уполномочил Эйхмана вести переговоры с Кастнером и Брандом. Оба они старались поддержать впечатление, будто тесно связаны с «Центром мирового еврейства» (существовавшим лишь в воображении нацистов) и с президентом Всемирной сионистской организации д-ром Хаимом Вейцманом, поэтому Гиммлер и намеревался использовать их в своей двойной игре. Он и предложил остановить «ликвидации», если ему дадут грузовые автомашины для войск СС. Выдвигая такое требование, он одновременно как бы страховал себя от возможных обвинений Гитлера.

На самом же деле Гиммлер, вероятнее всего, надеялся войти через этих людей в контакт с Вейцманом и с западными союзниками, чтобы заручиться поддержкой своего плана — захвата власти с концом господства Гитлера в Германии. Но сделка не состоялась. Миссия Йозеля Бранда потерпела фиаско.

ЛЕСС. Вы угрожали еврейским функционерам в Будапеште, что, если Бранд вернется ни с чем, вы снова запустите «мельницу» в Освенциме на полный ход?

ЭЙХМАН. Я никогда не угрожал ни одному еврейскому деятелю. Ни в Венгрии, ни в какой другой стране. А «мельницу в Освенциме» — это выражение я услышал в первый раз, когда в тысяча девятьсот... наверное, в 1947-м... в немецком городке в Люнебургской пустоши шел фильм, который так назывался: «Освенцимская мельница». Так что если кто-то мне приписывал, будто я грозил «мельницей в Освенциме», то я... мне уже ясно, что это неправда.

ЛЕСС. Когда вы прибыли с вашей оперативной группой, «зондеркомандой», 19 марта 1944 г. в Венгрию, там у руля было правительство Дёме Стояи. В июле его сменило — до середины октября 44-го — правительство генерала Гезы Лакатоша. Вы это помните?

ЭЙХМАН. Уже не помню. Но простите, ведь с теми, кто на самом верху, я тоже не имел никаких дел. А единственным лицом, которого я держался, был статс-секретарь Эндре.

ЛЕСС. Верно ли, что в течение нескольких месяцев, с июля по октябрь, депортация евреев не проводилась, потому что правительство Лакатоша было против?

ЭЙХМАН. Что в течение целого квартала не ушел ни один эшелон?.. Мне кажется, что перерыв был не таким долгим, господин капитан. Что все время возникали трудности, это я тоже знаю, но знаю, что они были не столько из-за венгерского правительства, сколько из-за того, что железные дороги постоянно выходили из строя, их бомбили.

ЛЕСС. Вы помните, что потом произошел государственный переворот, что Хорти был свергнут?

ЭЙХМАН. Да, конечно, конечно, верно!

ЛЕСС. И что к власти пришел Салаши?

ЭЙХМАН. Да, это верно. Так точно, это я теперь вспоминаю.

ЛЕСС. И депортации начались снова?

ЭЙХМАН. Наверное, это так, наверное, так.

ЛЕТОПИСЕЦ. Путч 15 октября 1944 г. был инсценирован немцами. Регент Хорти желал прекратить явно проигранную и ставшую бессмысленной для его народа войну и поручил своему сыну Миклошу начать переговоры о перемирии. Гитлер приказал арестовать их обоих. Сын попал в концлагерь Маутхаузен, отца держали в заточении в замке Гиришберг в Баварии. В Венгрии власть была захвачена фашистским движением «Скременные стрелы», его вождь Ференц Салаши стал премьер-министром.

Регент Хорти не препятствовал тому, что венгерских евреев сгоняли в «рабочие команды», но, когда убедился, что депортированных убивают, запретил проводимые Эйхманом депортации. Ну а при Салаши можно было убивать снова.

ЛЕСС. Не была ли вся ситуация в Венгрии в отношении депортации евреев своего рода диктатом со стороны Германии, которому венгерские инстанции должны были подчиниться?

ЭЙХМАН. Господин капитан, но я — ха-ха-ха, позволю себе сказать — я никогда не находил, что это был диктат. По меньшей мере, до уровня статс-секретаря я такого не видел. Скорее уж наоборот.

ЛЕСС. Я показываю вам теперь выдержку из материалов судебного следствия в Народном суде Венгрии на процессе по делу Стояи и его сообщников в апреле 1946 г. Здесь имеется такая фраза, я цитирую: «Во время допроса Сто-

яи рассказал, что Эйхман сообщил венгерскому правительству детали, относящиеся к решению еврейского вопроса в Венгрии».

Хотите высказаться об этом?

ЭЙХМАН. Так точно. Я понимаю этот текст так, что тогдашний премьер-министр решил все дело вместе с Кальтенбруннером и имперским уполномоченным по Венгрии группенфюрером СС Везенмайером на высшем уровне. Стояи сказал, что Эйхман сообщил детали, относящиеся к решению еврейского вопроса в Венгрии. Далее Стояи сообщил, что Кальтенбруннер хотел, чтобы еврейский вопрос в Венгрии решался по германскому образцу. Это то самое, что говорю я, господин капитан. У меня был тогда приказ позаботиться о том, чтобы Венгрию прочесали с востока на запад. Мне не надо было определять детали, потому что венгерская жандармерия получила приказ, что ей делать, по инстанции, от Эндре. Моя деятельность в Венгрии была, как я уже позволил себе заметить, скорее сдерживающей, потому что Главное управление делами и хозяйством СС возражало против этих — скажем так — способов и темпов проведения акции.

ЛЕСС. Сообщая о деталях, вы упоминали, что евреев везут в лагерь уничтожения? В Освенцим?

ЭЙХМАН. В Освенцим? Конечно; но под венгерским правительством, которое я об этом информировал, следует понимать, разумеется, статс-секретарей Ласло Эндре и Ласло Бать.

ЛЕСС. Когда эшелоны прибывали в Освенцим, то перед тем, как депортированные поступали в лагерь, разве не проводилась «селекция», после которой большая часть попадала в газовые камеры?

ЭЙХМАН. Да, господин капитан, но ведь там требовались только пригодные для работы. Я с самого начала был того мнения, что из Венгрии надо везти только трудоспособных. Однако здесь я убедился, что из Венгрии шли эшелоны с евреями, нетрудоспособность которых была очевидна. И поэтому приехал Гёсс...

ЛЕСС. Если бы все они были пригодны для работы, их бы не подвергали селекции.

ЭЙХМАН. Конечно нет. Но кто пригоден, а кто нет, решал не я. Мне надлежало решать — до какого возраста. Я

ведь эти директивы не сам сочинил, я их получил, как я уже несколько раз объяснял, сверху, от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции через начальника... начальника полиции безопасности и СД.

ЛЕСС. В лагерь уничтожения эвакуировали большое число многодетных семей?

ЭЙХМАН. Я... я этого не знаю, господин капитан. Я этого не знаю. Не хочу казаться глупее, чем я есть. Из документов, которые я здесь видел, из того факта, что жаловался комендант Гёсс, вроде бы следует, как я подозревал и раньше, — ясное дело, эти ребята сгоняли всех в одну кучу.

ЛЕСС. Не была ли вся эта терминология насчет использования на работах своего рода маскировкой? Чтобы скрыть настоящую цель?

ЭЙХМАН. Нет, нет, нет. Во время Венгрии... венгерское дело, господин капитан, уже нет. Нет, нет!

ЛЕСС. Только раньше?

ЭЙХМАН. Если и было, то... Раньше всегда говорилось про работоспособных — только за границей. А в генерал-губернаторстве и в оккупированных восточных областях, это я знаю, там такого различия не было.

ЛЕСС. Я показываю вам документ обвинения 11-го Нюрнбергского процесса военных преступников. Это телеграмма из Будапешта от 17.6.1944 г. В строке «евреи» здесь значит: «Общее число отправленных в рейх 326 009».

ЭЙХМАН. Число, если его приводит имперский уполномоченный по Венгрии Везенмайер, должно соответствовать. Значит, он получил его от меня или от кого-то из моих людей.

ЛЕСС. Был ли в Венгрии закон, который легализовал депортацию евреев в Германию и оккупированные Германией восточные области?

ЭЙХМАН. Венгерский закон, чтобы... Господин капитан, сегодня я уже не могу на это ответить. Потому что... моя... правильнее сказать, легальная деятельность германских ведомств в Венгрии заключалась в следующем: во-первых, отдача приказов, которые я получал, а во-вторых... ну, что все работы, которые с этим были связаны, проводились через статс-секретариат венгерского министерства внутренних дел.

ЛЕСС. Существовал ли в Германии, Австрии, Богемии и Моравии такой закон, на основании которого разрешалось бы депортировать в концентрационные лагеря массу евреев, цыган и неевреев?

ЭЙХМАН. Да, это приказ фюрера и рейхсканцлера. Я лично его не... я получил приказ не от него, а от начальника герман... от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, который, поскольку дело относилось к области безопасности, передал его шефу полиции безопасности и СД, от которого я и получил по служебным каналам, в пределах моей деят...

ЛЕСС. Когда я говорю «закон», то имею в виду то, что содержится в своде законов, публиковалось в имперском бюллетене или иное постановление такого же рода.

ЭЙХМАН. Это же не... Этого же не требуется. Имперский закон не нужен, господин капитан. Ведь существуют указы. Существуют приказы. И ведь считалось... не только считалось, это был непреложный факт, что «слово фюрера имеет силу закона», — на это ссылались. Приказы, которые отдает командующий, генерал, — они ведь тоже не печатаются в сборнике законов.

ЛЕСС. Значит, было... Это было под грифом «государственная тайна»?

ЭЙХМАН. Государственная тайна, так точно!

ЛЕСС. Был ли в Германии закон, легализовавший массовое умерщвление газом и массовые расстрелы евреев, цыган и неевреев?

ЭЙХМАН. Был приказ Гитлера, о котором мне, например, сообщил однажды сам начальник полиции безопасности и СД обергруппенфюрер Гейдрих, как я об этом уже рассказал на допросе. И у меня не могло быть сомнений, может ли фюрер и рейхсканцлер Германской империи отдать такой приказ. И обергруппенфюрер Гейдрих тоже не позволил бы себе такого.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Такими свирепыми, как их описывает Эйхман, венгерские жандармы, конечно, не были, но нельзя отрицать, что настроены они были по отношению к евреям не слишком дружественно. А глава государства адмирал Хорти вряд ли так уж противился тому, чтобы путем принудительных мер в области экономики лишить еврейских граждан своей страны за-*

конной защиты. Но только вынужденно, под давлением Гитлера, он разрешил немцам брать их на принудительные работы. А когда ему стало ясно, что большинство депортированных сразу по прибытии в лагерь убивают, он постановил 26 июня 1944 г. прекратить депортацию и освободить от должности статс-секретарей Эндре и Бать, поставщиков Эйхмана в венгерском министерстве внутренних дел. А без венгерских жандармов немецкие охотники за евреями были практически беспомощны — они лишались исполнителей. Кроме того, Хорти потребовал от правительства рейха, чтобы оно отозвало в Германию гестаповцев, особенно — оперативную группу, «зондеркоманду» Эйхмана. Гиммлер, казалось, пошел на уступки: 25 августа он запретил дальнейшую депортацию евреев из Венгрии в рейх, т.е. в Освенцим, а 28 сентября 1944 г. издал приказ о роспуске «зондеркоманды» Эйхмана. Но тот мог не торопиться, зная, что он и его люди скоро понадобятся снова. Гиммлер хотел, прежде всего, хоть немного смягчить впечатление от происходящего с венгерскими евреями. От человека, которому было дано такое поручение, не должно было пахнуть трупами.

Таким был штандартенфюрер СС Курт Бехер, занимавшийся в штабе германского начальника СС и полиции хозяйственными делами. Еще в мае 1944 г. он отличился в Венгрии «аризацией» машиностроительных заводов «Манфред Вайс».

ЛЕСС. Штандартенфюрер Курт Бехер имел полномочия воспрепятствовать депортации евреев из Венгрии?

ЭЙХМАН. Господин капитан, с Бехером... с Бехером я сначала не совсем... Если это интересно, то я могу коротко описать — дела этого Бехера!

ЛЕСС. Пожалуйста, разумеется.

ЭЙХМАН. Бехер пришел ко мне — я его раньше не знал — в первые же дни в Будапеште. Сказал ли он мне уже тогда, что у него специальное поручение Гиммлера, этого я не помню. Он, мол, должен проталкивать здесь хозяйственные дела войск СС, и мы постоянно совещались тройкой: д-р Кастнер, Бехер и я. Лейтмотив этих обсуждений был всегда один: контингенты евреев для отъезда в Палестину, а Бехер, в соответствии со своим заданием, настаивал на каких-то вознаграждениях за это. Несколько раз д-р Кастнер как-то пробивал небольшие группы; кажется, он даже сказал мне, что у него спрятаны в раз-

ных местах евреи и чтобы германская сторона имела в виду, что венгерская жандармерия не выдаст эти места гестапо.

Однажды, будучи в Берлине, я доложил группенфюреру Мюллеру о Бехере, поскольку Бехер не раз... ну, скажем... э-э... демонстрировал такие полномочия, которые никак не соответствовали его принадлежности к войскам СС. Ведь немыслимо, чтобы служащий войск СС присваивал себе полицейские полномочия. Мюллер не сказал мне ничего конкретного, он хотел сам поговорить с ним. Я так и сказал Бехеру, но, наверное, он туда не пошел. Только когда меня вызвали вместе с Бехером к рейхсфюреру, я сразу понял: ясно как дважды два, что он действует в Венгрии по приказу Гиммлера. С течением времени учреждение Бехера в центре Будапешта все расширялось.

ЛЕСС. Но полномочий прекратить депортацию у него не было? ЭЙХМАН. Не было, этого... нет, не было.

ЛЕСС. Утверждал ли он что-либо подобное в беседах с вами?

ЭЙХМАН. Однажды он — это было, когда я на него очень рассердился, — он накричал на д-ра Кастнера: «Если того-то и того нет, то я велю оберштурмбаннфюреру Эйхману, чтобы он немедленно эвакуировал...» — я не помню, сказал он десять тысяч евреев или сколько. Я подумал тогда: это уж слишком! Во-первых, он как служащий войск СС не может приказывать полиции эвакуировать десять тысяч евреев, он даже не может приказывать эвакуировать двух евреев! Во-вторых, такое его поведение чрезвычайно меня оттолкнуло, так что я даже поставил в известность об этом случае группенфюрера Мюллера. Не могу не заметить теперь, что Бехер вел себя совершенно беспринципно. То и дело ссылался на некий «приказ рейхсфюрера», который он может исполнить только в том случае, если эвакуация будет идти полным ходом. Он желает знать, что мы подгоняем эвакуацию, раз-два и готово! Что такова, мол, воля рейхсфюрера.

ЛЕСС. Какими были ваши личные отношения с Бехером?

ЭЙХМАН. С Бехером? Они были хорошими — за исключением этой истории, когда я так на него рассердился. Область его задач в Венгрии была — не знаю, верно ли я

выбрал выражение, — ликвидация собственности концерна «Манфред Вайс». Манфред Вайс был самым крупным промышленником Венгрии, в каком-то смысле — «венгерский Крупп», и Бехер занял там, кажется, место директора или что-то в этом роде. Во всяком случае, он мне сам так сказал однажды. Семью хозяина Манфреда Вайса он... Наверное, они улетели самолетом в Швейцарию. Сам Гиммлер вместе с ним занимался всем этим делом с компанией «Манфред Вайс». Так мне сказал Бехер.

ЛЕТОПИСЕЦ. В некоторых пунктах Эйхман заблуждается. Сын гамбургского торговца, Бехер вначале имел задание закупить лошадей для воинских частей СС. Один из его венгерских партнеров попросил его оказать помощь евреям, членам семьи умершего основателя венгерского концерна Манфреда Вайса, которые боялись проводимой Эйхманом депортации. С другой стороны, Гиммлер желал сколотить эсэсовский промышленный концерн, прибыль от которого дала бы возможность сделать военные формирования СС материально независимыми. По договору, заключенному в середине мая, наследники Вайса уступали хозяйственным предприятиям СС более половины акционерного капитала. За это 48 членов семьи были доставлены двумя немецкими самолетами в Португалию. Операции Бехера на этом не кончились. Эйхмана он о них информировал — безусловно, умышленно — лишь частично. Эйхман видел в Бехере врага, злоупотребляющего полученными от рейхсфюрера СС полномочиями с целью спасти от истребления слой самых авторитетных, самых богатых и поэтому, согласно нацистской идеологии, самых опасных евреев. Разногласия между Эйхманом и Бехером и побудили Гиммлера вызвать их обоих в свою ставку.

ЛЕСС. Вот документ обвинения 11-го Нюрнбергского процесса военных преступников. Он из министерства иностранных дел и касается отправки 318 венгерских евреев в Швейцарию.

ЭЙХМАН. Да, речь идет о нелегальном переходе, и мне кажется неверным, если там говорится, что вопрос согласован между рейхсфюрером СС и оберштурмбаннфюрером Эйхманом лично и только устно. А правильнее

должно быть: со штандартенфюрером Бехером. Он, собственно, договаривался с д-ром Кастнером. Ведь именно о таком деле идет здесь речь. Я не имею никакой возможности сказать что-либо о том, в чем состояла коммерческая сторона. Об этом лучше всего было бы послушать Бехера.

ЛЕСС. Почему Бехера? Ведь здесь говорится о сообщении, сделанном сотруднику МИДа Таддену вашим отделом. Оно основано на том, что между Гиммлером и вами состоялась беседа, а Бехер вообще не упоминается.

ЭЙХМАН. Да, было так, что... ну, потому что вызвали к рейхсфюреру — к Гиммлеру вызвали как Бехера, так и меня. Мы были там у Гиммлера вместе; только потом его вызвали к Гиммлеру еще раз одного. О чем они там условились, я не знаю. Но я эту переброску в Швейцарию не проводил. Я должен был только сказать пограничной службе, чтобы им не чинили препятствий, и позаботиться о прикрытии с венгерской стороны.

ЛЕСС. Вы не вели соответствующих переговоров с еврейскими деятелями?

ЭЙХМАН. С доктором Кастнером, например, — постоянно.

ЛЕСС. О каких эквивалентах шла там речь?

ЭЙХМАН. Вот этого я не знаю, господин капитан. Суммы, экономическая сторона дела, меня... не входила в задачи моей команды, этим занимался Бехер. Меня могла интересовать только полицейская сторона дела. Никаких, никаких других дел ни с одним еврейским деятелем мы не имели; торговаться — это была задача команды Бехера.

ЛЕСС. И ваш отдел так сплеховал, что сообщил МИДу об отъезде евреев, согласованном вами устно с Гиммлером?

ЭЙХМАН. Да, но дело в том... Сведения наполовину верны, господин капитан, я ведь был с Бехером у рейхсфюрера. Нас ведь вызвали к нему обоих. Ну, и было разделение задач; один должен был позаботиться об одних делах, другой — о других делах. Бехер никак не мог, к примеру, обеспечить надежный переход евреев через границу. Это было в ведении моей команды.

ЛЕСС. Когда состоялась эта беседа с Гиммлером?

ЭЙХМАН. Я думаю, был конец мая или июнь 1944 г. Ставка Гиммлера была тогда где-то на западе Германии. Поезд

стоял неподалеку от туннеля, и при воздушной тревоге его уводили в туннель. Туда мы ехали из Будапешта на двух машинах, Бехер на своей, я на своей, и время от времени мы садились вместе, чтобы можно было поговорить. Бехер вез — он мне сам показал — золотую цепь, которую хотел передать Гиммлеру для его подруги. У нее был ребенок от Гиммлера. Я такое вообще в первый раз услышал.

ЛЕТОПИСЕЦ. Тут Эйхман снова ошибается. Прежде всего, в дате: он поехал в ставку Гиммлера гораздо позже, в декабре 1944 г. Так говорит не только его попутчик Курт Бехер, в то время оберштурмбаннфюрер, но и сам Эйхман косвенно подтверждает это своим описанием ситуации. Лишь незадолго до конца года Гиммлер принял на себя командование германской обороной на юго-западном направлении, простиравшейся от швейцарской границы, через Эльзас до Пфальца. Рейхсфюрер СС находился со своим личным штабом — как и до того на Восточном фронте — в специальном поезде, стоявшем на шварцвальдской железной дороге у Триберга (между Рейнталем и Донауэшингеном). При сообщениях о налете вражеской авиации поезд скрывался в одном из туннелей этой горной дороги.

Любовницу Гиммлера звали Хедвиг Поттгаст. Она в течение многих лет была его секретаршей, имела от него двух детей и жила неподалеку от Берхтесгадена в доме, который он распорядился построить специально для нее — в основном на ссуженные Борманом партийные деньги.

ЭЙХМАН. Гиммлер приказал мне доложить ему о делах. Потом он сказал в присутствии Бехера, что в отношении исхода войны он настроен оптимистически. Он сказал далее, что если бы все это пришлось ему делать еще раз, то он построил бы всю систему концентрационных лагерей не в теперешнем виде, а по английскому образцу. Я теперь не могу уже точно вспомнить, но я думаю, что во время этой беседы он сказал, что отдал приказ прекратить удушение газом, или — что он даст такой приказ.

ЛЕСС. Вы были награждены крестами второй и первой степени «За военные заслуги»? Вы помните, когда вы их получили?

ЭЙХМАН. Я получил... да, за... Мне надо вспомнить с самого начала, господин капитан. За дело с военным госпиталем я получил Железный крест второй степени. А незадолго до этого я получил... Крест «За военные заслуги» первой степени с мечами... я получил, когда вместе с Бехером... когда с Бехером был у рейхсфюрера.

ЛЕСС. Эта была награда за вашу работу в Венгрии?

ЭЙХМАН. Эти, господин капитан, кресты «За военные заслуги» — не столько награда, их ведь просто... Железный крест второй степени считался в полиции безопасности наградой, а кресты «За военные заслуги» просто раздавали время от времени в полиции безопасности, сверху донизу, столько-то штук.

ЛЕСС. Вот у меня показания Курта Бехера, которые он дал на допросе 10 июля 1947 г. Я читаю вам некоторые места, где он упомянул о вас:

«Теперь я хотел бы сказать еще о беседе с Гиммлером, которая была у нас вместе с Эйхманом в его ставке в Триберге». Бехеру был задан вопрос: «Когда?» Его ответ: «Должно быть, в первой половине декабря 1944 г. Господин Гиммлер принимал господина Эйхмана в моем присутствии в течение десяти минут и кричал на него: «Если вы до сих пор убивали евреев, а теперь я приказываю вам заботиться о евреях, то извольте доложить, исполните вы этот мой приказ или нет». Господин Эйхман сказал: «Так точно, рейхсфюрер!» — и замер. Затем, после обсуждения, Гиммлер отпустил его, а я остался. Тут я умолял Гиммлера чуть не на коленях: «Ради Бога, поправьте дело с Эйхманом, пока он не уехал из вашей ставки; он ведь сделает всё вопреки вашим приказам, он и дальше будет их... Я знаю способ: наградите его крестом «За военные заслуги» первой степени с мечами!» И господин Эйхман был награжден тогда крестом «За военные заслуги» первой степени с мечами. И господин Эйхман смирился».

Вот такие показания Бехера.

ЭЙХМАН. Он здесь использует тот факт, что рейхсфюрер СС и начальник германской полиции наградил меня крестом «За военные заслуги» первой степени с мечами, чтобы показать... Просто киносценарий какой-то, а не допрос, где он обязан говорить правду. Это вранье от

начала до конца. Рейхсфюрер вовсе не кричал на меня при Бехере, и обращение было совершенно нормальным, деловым, корректным. Нисколько он не кричал, нисколько. И хотел бы я, хотел бы посмотреть на рейхсфюрера СС, который утверждает — а я стою перед ним, — что я противлюсь его приказам! Да я бы из ставки не вышел; меня бы немедленно, прямо на месте, арестовали.

ЛЕСС. В чем состояло содержание беседы, которая была у вас с Гиммлером?

ЭЙХМАН. Я получил приказ ехать с Бехером, и, я думаю, тогда-то и было велено: стоп! Приказ остановить отправку эшелонов.

А в заключение этой истории с Бехером я хочу еще сказать, господин капитан: я ведь где-то что-то читал про показания Бехера. Или что он вышел на свободу, или еще что-то я читал в эти годы. Но что он так изолгался, что сообщает такую ложь, дает такие лживые показания — это я считал невозможным. Эти показания сделаны, чтобы умыть руки, снять с себя всякую ответственность; он пытается изобразить, будто он никому не причинил вреда, он вроде бы ни при чем. Я не знаю, чем Бехер занимался до этого. Я ни в коем случае не хочу его обвинять. Но уж чья бы корова мычала... И я полагаю, что у него были причины нести такое, потому что это неправда. А что могло побудить его приписывать мне, будто я действовал вопреки приказу рейхсфюрера, этого я вообще не понимаю! Это просто... очень меня удивляет, что такой человек был штандартенфюрером СС. Это меня чрезвычайно удивляет! И еще меня удивляет, как это я ушел от Гиммлера целым и невредимым и остался на свободе, когда за малейшее нарушение строжайше... ну, скажем, строжайшим образом карали.

ЛЕСС. Вильгельм Хёттль, бывший штурмбаннфюрер СС и, как и вы, работник Главного управления имперской безопасности, показал на одном из допросов, что вам было известно: Объединенные Нации считают вас одним из главных военных преступников.

ЭЙХМАН. Да, и это тоже неверно. Совершенно неверно. Как-то в одной... в какой-то польской газете была заметка, там был приведен список военных преступников, я

там значился, кажется, седьмым номером или... или семнадцатым. Один человек, знакомый с прессой, объяснил: «Это работа журналистов, это они слепили». А о международном военном преступнике я никогда не слышал. И вообще, когда в 1945 г. начались эти нюрнбергские дела, я очень удивлялся, как это вообще возможно, задним числом!

ЛЕТОПИСЕЦ. Упорно настаивая на том, что он только выполнял приказы и распоряжения и никому ничего плохого по собственной воле не сделал, Эйхман хочет представить дело так, будто он находился в юридическом положении «крайней необходимости», поскольку неподчинение приказу в Третьем рейхе могло стоить жизни. Он уверяет снова и снова, что готов отвечать за свои деяния и не рассчитывает ни на какой иной приговор, кроме смертного, но все же выискивает любую возможность выскользнуть из петли. С этой же целью он ссылается на то, что до Нюрнбергских процессов геноцид не был определен как состав преступления, и, поскольку закон не имеет обратной силы, никого нельзя привлечь к ответственности за действия, совершенные при Гитлере.

ЛЕСС. Вы неизменно утверждали, что действовали только по приказу. Я показываю вам некоторые документы обвинения на 11-м Нюрнбергском процессе военных преступников. Хотите высказаться о них?

ЭЙХМАН. Здесь телеграмма в МИД, датированная 13 марта 1944 г., в которой говорится о планируемых итальянским министерством иностранных дел еврейских мероприятиях. Второй документ — поручение министра иностранных дел; он просит совместно с имперским руководством СС определить, достаточны ли перечисленные в телеграмме еврейские мероприятия в... в оккупированной итальянцами части Греции, и в случае положительного ответа — будут ли они проведены. Если же нет, то должны ли быть предприняты новые шаги с нашей стороны. На этом основании советник Радемахер из МИДа совещался со мной, и было установлено, что, по мнению «имперского руководства СС», — это, конечно, неправильно; никого нельзя назвать «имперское руководство», а надо: «Главного управления имперской безо-

пасности»... И дальше: «а именно, оберштурмбаннфюрера Эйхмана... Этих мероприятий недостаточно, так как они, во-первых, проводятся одновременно с такими же неудовлетворительными мероприятиями в Италии, а во-вторых, на основании имеющегося опыта, можно усомниться в тщательности их проведения». Такое мнение, — пишет он, — МИД, исходя из имеющегося опыта, разделяет.

Да, конечно, но я не могу вспомнить подробностей этого дела. Наверное, как во всех таких случаях, у меня была папка с материалами совещаний; вопрос я докладывал группенфюреру Мюллеру и на этом основании сделал такое заявление.

ЛЕСС. Следует ли из этого документа, что имперский министр иностранных дел дал указание узнать сначала мнение вашего бюро, а выводы, которые должны быть сделаны, согласовать с вашими пожеланиями и указаниями? Следует ли понимать это так, что в подобных принципиальных вопросах МИД не мог принимать решений без консультаций с вашим отделом?

ЭЙХМАН. Ну, да... с моим отделом. Я ведь каждый раз должен был обращаться за указанием к моему начальнику. Точно так же, как... как Радемахер должен был обращаться к своему начальнику, я должен был обращаться за указанием к моему начальнику.

ЛЕСС. Показываю вам другой документ обвинения на 11-м Нюрнбергском процессе военных преступников. Это телеграмма с грифом «государственная тайна», из Будапешта, от 6.7.1944. Вы желаете высказаться о ней?

ЭЙХМАН. Речь идет о докладе посланника Везенмайера, направленном непосредственно имперскому министру иностранных дел на основании... после беседы с премьер-министром Стояи. Вопрос относится явно к существу дела. Упоминается телеграфный приказ министра иностранных дел. Этим приказом, о котором, очевидно, сообщено премьеру Стояи, он обеспокоен и поэтому пригласил Везенмайера на эту беседу. Стояи упоминает здесь трудности, возникающие для Венгрии в результате отношения к еврейскому вопросу. Ничего другого сказать об этом не могу.

ЛЕСС. Следует ли из этого доклада, что именно венгерские инстанции настаивали на депортации? Или наоборот?

ЭЙХМАН. Из этого доклада следует противоположное, но ведь я... Что касается моей практики, я имею в виду опыт работы — т.е. нижний уровень, — то я должен признать обратное, это же следует... из всего происходившего следует такой вывод. Потому что без... без помощи венгерской жандармерии было бы невозможно... Но отсюда также следует, что не я обрабатывал венгерское правительство — как хотели бы некоторые, я думаю, утверждать здесь, — а ясно следует, что исходило все дело от высшего руководства рейха.

ЛЕСС. Но так же ясно следует, что гражданское население Венгрии не было в восторге от такой политики в отношении евреев.

ЭЙХМАН. Да, но в мою задачу не входило учитывать прежде всего интересы венгерского гражданского населения. Моя задача была — приказы, которые я получал... Господин капитан, я обязан был выполнять приказы. И там были дела, которые меня не касались, потому что... Вот и здесь же видно: это дело высших инстанций.

ЛЕСС. Как вы поступали, когда евреи бежали через границы Венгрии, чтобы спастись от депортации?

ЭЙХМАН. Что касается вопроса о... о побегах, которые должны были происходить очень часто, то это... то дело в природе вещей и в характере местности. Наши... немецкие службы этим не занимались, у нас даже не было для этого людей, это было в компетенции венгерской жандармерии, она выполняла и те функции, что у нас пограничная стража.

ЛЕСС. Вы были заинтересованы в том, чтобы беглецов оказалось как можно меньше, поскольку ваша цель была безусловно в том, чтобы забрать всех, кого только возможно?

ЭЙХМАН. По приказу, так точно... Раз мне приказали, то я, разумеется, был заинтересован в том, чтобы шла эвакуация, а не в том, чтобы все жившие в Венгрии евреи бежали. Этому я, скажем, формально препятствовал, но практически ведь ничего не делалось, что и... и подтверждает на самом деле большое число сбежавших.

ЛЕСС. Я показываю вам документ обвинения 11-го Нюрнбергского процесса по делу военных преступников. Это телеграмма из Будапешта, подписанная Везенмайером, датированная 14 июня 1944 г., и в ней говорится о бегстве евреев в Словакию. Хотите прочесть этот документ?

ЭЙХМАН. Так точно, это телеграмма Везенмайера имперскому министру иностранных дел. В ней говорится о том, что во все возрастающих размерах происходит... идет перемещение проживающих в Венгрии евреев в Словакию... И предложение, чтобы германский посланник в Будапеште Везенмайер — если министерство иностранных дел согласно — встретился в Братиславе с германским посланником в Словакии с целью выработки совместных практических предложений, поскольку такие перемещения в высшей степени нежелательны по политическим и военно-хозяйственным причинам.

Да, то самое, что я сказал: удобные для перехода границы места; горная местность, леса, и, уж наверное, инициатором дела была не сидящая в Будапеште «зондеркоманда Эйхмана», а командующий германскими войсками, которому офицеры контрразведки, абвера, указали на данное обстоятельство. И к тому же в Восточной Словакии каким-то образом произошло восстание. Вот в высоких сферах в Германии это обстоятельство, наверное, учли, иначе я не получил бы категорического приказа начинать дело именно здесь, на востоке страны, несмотря на то что венгерские власти хотели эвакуировать сначала из Будапешта.

ЛЕСС. Вы сказали, что военные... что германские военные власти были здесь движущей силой. Не вернее ли будет предположить, что именно «зондеркоманда», заинтересованная в тотальной эвакуации, указала на возникшую опасность?

ЭЙХМАН. Разумеется, совершенно ясно, что я, естественно, не говорил: ладно, все в порядке, оставьте их, пусть бегут.

ЛЕСС. Прочитав этот документ, вы можете по-прежнему утверждать, что инициатива истребления евреев в Венгрии исходила от венгров?

ЭЙХМАН. Господин капитан, если во время войны бегут люди, безразлично, евреи они, или венгры, или немцы — даже немцы, — то само собой разумеется, что против этого во время войны должны быть предприняты меры. Такой была моя точка зрения тогда, я этого и теперь не отрицаю.

ЛЕСС. Когда несколько еврейских деятелей сбежали в Румынию, вы обратились к германскому посланнику в Бухаресте фон Киллингеру и потребовали, чтобы этих сбежавших функционеров вернули в Венгрию любой ценой?

ЭЙХМАН. Любой ценой? Любой ценой? Во-первых, совершенно... совершенная... Я никогда таких слов не употреблял. Возможно, мой сотрудник Крумай здесь... скажем... допустим, он — ох, не подыщу слова — формально объявил розыск, но ведь такую бумагу тут же положили в дело... «Любой ценой?..» Если там в самом деле эти слова... Ведь на самом деле ничего такого не было.

ЛЕСС. В связи с побегом этих еврейских функционеров, в Будапеште были арестованы, в виде ответной меры по вашему распоряжению, другие еврейские деятели?

ЭЙХМАН. Но, но! С другой стороны, совершенно ясно, господин капитан, что каждый еврей, который эмигрировал или, позже, иным путем ушел за границу, не пел хвалу Германии. Это ведь естественно.

ЛЕСС. Поэтому в ваших директивах по отправке эшелонов приказывалось: «При попытках побега применять огнестрельное оружие»?

ЭЙХМАН. Нет, мне это неизвестно. В Венгрии это, наверное, не применялось. Я точно знаю, что в Венгрии не доходило до применения огнестрельного оружия при попытках побега. Я так не думаю, нет, не думаю, точно нет, нет! Чтобы не ошибиться — где-то что-то подобное могло случиться, но я не могу себе этого представить. Я не вижу такой необходимости и теперь.

ЛЕСС. Вы разъяснили венгерскому статс-секретарю Эндре, что полмиллиона евреев, которых депортировали, направлялись в Освенцим для умерщвления газом?

ЭЙХМАН. Да, Эндре знал об этом. Лично я верю, верю и сегодня, что большая часть из 450 000 венгерских евреев, которых увезли в Освенцим, остались живы. Ведь вско-

ре... да, могу сказать это: каким-то образом из Германии пришел приказ: «стоп!» — остановить депортацию.

ЛЕСС. От Гиммлера?

ЭЙХМАН. Да. Командующий полицией безопасности в Будапеште получил из Германии приказ «отставить!». Не разрешалось продолжать эвакуацию, потому что Освенцим уже не мог принять столько, поэтому Гиммлер и отдал приказ прекратить убийства. Освенцим был переполнен и не мог принять больше никого. Я полагаю, перерыв длился с неделю.

ЛЕСС. Это означает, что потом все продолжалось дальше?

ЭЙХМАН. Да, потом опять, так точно.

ЛЕСС. Что значит: «Завершение всей акции, включая отправку», как написано здесь у советника фон Таддена, связанного с вами в МИДе?

ЭЙХМАН. Это означало, разумеется, полную очистку Венгрии от евреев.

ЛЕСС. Включая младенцев, детей и стариков?

ЭЙХМАН. В этом случае — да! В этом случае — да. Но в Будапеште за дело взялись не сразу.

ЛЕСС. Запланированная массовая акция в Будапеште, которая была предпринята, планировалась немецкой инстанцией, а не венгерской?

ЭЙХМАН. Эта единая акция, ее планировали в самом полном взаимодействии обе службы.

ЛЕСС. Но мы видели здесь по документам, что со стороны венгерских инстанций чинилось сопротивление, возможно, за исключением статс-секретаря Эндре. Поэтому вы с вашей группой и были там — чтобы оказывать давление.

ЭЙХМАН. Господин капитан, сопротивление в Венгрии оказывали Хорти и его ближайшее окружение. Сломить это сопротивление не было задачей небольшой команды полиции безопасности и СД, это была задача высоких лиц при фюрере в Берлине, МИДа, рейхсфюрера СС и начальника германской полиции — вот таким тяжеловесам приходилось в это лезть. А не «зондеркоманде Эйхмана», господин капитан.

ЛЕСС. Разве не следует из документов, которые мы здесь видели, что существовал план: за четыре месяца извлечь всех до одного из миллиона евреев и депортировать их?

Это значит, что ваша акция проводилась под сильным давлением, чтобы завершить ее как можно скорее?

ЭЙХМАН. Так точно!

ЛЕСС. Что же осталось еще от евреев Европы? Была одна только Венгрия.

ЭЙХМАН. Господин капитан, так было с самого начала: эвакуировать как можно быстрее. Если мне был дан приказ — сгонять их с востока на запад как можно скорее, значит, германскому руководству стало уже в общих чертах ясно, как складывается положение на фронтах. Но темпы акции, господин капитан, не зависели от меня с моими несколькими людьми. Я не мог форсировать темп, форсировать темп могло одно только венгерское министерство внутренних дел. Если бы, например, со стороны венгерской жандармерии чинился — употребим все же это слово — саботаж, то ничего бы вообще не происходило, абсолютно ничего!

ЛЕСС. Теперь я показываю вам телеграмму из Берлина в Будапешт; телеграмму составил фон Тадден в МИДе, и она касается еврейской акции в Будапеште. Прочтите документ, пожалуйста.

ЭЙХМАН. Слушаю. В телеграмме приводятся соображения МИДа о том, что ударная акция, направленная против будапештских евреев, вызвала бы за границей бурную реакцию. Отдел печати намеревается поставить перед министром вопрос о необходимости привлечения внешних поводов для такой акции, например: обнаружение взрывчатки в помещениях еврейских объединений и синагогах, подрывные организации, нападения на полицейских, спекуляции валютой в больших масштабах. Мне об этом ничего не известно, я никогда ничего об этом не слышал. И ничего подобного не делалось, насколько я знаю.

ЛЕСС. Вот телеграмма Везенмайера в МИД, на трех страницах. Пожалуйста, хотите прочитать ее?

ЭЙХМАН. Здесь говорится о том, чтобы при посредстве Швейцарии отправить в Палестину определенный круг лиц. Везенмайер ссылается и на меня; видимо, он спросил меня об этом в Будапеште, а я ему объяснил, что, насколько мне известно, рейхсфюрер СС ни в коем случае не одобрит эмиграции венгерских евреев в Палестину.

Что касается предлагаемых евреев, то речь шла исключительно о ценном с биологической точки зрения материале, вливание которого в Палестину было бы крайне нежелательно.

Я должен добавить, что это было время, когда людей отправляли в Палестину в обмен на промышленные товары. У Бехера было такое поручение от рейхсфюрера. Дальше я не в курсе дела, но, насколько мне известно, Бехер теперь в Западной Германии на свободе; в суде его оправдали, я полагаю, после 45-го, так что он вполне мог бы дать сведения об этом.

ЛЕСС. Везенмайер пишет здесь, что договорился с вами об ускорении депортаций.

ЭЙХМАН. Он пишет, что со мной согласовано — если будет получено согласие на продолжение депортации евреев из Будапешта, следует попытаться провести ее как можно быстрее и так внезапно, чтобы евреев, которым может быть разрешена эмиграция, отправить раньше, чем они успеют пройти формальности. Тут тоже видно, что не только полиция безопасности, но и другие службы старались поскорее завершить дело. А им совсем и не нужно было, скажем так, напоминать о темпах, потому что у Эндре — с его жандармерией — темп был такой, что Освенцим с трудом справлялся с приемом эшелонов.

ЛЕСС. Здесь у меня отчет фон Таддена о поездке в Будапешт. Датирован 26 мая 1944 г. Он пишет, что в Будапеште запланирована однодневная массовая акция, и все проживающие в городе евреи будут собраны на острове на Дунае неподалеку от города, чтобы не позднее начала сентября завершить отправку всех за исключением 80 000. Это был план вашей «зондеркоманды»?

ЭЙХМАН. Господин капитан, он пишет, что в Будапеште 350 000 евреев, не так ли? А тут он пишет, что все это планировалось за один день! Я не придавал этому значения, потому что практически невозможно за один-единственный день свезти 350 000 или 250 000 и даже 150 000, если от места до места хотя бы несколько километров. Сам Эндре со всей своей ударной жандармерией не справился бы.

ЛЕСС. Фон Тадден пишет: «Для этого предусмотрена однодневная ударная массовая акция, которая должна быть

проведена с привлечением значительных сил венгерской жандармерии из провинции, всех специальных подразделений и школ полиции, а также с использованием будапештских почтальонов и трубочистов в качестве проводников. На этот день будет прекращено движение автобусов и прочего городского транспорта, чтобы иметь возможность использовать все транспортные средства для вывоза евреев».

Это и есть спланированная акция?

ЭЙХМАН. Но во-первых, она не была проведена. Во-вторых, я не знаю, кто ее планировал, я этого не знаю, ведь это... это безумие — такие, с позволения сказать, планы. Ничего себе: с трубочистами и почтальонами! Ни в одном серьезном ведомстве, ни в какой полицейской части не могло родиться нечто подобное, никогда!

ЛЕСС. Теперь я показываю вам записку из берлинского МИДа, адресованную германской миссии в Будапеште; подпись — фон Тадден. И в ней говорится: «В состоявшейся 23.5.1944 г. беседе между нижеподписавшимся и оберштурмбаннфюрером СС Эйхманом последний сообщил, что он приказал арестовать, если это еще не сделано, госпожу Глюк, еврейку и сестру нью-йоркского обербургомистра Ла Гардиа. Просим позаботиться о том, чтобы в связи с высоким положением брата госпожи Глюк ее не отправили в общем порядке в Восточные области, а поместили в специальный лагерь в рейхе или в Венгрии, чтобы при необходимости ее можно было использовать в политических целях».

ЭЙХМАН. Так точно, это была весьма высокопоставленная еврейка. Наверное, был приказ, наверное, не меньше чем от самого Гимmlера, чтобы ее придержали. И возможно, ее куда-нибудь отправили, точно так же, как Леоны Блюма или... или брата Леоны Блюма.

ЛЕСС. Арестовать ее распорядились вы, а не венгерская полиция?

ЭЙХМАН. Да, распорядился я. Конечно, я должен был... я не мог просто так взять и арестовать, я должен был просить венгерскую полицию.

ЛЕСС. Когда распоряжения об арестах отдавали вы, венгерская полиция обязана была им следовать?

ЭЙХМАН. В этом случае — конечно, потому что у меня, наверное, был приказ от Гиммлера, от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, и он, наверное, сам приказал, куда ее надо поместить. Должно быть, с этим приказом я и пришел к Эндре.

ЛЕСС. Вот еще одно письмо вашего отдела в МИД, советнику фон Таддену, по вопросу о еврейке Джемме Глюк, урожденной Ла Гардиа, родившейся 24.4.1887 г. в Нью-Йорке.

ЭЙХМАН. Значит... да... Был запрос министерства иностранных дел в Главное управление имперской безопасности относительно местопребывания названного лица, и МИД тогда сообщили, что по указанию рейхсфюрера СС Глюк помещена в качестве политического заложника в концлагерь Равенсбрюк. Но эту подпись я совсем не знаю...

ЛЕСС. Панцингер. Разве это не выглядит как «Панцингер»?

ЭЙХМАН. Ах, это Панцингер. Это он замещал начальника управления группенфюрера Мюллера, если его не было на месте. Поскольку речь здесь идет о деле, которое... которое выпадает, скажем так, из нормального процесса, обусловленного приказами, распоряжениями и т.д., исполнитель продиктовал письмо, а подписать его должен был руководитель более высокого ранга.

ЛЕСС. А в обычном порядке мог подписать ваш заместитель Гюнтер?

ЭЙХМАН. Дело в следующем, господин капитан. Это же... он же был... Это ведь была сестра нью-йоркского обербург-гомиистра, а такое дело — вещь щекотливая, такие дела направляли отсюда по инстанции, наверх.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Чем меньше мог надеяться Генрих Гиммлер на победу Германии, тем старательнее занимался он поиском заложников: членов правивших королевских и княжеских семей, политиков, священнослужителей, высокопоставленных лиц самого разного рода, и прежде всего — богатых и влиятельных евреев. Это и бывший французский премьер-министр Леон Блюм, основатель Народного фронта коммунистов и социалистов во Франции и уже по этой причине — объект яростных нападок национал-социалистов еще в тридцатые годы. А нью-йоркский мэри Фиорелло Ла Гардиа был для национал-социалистов не только ев-*

реем или, по меньшей мере, полуевреем, он был еще и активным сторонником ненавидимого ими президента Франклина Д. Рузвельта; к тому же он публично и весьма ясно высказывал свое мнение о Гитлере и его «партийных товарищах». В 1937 г. Ла Гардиа был награжден за содействие взаимопониманию между евреями и христианами медалью журнала «Американский еврей», в то время самого влиятельного еврейского журнала в США. Она была вручена ему тогдашним министром финансов США Генри Моргентау, предлагавшим позже, в конце войны, наказать побежденную Германию превращением ее в аграрную страну. В свою очередь мэр Ла Гардиа наградил медалью от имени нью-йоркских евреев мать президента Рузвельта в благодарность за ее поддержку еврейских социальных учреждений.

Взяв в заложники Джемму Глюк, Гиммлер надеялся обеспечить себе поддержку в американских кругах.

ЛЕСС. Вы уезжали из Будапешта летом из-за сопротивления, которое венгерское правительство оказывало в августе 1944 г. дальнейшей отправке эшелонов с евреями в Освенцим?

ЭЙХМАН. Нет, это никак не связано. Было для меня так же неожиданно, как и само назначение в Венгрию. Мне позвонил по телефону командующий полицией безопасности и СД в Будапеште оберфюрер д-р Гешке: явиться к нему по-походному, в каске. Он сказал, чтобы я оставил все как есть и со всей своей командой немедленно отправлялся в район Гроссникольсбург на венгерско-румынской границе, чтобы эвакуировать оттуда в рейх, мирно или силой, 10 000 этнических немцев, «фольксдойче», чтобы не дать захватить их наступающей Красной Армии. Рейхсфюрер желает, чтобы эти 10 000 «фольксдойчей» были так или иначе доставлены в рейх.

ЛЕСС. Когда это было — приблизительно?

ЭЙХМАН. Сейчас... Может, я вспомню дату? Может быть, это август. Извините, секунду...

ЛЕСС. Август 1944-го?

ЭЙХМАН. 1944-го — конечно! Так я в первый раз получил задание, с которым попадал в непосредственную близость к фронту, в первый раз. И не пытался отвертеться. Наоборот, я взял с собой весь личный состав, которым располагал, весь транспорт, какой смог собрать. Я поехал к

командиру дивизии, с которым дружил. Получил у него батарею тяжелых минометов и полный грузовик боеприпасов. Я был полон решимости, разумеется, эвакуировать «фольксдойчей» и — по возможности попасть где-нибудь в окружение, чтобы не надо было возвращаться.

ЛЕСС. Здесь у меня документ от августа 1944 г. Хотите прочесть?

ЭЙХМАН. Да. Везенмайер, имперский уполномоченный по Венгрии, сообщает в МИД, что венгерский министр внутренних дел был только что уведомлен оберштурмбаннфюрером СС Эйхманом о том, что вопреки их прежней договоренности и в соответствии с приказом имперского уполномоченного, надлежит 28 августа начать концентрацию будапештских евреев вне города в пяти больших, находящихся в пределах досягаемости лагерях. При этом отправка из этих лагерей на территорию рейха не предусмотрена. Здесь сказано: «Эйхман доложит об этом в Главное управление имперской безопасности, предлагая отозвать его и его команду за ненужностью в дальнейшем». Да, к концу августа провинция была уже, скажем так, в основном очищена, и венгерское министерство внутренних дел, этот Эндре, статс-секретарь, — они теперь получили указания сверху — да, тут сказано «имперский уполномоченный», имперский уполномоченный... да, — не трогать будапештских евреев... Если Везенмайер пишет, что я доложу об этом в Главное управление имперской безопасности и предложу отозвать отсюда меня и мою команду за ненужностью, то это может быть верно.

ЛЕСС. Вот еще одна... *(Показывает следующий документ.)*

ЭЙХМАН. Это еще одна записка фон Таддена: «Говорил со штурмбаннфюрером Гюнтером. Он сообщил мне, что в любом случае часть команды останется на месте для наблюдения...»

ЛЕСС. А может быть, это относится все же к тогдашним... политическим переменам в Венгрии?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я не хочу это оспаривать теперь, потому что я ничего, совсем ничего не знаю об этих играх, о связанных с ситуацией политических играх. Я полагаю, что у вас есть документы, господин капитан. Значит, должно быть верно. Я не могу вспомнить.

ЛЕСС. Хорти был затем арестован?

ЭЙХМАН. Да, да, конечно. Но к этому времени я уже давно был опять... В октябре меня не было там... на румынской границе. Я уже вернулся оттуда. Так что было ли это политической игрой в высоких сферах, я не знаю, господин капитан. Ну, и всю эту историю я не могу прояснить, потому что не знаю, кто, какие инстанции разработали это дело и приказали. Я ведь уже не был фигурой в тех шахматах... И однажды, в воскресный день, дело приняло такой оборот, что нам пора было убираться. Мы оказались буквально вблизи фронта. Повсюду рвались русские снаряды. Спустили шины грузовика, на котором были наши минометы. Я сам стоял рядом с водителями, они не могли уйти в укрытие, надо было монтировать запасные шины. На дороге лежали мертвые солдаты — венгерские гонведы.

ЛЕСС. Не вызывает ли некоторого удивления, что вот так внезапно, как гром среди ясного неба, вас срочно послали в Румынию?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я получил приказ эвакуировать 10 000 этнических немцев, а венгерское контрнаступление готовилось. Так что у меня не было оснований спрашивать — как так? почему? что случилось?

ЛЕСС. Но для этого, наверное, можно было взять опытных солдат?

ЭЙХМАН. Зачем опытных солдат? Для эвакуации 10 000 «фольксдойчей» не нужны опытные солдаты.

ЛЕСС. При продвижении к фронту, когда надо считаться с возможностью удара со стороны противника?

ЭЙХМАН. Ну и что? Я ведь проходил военную подготовку. Я поехал в Ной-Арад, на румынскую территорию. За несколько часов до этого оттуда как раз выбили противника, и мою машину буквально атаквали медицинские сестры Красного Креста; я ехал впереди колонны. Они увидели нас в немецкой форме и решили, что немецкие войска снова наступают. Часть сестер за несколько часов до этого забрали с собой русские, то же и с легкоранеными. Тяжелораненых и нескольких врачей они оставили. Главный врач велел собрать всех. И тогда я раздобыл где-то товарный состав, и этот госпиталь был тут же погружен и эвакуирован вне очереди. Затем мы распреде-

лились и обшарили всю местность, стараясь добром убедить людей покинуть ее. Это было очень сложно, потому что ни в коем случае нельзя было сказать: «Вам надо отсюда убираться, потому что послезавтра сюда придут русские!» Гонимые перебили бы нас. Но, несмотря на все предосторожности, продолжалось это недолго — венгерский командующий армией, генерал-лейтенант, то и дело присылал своего адъютанта за мной, чтобы я «немедленно явился». Я от этого уклонился, велел своей команде действовать самостоятельно и не ждать приказов, чтобы не зависеть от венгерских военных. Я сразу же уехал обратно в Будапешт, чтобы доложить об этой неприятной ситуации. Мое сокровенное желание — впутаться в военные, ну, боевые дела — было в результате доведено до абсурда. Кажется, мне пришлось тогда ехать в Берлин.

ЛЕСС. Теперь я показываю вам документ от 29 сентября 44-го о награждении вас Железным крестом второй степени.

ЭЙХМАН. Это же... Железным крестом II степени меня наградил рейхсфюрер за то, что я с моими людьми отклонился от маршрута и освободил персонал военного госпиталя. А от начальника управления группенфюрера Мюллера я получил выговор, потому что исполнил приказ не точно, не на сто процентов. Он считал, что я не имел права заниматься делами этого госпиталя, а обязан был топтать точно по маршруту в район Гроссникольсбурга.

Приказ Гимmlера эвакуировать «фольксдойчей» не удалось выполнить до конца. Силой вообще ничего нельзя было сделать. Слишком много было бы крика и шума, тут же явились бы и венгерские власти. Наоборот, дело это надо было выполнять самым незаметным образом — чтобы хоть часть людей более или менее добровольно оставила свои владения, а остальные все остались.

ЛЕСС. Ваше заведение названо здесь официально «зондеркомандой Эйхмана». Показываю вам теперь документ обвинения на 11-м Нюрнбергском процессе военных преступников. Из Будапешта, 29 сентября 1944 г.

ЭЙХМАН. Это записка, доложенная имперскому уполномоченному Везенмайеру; она от венгерского подполковника Ференци, командовавшего жандармами во время ев-

рейских мероприятий. В записке говорится, что моя команда распущена 29 сентября 1944 г., и перечислено, куда и кто из офицеров должен убыть. Об этом мне ничего не известно. Может быть, просто разные ведомства, из-за того что команда выехала в Румынию? Конечно, небольшая часть под командой Крумая оставалась в Будапеште, для наших внутренних дел.

ЛЕСС. Здесь сказано, что команда ликвидирована...

ЭЙХМАН. Но это неверно! Это неверно!

ЛЕСС. ...и что, разумеется, следует подождать, поскольку в случае возможных политических перемен...

ЭЙХМАН. Но это неверно! Команду никогда не распускали, господин капитан! Никогда! Я имею в виду: из того факта, что нас отправили на румынскую границу, некие круги могли решить, что «зондеркоманда» прекратила существование. Но она существовала до... до декабря, и я уволился последний, уже в декабре, в декабре, в декабре, после полудня...

ЛЕСС. Здесь сказано, что она официально ликвидирована; сначала, естественно, кто-то должен остаться. Здесь написано: «...задержаться в Будапеште примерно на неделю, поскольку распространяются слухи об изменении внутривнутриполитического курса». Что и произошло — Хорти был арестован немцами 15 октября 1944 г.

ЭЙХМАН. Что и произошло, да, ха-ха. Ну хорошо, но как бы там ни было, команду не ликвидировали, никогда не ликвидировали! Только одно верно, что ее сильно сократили, потому что у нас практически не осталось работы. Что до меня, то я давно уже хотел оттуда обратно, потому что... ведь практически ничего уже не было. Много раз я целый день скучал, потому что нечего было делать. Для меня самого было загадкой, зачем меня здесь держат, да еще в военное время. Я не привык где-то расслаиваться и тратить время попусту.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Можно по-разному объяснять, почему Эйхман так энергично протестует каждый раз, когда слышит о роспуске своей «зондеркоманды». Если в последние месяцы 1944 г. он был отстранен Гиммлером от выполнения своей задачи (а такие сведения были), то продолжавшиеся преследования евреев доказывали бы, что он был не просто исполнителем, ни за*

что не отвечавшим, как Эйхман старается изобразить на каждом допросе, а имел право принимать решения

Но можно также представить себе, что венгерский жандармский начальник Ференци добросовестно воспроизводит в своей записке сообщение, подброшенное ему немцами. А немцы на основании этой информации — якобы из венгерских источников — убеждают главу государства Хорти, что приводящий в ужас истребитель евреев уволен, и убийства, как того требовал Хорти, прекращены. В пользу этой версии говорит то, что пребывание сотрудников Эйхмана в Будапеште было продлено в ожидании политических перемен, а сам Эйхман продолжил свою «работу» в венгерской столице уже через два дня после насильственного смещения Хорти.

ЛЕСС. Вот телеграмма, подписанная Везенмайером; из Будапешта 18 октября 1944 г. И уже во второй фразе я вижу: «Оберштурмбаннфюрер Эйхман, вернувшийся сегодня в Будапешт по указанию здешнего старшего начальника СС и полиции, возобновил переговоры с венгерскими инстанциями», и т.д. Хотите об этом высказаться?

ЭЙХМАН. В показанной мне перед этим записке подполковника венгерской жандармерии Ференци названо 29 сентября 1944 г. А здесь речь идет о 18 октября; получается, что между этими числами меня в Венгрии не было. На такое время я никогда из Венгрии — ни из Венгрии, ни из Будапешта — не уезжал. И когда мне приказывали явиться для доклада — тоже. Наверное, я был в Берлине. Может быть, кто-то... откуда-то из высоких сфер, о которых я не ведаю, сообщил, что я вызван в Берлин для доклада, и этим воспользовался Винкельман, старший начальник СС и полиции в Будапеште, или Везенмайер, имперский уполномоченный по Венгрии. Я не могу иначе объяснить, как это специальную «зондеркоманду» якобы распустили, чего на самом деле не было, потому что не было такого распоряжения! Меня вызывали в Берлин на доклад к Мюллеру, наверное, два или три раза. Это могло длиться, с дорогой туда и обратно, примерно неделю или дней десять. Поскольку в таких случаях я брал еще день или два... для личных целей. Может быть, поэтому они решили?.. Но это тоже не годится, госпо-

дин капитан, потому что и в таком случае уехать должны были все служащие команды, не я один.

ЛЕСС. Ну, а разве Визлицини тогда не уехал? И другие ведь тоже...

ЭЙХМАН. Команда все время была в Венгрии, все время была в Венгрии.

ЛЕСС. Да, но в одном из документов говорится, что она официально ликвидирована. И что надо, конечно, подождать неделю, так как...

ЭЙХМАН. Конечно, я это читал. Конечно! Так точно! Простите, а ведь может быть, что ее, скажем так, ликвидировали на бумаге?.. Мне теперь приходит в голову другая идея: что распустила нас, может быть, формально какая-то... высокая инстанция и что документ об этом показали венгерским властям. А на самом деле ликвидация не была проведена. Вот третья возможность.

ЛЕСС. Доктор Кастнер, ваш еврейский партнер по переговорам в Будапеште, пишет о вашем возвращении следующее: «Через два дня после переворота, после насильственного отстранения Хорти, Эйхман 17 октября 1944 г. примчался в Будапешт самолетом из Берлина. Он вызвал меня в бюро Бехера и там заявил мне следующее: «Ну, видите, я снова здесь! Вы небось были уже уверены, что история с Румынией и Болгарией повторится и здесь? Вы, наверное, забыли, что Венгрия все еще заодно с рейхом, хоть он и в развалинах. У нас еще достаточно длинные руки, чтобы добраться до будапештских евреев. Слушайте теперь внимательно: правительство партии «Скрещенные стрелы» во главе с премьер-министром Салаши работает по нашим приказам. Я немедленно свяжусь с министром Ковачем, уполномоченным по еврейскому вопросу. Будапештские евреи будут отправлены, на этот раз пешком! Наш транспорт нужен нам теперь для других целей! Но если грузовые автомашины предоставите нам вы, то можно будет везти их на этих машинах... Или вам это, может быть, не подходит? Вы, видно, боитесь? Только не приходите больше с вашими сказками про американские доллары! Здесь теперь пойдет дело! То-то же!» Он казался в эту минуту счастливейшим на земле человеком. Он был снова в своей стихии.

Впрочем, как чаще всего в последнее время, он был пьян».

ЭЙХМАН. Ха! Во-первых, я никогда не летал. Уже одно это неверно. Никогда я не летел в Венгрию, а ехал на своей машине. Во-вторых, здесь... опять так театрально... театральное описание дела... Пьяным я, кстати, никогда не был. Никогда не приходил на работу пьяным. Никогда!

ЛЕСС. Ну, а о содержании того, что он здесь пишет?

ЭЙХМАН. В такой форме это вообще невозможно. Мне кажется, почти... И эти восклицания там и тут, для правдоподобия, что ли? Никогда я в такой форме... Это, это все... Да если бы я так вел себя, как он здесь пишет, я был бы величайшим... циником, величайшим... величайшим... ах, как это... Мне не хватает слов, чтобы объяснить это — поделовому, как я и обсуждал с д-ром Кастнером. Но совершенно ясно: во всех таких сообщениях — должен прямо сказать, будь то сообщения венского д-ра Лёвенгерца, или то, что пишет здесь д-р Кастнер, или показания Бехера — всегда совершенно ясно, что все эти люди, как только им приходится давать показания, тут же стараются представить переговоры со мной выгодным для себя образом. Прекрасно зная, что пропаганда в газетах и журналах изображает меня негодяем. После того как оказалось, что все мои начальники мертвы — в случае с Мюллером я этого точно не знаю — или, по меньшей мере, пропали без вести, все, конечно, хотят от меня отмежеваться и таким образом представить обстоятельства в ином свете, чем было на самом деле. Что ж, это вполне понятно.

ЛЕСС. На странице...

ЭЙХМАН. Я убежден — извините! — я убежден, что если бы рейхсфюрер СС и начальник германской полиции был сегодня жив, если бы жив был Кальтенбруннер, был бы жив Мюллер... был бы жив Мюллер и мы предстали, скажем, вчетвером перед судом — все обстоятельства выглядели бы совершенно иначе. А так многие вещи просто перевернуты после 45-го. Если оставаться на деловой точке зрения, какая была тогда, многое выглядело бы иначе.

ЛЕСС. Мы говорили о пешем марше десяти тысяч евреев из Венгрии в Австрию. Кроме этого, были и другие пешие марши?

ЭЙХМАН. Это мне не известно. Вся дорога из Будапешта на запад в Австрию была разрушена бомбежками. Железнодорожный узел Дьёр был разбит полностью. Отдельные поезда тоже подвергались постоянным атакам союзных бомбардировщиков. Эндре был необычайно изворотливым человеком, не признававшим трудностей. Он сказал: значит, пойдут пешим маршем до Вены, а там дальше дорога действует.

ЛЕСС. Эта пешая колонна направлялась в Штрассхоф?

ЭЙХМАН. Штрассхоф? Насколько я знаю, австрийские власти послали этих евреев в Бургенланд, копать противотанковые рвы. Насколько я знаю. Не знаю, может быть, я ошибаюсь. А Штрассхоф? Я даже не знаю, где это.

ЛЕСС. Вы имели какое-либо отношение к осуществлению или планированию этих пеших маршей?

ЭЙХМАН. Да, конечно; я говорил Эндре, что дело должно быть организовано жандармерией так, чтобы, когда колонна придет в... на границу придет, в Австрию, чтобы они были в порядке. Если бы шли куда-нибудь в Венгрии, так они просто отправили бы этих десять тысяч топтать и даже не назначили привалов. А я подумал: уж если они хотят пешком, то мне надо побеспокоиться, чтобы меня опять не попрекали, что не соблюдаются директивы. И первые километры шли как будто хорошо, но чем ближе к австрийской границе подходила эта колонна, тем печальнее это выглядело.

ЛЕСС. Сколько там было людей?

ЭЙХМАН. Там было десять групп по тысяче человек.

ЛЕСС. В том числе дети, женщины?

ЭЙХМАН. Детей не было, нет. Только способные идти молодые женщины. Простите, так мне кажется. Я теперь припоминаю только количество. Эндре сам так наметил.

ЛЕСС. Значит, этот «поход» был одобрен вами и вы послали своих людей для сопровождения?

ЭЙХМАН. Нет, я никакого отношения к этому походу не имел. Пока они находились на венгерской территории, меня это вообще не касалось.

ЛЕСС. Сколько, приблизительно, человек из 10 000 дошли до границы?

ЭЙХМАН. Там, я думаю, господин капитан, умерло не много, кроме тех, кто просто так умер.

ЛЕСС. Разве вы не сказали, что выглядело это печально?

ЭЙХМАН. Да, печально, когда гражданским людям надо так шагать, последние километры. Я сам этого не видел. Я в принципе не смотрел ничего, если мне это не было специально приказано. И я бы ничего не мог сделать, совершенно ничего не мог бы сделать. Самое большее, мог бы сказать: пожалуйста, поберегите ваших евреев, а то их нельзя будет использовать. А они, наверное, как обычно венгерская жандармерия, обращались с ними совсем по-другому, все наоборот.

ЛЕСС. Желаете прочесть вот этот документ и высказаться по этому поводу?

ЭЙХМАН. Это письмо Везенмайера с грифом «секретно», наверное, в МИД. А именно, он сообщает о результате моих переговоров с новым венгерским министром внутренних дел: что «50 000 работоспособных евреев мужского пола должны быть доставлены пешим маршем на территорию рейха для использования в «программе Егер» — наверное, это авиация — для замены русских военнопленных, необходимых для других работ. При переходе государственной границы необходимо предусмотреть непродолжительное использование на укреплениях «Юго-восточный вал».

Остальные работоспособные евреи будут сконцентрированы в четырех лагерях вблизи Будапешта для использования на работах для венгерской стороны; прочие неработоспособные обоего пола будут собраны в гетто на окраинах города. Оперативная группа Эйхмана, помимо частичного участия в охране упомянутого пешего марша, будет привлекаться к «операции Будапешт» лишь для консультаций; в остальном акция будет проведена венгерской жандармерией. Эйхман намерен после успешного завершения упомянутого пешего марша собрать в дальнейшем еще 50 000 евреев, чтобы достичь конечной цели — полной очистки венгерской территории от евреев».

Я должен сказать, что по существу это частично верно, господин капитан. Но пятидесяти тысяч, мне кажется, никогда не было; было 10 000.

ЛЕСС. От какого это числа, с какой датой?

ЭЙХМАН. 18 октября 1944 г. Значит, уже осенью. Не шли в это время 50 000 евреев пешком. Никогда! Верно, однако, что пешую колонну венгерская жандармерия отправила. Я знаю, что Эндре долго на этом настаивал. Вот я и должен был получить согласие из рейха на то, чтобы евреи маршировали пешком. И получил тогда указание от моих руководителей, что все 10 000 должны быть обязательно пригодны для использования на работах...

ЛЕСС. Пятьдесят тысяч!

ЭЙХМАН. Ну, эти 50 000! Я говорю, что... Это не может быть верно — 50 000. Потому что 50 000 никогда не шли пешком. Я знаю про 10 000, я думаю, что на том все и закончилось.

ЛЕСС. Эту пешую колонну сопровождали члены вашей «зондеркоманды»?

ЭЙХМАН. Это возможно. Ведь нужны были крепкие парни, чтобы идти пешком. Потому что мы были заинтересованы в том (*Эйхман берет сигарету*) — большое спасибо, gracias — заинтересованы в том, чтобы доставить этих евреев на венгерско-австрийскую границу в добром здравии.

ЛЕСС. Если Везенмайер говорит здесь о 50 000...

ЭЙХМАН. Господин капитан, и с 10 000 было достаточно трудностей. Надо только представить себе, что это такое — 10 000 человек идут десятью колоннами. Я знаю, что такое меньшая колонна, воинская часть в военной форме, и расстояние... не 200 километров, а всего 50 километров, и то! Я сам был в таких походах с выкладкой и могу себе представить, какой сумасшедшей организационной работы потребовал бы поход 50 000 человек; а 18 октября 1944 г. ее уже невозможно было провести. Потому что в это время на окраинах Будапешта уже рвались первые снаряды, стреляли танки...

ЛЕСС. А упоминаемый здесь второй пеший марш?

ЭЙХМАН. Когда хотят, можно все раздуть. Если здесь «маршируют 50 000», то я должен посчитать — сколько это продлится. И потом еще 50 000? Такого рода сообщения берутся с потолка. Как можно говорить о следующих 50 000, когда даже первые 50 000 не вышли, не были отправлены!

ЛЕСС. По тому же предмету — вот документ обвинения на 11-м Нюрнбергском процессе военных преступников. Это телеграмма из Будапешта, датированная 21 ноября 1944 г., подписанная Везенмайером, в которой он сообщает о пешем марше и о продолжении в Будапеште акции по эвакуации.

ЭЙХМАН. Да, это документ Везенмайера, тоже в МИД, в котором он сообщает, что в Нижнедунайской области можно использовать только полностью работоспособных мужчин, по возможности моложе 40 лет. Наверное, речь о сооружении крупных противотанковых рвов. Он тут дальше говорит о... об отношении швейцарской и шведской миссий — это дела, которые мне не известны. Тут сказано: остающиеся в будапештском общем гетто евреи составляют, по новым оценкам, не более 80 000, а в особом гетто для обладателей иностранных паспортов находится примерно 16 000 лиц. «Отправлены маршрутом в рейх для использования на работах к настоящему времени не более 30 000. Ожидаемый дополнительно контингент оценить затруднительно. После любых новых ударов противника ожидать выполнения ранее поставленной задачи вряд ли...». Вот это я с самого начала и отрицал — что было 50 000!

ЛЕСС. Мы видели в разных документах все время одно и то же число — 50 000, которые отправлены в октябре пешей колонной, а из этого письма Везенмайера следует, что число 30 000 достигнуто.

ЭЙХМАН. Пожалуйста, я не хочу подвергать сомнению число. Несмотря на это, мне помнится, что пеший марш 10 000 человек был проведен только один раз.

ЛЕСС. Прочтите, что пишет об этом деле Визлицени.

ЭЙХМАН. Он говорит: «Даже после приказа Гимmlера в октябре 1944 г. Эйхман не успокоился. Так как приказ за-прещал только уничтожение евреев, то он взялся за будапештских евреев в качестве рабочей силы для «KZ-ов»...» Я не знаю, что это такое. «...Для «KZ-ов» и для строительства укреплений под Веной...»

Выглядит опять так, будто я высосал нечто из пальца, чтобы поскорее строить укрепления и пополнять концлагерь. «KZ-ы». «K-Z»? Я не знаю, что это такое!

ЛЕСС. Вероятно, это означает — концлагерь.

ЭЙХМАН. Ах, концлагеря, концлагеря... Я не знаю. Возможно! Будто я их придумал! Неверно!

ЛЕСС. Послушайте, что сказал по этому вопросу штандартенфюрер СС Курт Бехер на допросе 10.7.1947 г. «Господин Эйхман сделал последнюю попытку обойти приказ Гимmlера — прекратить убийства. Через господина Везенмайера обратились к венгерскому правительству, чтобы вместе со «Скрещенными стрелами» продолжать депортацию евреев маршрутом через Вену. Эти евреи не могли быть рабочей силой для строительства укреплений, это следует из того, что он брал женщин и детей — и детей 15 и даже 13 лет — и стариков тоже. Через три дня я поехал к Гимmlеру; я взял с собой господина Винкельмана, старшего начальника СС и полиции в Будапеште. Я сказал Винкельману, когда мимо нас плелись эти колонны скорби: «Вы верите, что эти дети, эти матери, тот старик — что они дойдут до Вены?» Я добился у Гимmlера прекращения пешего марша».

ЭЙХМАН. Это говорит Бехер? И он говорит, что я здесь занимался эвакуацией вопреки приказу рейхсфюрера?

ЛЕСС. ...И организовали следующие пешие марши.

ЭЙХМАН. Но это же, это же безумие!

ЛЕСС. И он упоминает также, что там были дети, даже 13-летние.

ЭЙХМАН. Нет, это... я не был при этом, господин капитан. Были изданы директивы, и... Он проверял, что им было 13 лет? Уже сам факт, что я действовал против, против, вопреки приказу рейхсфюрера, — это сумасшествие, это ложь, и она характеризует прочие сообщения этого господина.

ЛЕСС. Вот он говорит дальше: «Через три дня я поехал к Гимmlеру, кажется, он был в Восточной Пруссии. Там в присутствии Винкельмана было приказано запретить дальнейшую отправку пешком. Этот приказ направили Эйхману, непосредственно Эйхману через Винкельмана».

ЭЙХМАН. Это вер... это неверно! Если оттуда он... если пришел приказ рейхсфюрера — остановить, то остановили, прекратили! Если я получил приказ, то дальше — всё! Значит... значит, я сказал бы венгерской жандармерии: вот приказ рейхсфюрера! Отменяется! Отставить!

ЛЕСС. Затем Бехер говорит: «Стремление господина Эйхмана было — действовать вопреки приказу Гимmlера, который я ему сам показал».

ЭЙХМАН. Ну, все это... это... вообще невысмыслимо. Это верх, верх любых невысмысленностей за всю мою жизнь! Это вообще невысмыслимо, вообще невысмыслимо, что такой человек был штандартенфюрером СС!

ЛЕСС. И далее Бехер говорит: «Господин Эйхман хотел тогда изгнать из Венгрии последних 150 000 евреев. Я знаю также, что он сказал мне: «У меня есть согласие на 50 000, а исполнение — это мое дело!»

ЭЙХМАН. Все это... это все, все это изложение для меня загадка. Больше ничего сказать о нем не могу.

ЛЕСС. Бехер говорит: «Я сказал Гимmlеру, что не в первый раз убеждаюсь — Эйхман саботирует его приказ. Устроенный им пеший марш был настоящим убийством».

ЭЙХМАН. Мне кажется, что Бехер, который и сам по уши во всей этой истории, еще до конца войны — или уж заведомо сразу после — изо всех сил старался, как он это делает и здесь, хоть как-то умыть руки. Он же тут ставит вещи с ног на голову. Верно, что сразу после нашей с ним поездки к рейхсфюреру депортации были остановлены. Но что Бехер был инициатором... Ни в малейшей степени.

ЛЕСС. Под заголовком «Комендант Освенцима против пеших маршей» д-р Кастнер пишет в своей книге следующее:

«16 ноября 44-го по приглашению Бехера в Будапешт прибыли высокие немецкие гости. Командующий войсками СС генерал-полковник Юттнер в сопровождении Крумая и коменданта Освенцима оберштурмбаннфюрера СС Гёсса. По дороге из Вены в Будапешт они сами видели эти ужасные пешие колонны. Валяющиеся на дороге трупы, измученные люди — все это произвело на немецких господ крайне тягостное впечатление. По прибытии в Будапешт они выразили Бехеру свое возмущение виденным. Комендант Освенцима Гёсс был особенно разгневан. Кроме того, он прибыл из ставки Гимmlера, где был поставлен в известность о новой ориентировке рейхсфюрера.

Юттнер дал приказ «еврейскому командованию» в Будапеште немедленно остановить поход. Это произошло 17 ноября. В этот день удалось вернуть в Будапешт примерно 7500 находившихся в пути евреев. Эйхмана в тот момент не было. Еще 13 ноября он изменил отданные приказы так, чтобы депортировать всех детей старше десяти лет. Как только мы об этом узнали, мы забili тревогу у Бехера. В моем присутствии он позвонил Эйхману по телефону. Сначала Эйхман ничего не хотел признавать, врал о приказе, говорил, что обвинения в зверствах выдуманы. В конце концов Бехер пригрозил, что обратится по телеграфу к Гиммлеру. Эта угроза подействовала. Эйхман отозвал приказ».

ЭЙХМАН. Простите, об этом я ничего не знаю, про эти... про горы трупов, валяющихся на дорогах. И что якобы Бехер сказал мне по телефону, что обратится к рейхс... Это неправда, потому что я не делал ничего, кроме как выполнял приказы — они ведь поступали от рейхсфюрера, не прямо ко мне, а через Везенмайера и Винкельмана, — приказы самого рейхсфюрера. Если было так, как говорит здесь Кастнер, если я нарушал приказ рейхсфюрера, то почему Везенмайер тут же не выгнал меня из страны или Винкельман не велел немедленно арестовать меня?

ЛЕСС. Были изменены тогда директивы относительно возраста?

ЭЙХМАН. Это мне не известно, господин капитан.

ЛЕСС. Кастнер пишет далее: «21 ноября Эйхман вернулся в Будапешт и тут же велел продолжать отправку людей пешком. Характерным для него образом он в то же время стремился опровергнуть мои протесты. Он вызвал меня к себе и заявил: дело не в том, что он будто бы хочет помешать переговорам, которые ведет Бехер. Но сразу же по возвращении он приказал, чтобы «контингент» продолжали отправлять пешком; он-де полагает, что приказ об отмене издан из-за ошибочных впечатлений «некоторых» господ, у которые не было возможностей определить, можно ли считать трудоспособными людей, находившихся семь или восемь дней в пути. И ему, мол, придется привлечь к ответственности своих сотрудников, которые выполнили приказ об отмене...»

ЭЙХМАН. Согласно этому сообщению, я уезжал из Будапешта несколько раз. Несомненно, я, бывало, ездил в Берлин за новыми... ну, чтобы доложить о делах и получить приказы — как мне действовать дальше.

ЛЕСС. Кастнер рассказывает далее: «Эйхман продолжал: «Мне нужны 65—70 тысяч венгерских евреев. Пока что на германской границе приняты только 38 000. Мне нужно еще не меньше 20 000 евреев-землекопов на Юго-восточный вал. В рейхе копают рвы уже немецкие дети и старики! И вообще, рейх обязался больше не гробить евреев. И я хочу сказать вам, что Германия уже выбралась из ямы, она победит! Готовится новое оружие, и союзники будут бессильны против него».

ЭЙХМАН. Должен к этому заметить: вот здесь слово «гробить», я его никогда не употреблял.

ЛЕСС. «...Затем он перешел к «злоупотреблениям» иностранными паспортами. Он-де привлечет к ответственности за это свинство швейцарского консула Лютца и Рауля Валленберга, представителя шведского Красного Креста. Но у него есть предложение: он забудет про обладателей таких паспортов, если наша сторона добровольно представит ему 20 000 евреев-землекопов. А иначе ему придется отправлять всех евреев — без исключения — пешком! Тогда я заговорил о швейцарских переговорах. Американцы, сказал я, в курсе событий, они знают о пеших маршах. И они вправе считать все предложенные уступки по еврейскому вопросу блефом».

ЭЙХМАН. Эти подробности... Я их уже не помню.

ЛЕСС. Кастнер сообщает, что 26 ноября 1944 г. Бехер вернулся из ставки Гимmlера и сообщил ему, что Гимmlер дал телеграфное распоряжение прекратить пешие марши из Будапешта.

На совещании, состоявшемся после 27 ноября, вы высказались, согласно сообщению д-ра Кастнера, следующим образом — я цитирую: «Эйхман снова взялся за свое. «Да, — сказал он, — я это все предвидел. Я без конца предупреждал Бехера чтобы он не давал водить себя за нос. Могу вам сказать теперь только одно: телеграфируйте в Швейцарию, чтобы они навели порядок! Если в течение 48 часов у меня не будет положительного ответа от вас, я велю угробить весь еврейской сброд в Будапеште».

ЭЙХМАН. Это опять... опять так театрально! Они там... там что-то про «сброд». Такое слово... Да у меня за все эти годы язык не повернулся ни разу... Ни разу! Это... это сплошная ложь. От начала до конца!

ЛЕТОПИСЕЦ. *Навести порядок, считал Эйхман, надо было в торге, который с согласия Гимmlера затеял Бехер со швейцарским посредником «Джойнт» — организации американских евреев по оказанию помощи. Благодаря ей несколько сот венгерских евреев, отобранных д-ром Кастнером, уже прибыли через концентрационный лагерь Берген-Бельзен в Швейцарию, чтобы уехать оттуда в Палестину. Однако причитающаяся за это немцам оплата в валюте, о чем была договоренность, не поступила. Поэтому Эйхман и грозит «угробить всех».*

Если в конце войны Швейцария, годами соблюдавшая нейтралитет, нередко — слишком старательно, тем не менее не чинила препятствий этому «обмену», то задержки с переводом валюты свидетельствуют, что, в отличие от Эйхмана, в Швейцарии рассчитывали на скорое поражение Гитлера. Именно поэтому швейцарский консул Шарль Лютц, как и шведский банкир Валленберг, мог раздавать временные паспорта людям, плетущимся пешком из Будапешта в Вену. Но венгерская жандармерия принимала эти документы во внимание далеко не всегда, а немцы вообще не обращали на них внимания. Все же у того, кто имел такой паспорт, оставался шанс попасть в особый лагерь, отдельно от других депортируемых.

А Рауль Валленберг, вероятно, заплатил жизнью за свою гуманитарную деятельность; он остался в Венгрии, чтобы защищать евреев, когда немецкие войска уходили и вступала Красная Армия. С тех пор он исчез. Позже появились свидетели, которые якобы видели его в заключении в Советском Союзе.

ЧАСТЬ 6

ЭЙХМАН. Будапешт постепенно превращался во фронтовой город. О работе, тем более об эвакуации евреев нечего было и думать. Надо было готовиться к военным действиям, о чем я мечтал уже долгие годы. Чем ближе подходила линия фронта, чем сильнее становился обстрел, тем мне было спокойней и радостней, я был буквально окрылен. Своих людей я давно отпустил. Со мной остался только водитель, я уже ничего не делал, только следил за сводками и ждал с нетерпением, когда меня позовут к военному коменданту. А вместо этого появился... В общем, мне снова не повезло. Пока я все это переварил, наступило 24 декабря. После полудня мне пришлось убраться с последней машиной из Будапешта. Таков был приказ.

ЛЕСС. Что вы хотите этим сказать?

ЭЙХМАН. Если бы меня убило, то тогда все равно. Но если я остался жив или был ранен, то должен был действовать. Хотя в то время многое было мне уже безразлично. Приходилось искать объезды, потому что дорогу обстреливала русская артиллерия, я ночевал где-то в пути, потому что мы продвигались страшно медленно, потому что дорога была забита сгоревшими машинами, мертвыми лошадьми и прочей рухлядью. Я тогда явился... кажется, это было в... в Оденбурге, на первый или второй день Рождества, в штаб командующего полицией безопасности и СД на новом месте; там считали, что я погиб. И оттуда двинулся в Берлин.

ЛЕСС. На вашу прежнюю службу в гестапо?

ЭЙХМАН. Прибыл я в первые дни января 45-го. Здесь уже тоже вряд ли можно было думать о серьезной работе. Непрерывные бомбежки с воздуха, все новые разрушения. Снова и снова с трудом восстанавливали линии связи, а на следующую ночь связь снова рвалась. Без

связи нечего было и думать о нормальной работе. Я уже вообще не занимался делами гестапо, потому что мной тоже никто уже не интересовался. Находился я больше среди развалин, чем за письменным столом, потому что меня интересовало... как соорудить укрепление, чтобы взять его стоило противнику как можно больше крови. Только об этом были обуревавшие меня мысли. На развалинах вокруг моей службы на Курфюрстенштрассе я велел ставить противотанковые заграждения из трамвайных рельсов, устраивать гнезда для своих — создать оборону.

ЛЕСС. И кто же должен был держать ее здесь?

ЭЙХМАН. Здание управления гестапо тоже было разрушено. Часть сотрудников перебралась ко мне. На Принц-Альбрехтштрассе, в главное здание гестапо, где сидел Мюллер, тоже попала бомба. Начальники управлений и сам начальник полиции безопасности Кальтенбруннер обедали теперь каждый день в нашем помещении. Потом ко мне явился армейский комендант, подполковник такой-то, он здесь командовал обороной — это называлось зоной Ландверканал. Он включил мою баррикаду в свою оборону — подобрал меня, попросту говоря. Это было по мне.

Примерно в эти дни в одном из залов на Курфюрстенштрассе происходило совещание, и там я услышал такое, что считал невозможным. Там был сотрудник, который занимался только тем, что выписывал фальшивые документы, свидетельства и т.д. — тем сотрудникам IV управления, гестапо, кто хотел как-нибудь изменить фамилию, хотел, чтобы по документам он был во время войны страховым агентом или еще кем-то. И Мюллер спросил меня — а как с вами? Я сказал, что отказываюсь. Ни о чем, кроме моих укреплений, я знать не хотел, и фальшивые документы были мне для этого не нужны. Потом пришел приказ сжечь всю документацию, в том числе документы с грифом «государственная тайна». Это продолжалось несколько дней. Примерно в это время я сказал однажды подчиненным мне офицерам, которые уныло бродили вокруг как прибитые, что, по-моему, война окончательно проиграна и что я буду рад сражаться в Берлине. Я хотел искать смерти, если она меня са-

ма не найдет. А нелепые фальшивые документы — это вызывало у меня отвращение. Я был готов скорее пустить себе пулю в голову, чем получать при всех фальшивый документ.

ЛЕСС. Что же помешало вам участвовать в последних боях в Берлине?

ЭЙХМАН. Неожиданно меня вдруг вызвали к Гиммлеру. Кажется, его полевая ставка находилась в то время в каком-то замке, восточнее Берлина. Гиммлер сказал, что он намерен вступить в переговоры с Эйзенхауэром, и желает, чтобы я немедленно переправил из Терезиенштадта в безопасное место в Тироле сто или двести евреев, но только важных, чтобы они были заложниками для этих переговоров. Надо немедленно ехать в Терезиенштадт, немедленно собрать важных лиц и сразу же — к Хёферу, гауляйтеру Тироля, и с ним договориться об их приеме. Вот так меня отсюда и «уволители». И мне пришлось оставить без присмотра мою баррикаду, и я уже не знал, вернусь ли сюда, потому что фронт стремительно приближался к Берлину.

ЛЕСС. Все же вы таким способом выбрались.

ЭЙХМАН. Во всяком случае, я торопился, чтобы покончить с приказом рейхсфюрера и как можно скорее вернуться в Берлин. Я поехал в Прагу, доложил там командующему полицией безопасности и СД о приказе рейхсфюрера и попросил его, поскольку у меня не было письменных полномочий — мне их тогда в спешке не дали, — чтобы он дал указания в Терезиенштадт. Дальше я поехал в Австрию, через городок Куфштайн. Я находился в Брикслегге, когда налетела эскадра вражеских самолетов и началась бомбежка. Я знал, что в Брикслегге был завод по производству тяжелой воды, и, когда первая волна прошла, понял, что это надолго. Кругом разрывы, оставалось только лежать, уткнувшись носом в землю. Потом мы с моим шофером воспользовались паузой между двумя волнами бомбежки. И вот чудо — машина завелась, даже ни одной шины не пробило, и мы проехали.

ЛЕСС. На допросе штандартенфюрера Бехера в июле 47-го ему был задан вопрос: «Когда вы видели Эйхмана в последний раз?» — «Пятнадцатого апреля!» — сказал он. Очевидно, он имел в виду 45-й.

ЭЙХМАН. Я только говорю, что бомбежка в Брикслегге была 17 апреля в первой половине дня. Это уже в Тироле. Из Берлина я ехал через Дрезден, через протекторат на Вену, из Вены в Линц, да-да ехал в Линц. Там в Линце мина упала напротив помещения гестапо, убило многих сотрудников, в том числе моего бывшего начальника д-ра Пифрадера. Я даже не знаю, был ли я вообще в Берлине 15 апреля 1945 г.

ЛЕСС. Помните ли вы, что примерно в это время Бехер поехал с д-ром Кастнером в Берген-Бельзен, чтобы отправить оттуда эшелон с евреями в Швейцарию?

ЭЙХМАН. Нет, я этого не знал. Разрешите, я... Это д-р Кастнер был с Бехером у меня на службе, на Курфюрстенштрассе?

ЛЕСС. Нет, на службе у вас был только Бехер.

ЭЙХМАН. Да, но... Но 15 апреля это ведь... это вообще невозможно.

ЛЕСС. Бехер заявил на допросе тогда еще вот что: «Отношения с Эйхманом были всегда очень трудными. Думаю, что в жизни своей я не встречал человека, который мог так убедительно лгать, как Эйхман. Он рассказывал вам какую-то историю, настолько правдивую, что вы и подумать не могли, что это неправда. И еще он любил выпить. Когда он приходил ко мне, я всегда доставал заранее бутылку коньяка».

ЭЙХМАН. Об этом я могу сказать следующее: если я приходил куда-то и мне предлагали стаканчик, drink, я, разумеется, пил. И наоборот, если кто-то приходил ко мне, я тоже прежде всего велел подать спиртное. А «трудные отношения»? Не понимаю тогда, чего он со мной все время так мило беседовал. Я этого не понимаю. Это ложные показания, ложные показания, лживые показания человека, который хочет как-то выпутаться из этого дела. Это же совершенно ясно. И это его право. Но нельзя делать это таким недопустимым образом. И потому, наверное, что он так нагло врет, что под конец еще представляет меня главным лжецом, чтобы в его ложь лучше поверили.

ЛЕСС. Значит, вы были сначала в Брикслегге и поехали дальше в Инсбрук?

ЭЙХМАН. Там я хотел увидеть гауляйтера Хёфера и передать ему приказ Гиммлера. Он меня не принял. Он велел передать мне, что у него сейчас голова не тем занята, чтобы еще о евреях заботиться. Вот в это я поверил! Дело поручили какому-то начальнику отдела, и он выделил Гиммлеру две деревни у перевала Бреннер, где были гостиницы; все они в то время стояли пустые.

Затем я поехал в Линц и хотел позвонить в Прагу, но это не получилось, я не мог прозвониться. Тогда я поехал в Прагу и там тоже никого уже не нашел, ни командующего полицией безопасности, никого, ничего. Я поехал на Градчаны, я думал, что хоть какая-нибудь германская служба должна ведь там быть. И там действительно находился статс-секретарь К.Г.Франк, группенфюрер Франк. Он сказал, что в Берлин я уже не проеду.

Я сказал, что должен доложить группенфюреру Мюллеру. Он сказал, что не знает, в Берлине ли вообще Мюллер, потому что Кальтенбруннер уже в Альт-Аусзее. Мне ничего другого не оставалось, как двинуться туда, чтобы отчитаться.

ЛЕТОПИСЕЦ. Неподалеку от австрийского горного курорта Бад-Аусзее у горы Дахштейн были давно уже подготовлены «на всякий случай» убежища для верхушки СС. Клятвы в верности Гитлеру давно нарушены. Начальник Главного управления имперской безопасности, полиции безопасности и СД Кальтенбруннер; обергруппенфюрер, старший начальник СС и полиции в Италии Карл Вольф; начальник разведки бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг — все они тайно пытались связаться с западными союзникам. Для того ли, чтобы положить конец войне, или только для того, чтобы спасти собственную шкуру. Завязать такие контакты из Австрии через Швейцарию или Италию было легче всего.

На севере оставался один Гиммлер — он хотел быть поблизости на тот случай, что фюрер уйдет добровольно. И в то же время пытался установить контакты со шведским графом Бернадоттом, а также с эмиссаром Всемирного еврейского конгресса Норбертом Мазуром. Гиммлер предлагал, чтобы после отстранения Гитлера от власти или его смерти власть перешла к нему.

А с Эйхманом никто уже не хотел иметь дела...

ЭЙХМАН. Моя жизнь превратилась в какую-то чертовщину. Что я ни намечал, что я ни делал или только хотел сделать — судьба перечеркивала всё. Я все подготовил в Берлине, но попасть туда, чтобы сражаться, не мог. С моими собственными делами получалось все точно так же, как все эти годы в попытках найти место и землю для евреев. В Альт-Аусзее я обратился к Кальтенбруннеру, но мои дела его уже совершенно не интересовали. Потом я получил приказ укрепить в горах линию обороны и готовиться к партизанской войне. Это было опять настоящее задание, и я усердно принялся за дело.

ЛЕСС. Как попадали в вашу группу в горах другие люди?

ЭЙХМАН. В Альт-Аусзее оказался... оказались очень, очень многие службы СД и гестапо, так что в конце концов я получил под свое начало целую кучу — я уже не помню, сто или двести человек, а то и больше двухсот. Эту... эту оборону в горах я должен был держать с полуинвалидами, в том числе даже не проходившими военную подготовку. Любой другой отказался бы, но я еще с молодости прекрасно знал горы и к тому же понимал возможность существования там, ведь в этих краях масса дичи, а летом и множество скота. Я верил, что у меня будет время обучить всю эту ораву. Еще мне поручили в Альт-Аусзее заняться румынским правительством Хориа Симы в изгнании. Я доставил этих господ в пастушьи хижины, а сам с остатком моих людей устроился в горном приюте Реттенбах. Туда является курьер от Кальтенбруннера и сообщает мне: «Приказ рейхсфюрера! Атаковать англичан и американцев запрещается». На том все и кончилось. После этого приказа я бросил обучать своих людей обращению с оружием и решил: теперь можно всех, кто хочет, отправить по домам.

ЛЕСС. Вашему бывшему сотруднику Визлицени на одном из допросов был задан вопрос: «Когда вы видели Эйхмана в последний раз?» Он ответил: «Я видел Эйхмана последний раз в конце февраля 1945 г. в Берлине. Он говорил тогда, что, если война будет проиграна, он покончит с собой».

ЭЙХМАН. Но Визлицени писал в своих показаниях обо мне и другое: «Он сам и большая часть его сотрудников во время капитуляции в мае 1945 г. скрылись». Я это под-

черкнул в тексте, потому что пытался понять, какой был мотив у него, чтобы... С Визлицени у меня уже не было никаких дел, кроме того, что он... что его не повышали по службе. Больше ничего, а это было правильно: его нельзя было повышать, потому что он не был женат. Я задавал себе вопрос, что могло побудить этого человека наговорить столько неправды по существу дела, если я никогда не делал ему ничего плохого. И у меня появилась идея: может быть, он решил: «Ну-ка, сейчас я ему задам! Я тут сижу в луже и... и... и... один сижу; мне расплачиваться, а он, начальник отдела, теперь скрылся». Но я не скрылся!

ЛЕСС. Но ведь вы исчезли, вас не было до недавнего времени.

ЭЙХМАН. В том смысле исчез, что не звонил во все колокола, кто я такой. Я попал в американский плен и пробыл там до января 1946 г. Так что вообще я не... как он это, наверное, представлял себе — будто я вместе с большей частью моих сотрудников заранее подготовил прекрасную возможность скрыться, а ему вот не повезло, и он оказался сразу в... в таком неприятном положении. Только так я это могу понять. У меня была такая возможность, как я уже говорил, а я отказался.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Подозрение Эйхмана, что его бывший близкий друг (они были на «ты»), какое-то время начальник, а позже подчиненный Дитер Визлицени так беззастенчиво обливает грязью своих, потому что свои же его бросили, небезосновательно. После войны располневшего и склонного к комфорту штурмбаннфюрера привлекли к судебным процессам военных преступников в качестве свидетеля, а затем выдали чехословацкой юстиции. Там он стал обвиняемым как бывший уполномоченный по еврейскому вопросу в марионеточном гитлеровском государстве Словакии. Все его начальники так или иначе избежали преследований за убийства евреев, и возмущение мировой общественности, ненависть уцелевших и юридическая ответственность сконцентрировались на Визлицени. Этим можно объяснить, что на допросах он пытался заслужить смягчение своей участи, всячески обвиняя нацистский режим и своих ближайших товарищей. Успеха он не добился, был осужден — по месту своих преступлений, в Братиславе, — и пове-*

шен. Эйхмана возмущает, что Визлицини и другие сотрудники обвиняют его, своего бывшего начальника, хотя сам он тоже неизменно перекладывает ответственность на своих начальников.

ЛЕСС. Я показывал вам копию 22-страничного текста вашего бывшего сотрудника Дитера Визлицини, составленного в Братиславе и датированного 18.11.1946 г. Вы желаете высказаться об этом?

ЭЙХМАН. Конечно. Это отчет о еврейском вопросе в целом с 1936 г. до 45-го. Я должен сказать, что мне очень трудно выразить мое отношение к нему. Потому что впервые я обязан — скажем так, соответственно охарактеризовать моего бывшего подчиненного, офицера СС. Ведь согласно этому отчету, который исходит... который написан в камере, — меня удивляет, почему же я не был рейхскомиссаром по всем еврейским делам в Европе со всеми соответствующими полномочиями! Меня удивляет, что я вообще что-то еще писал в другие центральные ведомства и т.д. и т.д., а не просто приказывал. И что он — говорю это неохотно, но в этом случае должен сказать, — что он, Визлицини, всегда, оказывается, был против! Но это — позиция, на которую многие пытались встать в 1945 г., после капитуляции. Я ее не разделяю, потому что такими, позвольте сказать, глупостями не занимаюсь. Раз я там состоял и следовал приказам, то нечего мне говорить, будто я всегда был против. А его отчет в общем и в целом — это смесь из правды и выдумки, собственных взглядов и, конечно, попыток, скажем, доказать, будто автор уже тогда, всегда, был против. По частностям я сделал себе несколько пометок.

ЛЕСС. Пожалуйста, я слушаю.

ЭЙХМАН. Он, в частности, говорит про Мадагаскар как страну для евреев, что это не Эйхмана изобретение. Я никогда не скрывал, откуда взялась идея о Мадагаскаре.

ЛЕСС. Позвольте, что вы имеете в виду? Разве вы не говорили, что Мадагаскар — это был ваш план?

ЭЙХМАН. Ну, я имею в виду... Он тут говорит: дело не в изобретении Эйхмана. О Мадагаскаре как о стране для эмиграции говорили неоднократно. Упоминался сам основатель сионизма Теодор Герцль... и т.д. и т.д. Так что он

изображает, будто я в каком-то смысле... вроде бы... будто это я... как бы представлял дело так, что это мое грандиозное изобретение — предложить такую возможность, Мадагаскар. Ясно же, что мне было известно: и до меня уже носились с этой мыслью. Еще он тут пишет... Ну, здесь пока все более или менее верно... Вот: окончательное решение! У меня еще осталось в памяти, что эти слова «окончательное решение» употреблялись гораздо раньше. Но если он говорит, что «окончательное решение» придумано мной нарочно, чтобы другие инстанции, которые были посвящены... посвящены и т.п. в план переселения... в планы переселения — чтобы ввести их в заблуждение, — то все же это... неверно! Потому что не я назвал «окончательным решением» физическое уничтожение, а употребили эти слова в первый раз в высших сферах, поэтому они и стали постоянной формулой, штампом.

ЛЕСС. Показываю вам заметки о состоявшемся в Главном управлении имперской безопасности 21 сентября 1939 г., т.е. незадолго до окончания боев в Польше, совещании, озаглавленные: «Совещание руководителей отделов и оперативных групп». Желаете об этом высказаться?

ЭЙХМАН. Конечно! Речь идет о докладе Гейдриха. В этом совещании участвовали все руководители отделов и начальники оперативных групп. В числе прочих назван и я: гауптштурмфюрер СС Эйхман, центр по делам еврейской эмиграции. Гейдрих дает здесь в общем и в целом политический и военный обзор, касающийся территории Польши, обращения с евреями в этих областях и прочих обстоятельств, относящихся к народу. Так что все это по ведомству СД. И ведь у СД вообще не было исполнительной власти.

ЛЕСС. Однако и на этом совещании, со ссылкой на директиву Гейдриха, упоминалось «окончательное решение».

ЭЙХМАН. Но это, извините... Я не могу вспомнить ни о том, ни о другом. Я просто не знаю. Но во всяком случае, предполагаю следующее: что это... это... был доклад начальника полиции безопасности и СД и отвечавший за него мог получить соответствующие указания. И он привел их здесь уже в форме директивы.

ЛЕСС. Вот здесь, в первой фразе говорится: «Я напоминаю о состоявшемся сегодня в Берлине совещании и еще раз обращаю внимание на то, что планируемые основные мероприятия, т.е. конечная цель, должны содержаться в строгой тайне». Тогда это значит, что на этом совещании, в котором вы участвовали, обсуждались планируемые «основные мероприятия, т.е. конечная цель».

ЭЙХМАН. Да-да, конечно. Это вполне возможно. Я ведь никогда не отрицал, что был информирован, но только мне... мне кажется странным, что это происходило так рано. Потому что я в... Вот что у меня осталось в памяти... Уже после начала германско-русской войны... Только надо сказать следующее: сегодня очень легко установить, что понималось под конечной целью. А в то время конечную цель следовало понимать, особенно если не работаешь в исполнительных органах... не так, конечно, как, например, ту фразу, которую в известном смысле просто сунули мне под нос, когда вызвали к Гейдриху: «Фюрер приказал уничтожить еврейство!» Или когда я должен был отправиться на Восток, чтобы представить ему доклад — как там движется дело у Глобочника.

ЛЕСС. Вернемся все же к тексту, который писал ваш подчиненный Визлицени в тюрьме в Братиславе после войны.

ЭЙХМАН. Если он тут пишет дальше, что Гиммлер, а также Гейдрих и его последователи Мюллер и Эйхман были полны решимости «нанести еврейству удар, от которого оно уже не оправится, как цинично и откровенно выразился в 1944 г. Эйхман», — то я могу сказать об этом, что ни Гиммлер, ни Гейдрих, ни Мюллер, ни я эту фразу не произносили. А что этот... эту фразу употребил Гитлер в одной из своих речей. Может быть, я использовал эту речь, это могло быть. Но я сам по радио... я узнал о речи Гитлера из радиопередачи. Так же точно притянута за волосы, что на основании одного из указов Гитлера, в которых приказывалось расстреливать каждого попавшего в плен комиссара Красной Армии, — будто я решил заодно уничтожать и остальных евреев. Мысль об истреблении исходит не от меня... и не от Гейдриха она исходит. Она исходит от... от самого Гитлера, и ведь довольно ясно, что начальник отдела IV В 4 Эйхман — я не

знаю, какое у меня тогда было звание, — не может что-то внушить Гитлеру.

ЛЕСС. По этому пункту даю вам документ 11-го процесса военных преступников в Нюрнберге. Это показания, данные под присягой бывшим руководителем группы Вильгельмом Ванеком; он говорит здесь о ваших функциях в Венгрии. Желаете высказаться об этом?

ЭЙХМАН. В данных под присягой разъяснениях бывшего руководителя группы управления VI, разведки Главного управления имперской безопасности, в пункте 4 говорится: «И в заключение я заявляю, что бывший СС... бывший оберштурмфюрер Эйхман со своей группой в Венгрии не был подчинен ни старшему начальнику СС и полиции в Венгрии, ни посланнику в Будапеште д-ру Везенмайеру, а принадлежал формально к Главному управлению имперской безопасности. Указания он получал, насколько мне известно, из Главного управления имперской безопасности и непосредственно от рейхсфюрера СС Гимmlера». Так у Ванека. Должен сказать, что частично это верно — в той мере, что Мюллер сообщил мне, что по приказу Гимmlера мне надлежит отправиться в Будапешт. Я не получал непосредственно от Гимmlера текущих указаний. Это ведь видно уже из всего... из всей переписки. Но во время пребывания в Венгрии... один раз представлялся Гимmlеру, когда был вызван к нему. Моим начальством было управление IV, Мюллер.

ЛЕСС. Однако же Визлицени утверждает, что в августе 1942 г. вы показывали ему письменный приказ Гимmlера об убийствах.

ЭЙХМАН. Я думаю, что говорил уже: я не могу вспомнить, чтобы у меня был приказ, где за подписью Гимmlера как-либо предписывалось уничтожение. Но если Визлицени здесь пишет: «Поскольку в приказе Гимmlера главным пунктом было — оставлять работоспособных евреев...» — это могло быть в письме Гимmlера начальнику полиции безопасности и СД. Ведь не раз бывало, что ему вдруг пришла в голову мысль о чем-то, что касалось «окончательного решения» и т.д., и он тут же пишет... Так могло... могло так быть. Значит, в этом смысле возможно, что у меня... что был соответствующий доку-

мент. Но я не помню, чтобы у меня была бумага, подписанная Гиммлером, где было бы сказано: я приказываю... уничтожить евреев... или нечто в этом роде.

Но вот так, косвенно, это, конечно, возможно, я не отрицаю.

ЛЕСС. Визлицени говорит далее, что от мадагаскарского плана отказались зимой 1941/42 года. Это верно?

ЭЙХМАН. Я думал, что от него отказались еще раньше. Он пишет дальше: «Он — это обо мне — хотел выполнять и другие проекты силами этих рабов, например, создание лесного пояса в Восточной Европе с целью улучшения климата». Ах, это хотел Гиммлер. Я... у меня таких мыслей... я такими вещами не занимался.

ЛЕСС. Что, Гиммлер об этом высказывался?

ЭЙХМАН. Я не знаю. Я не знаю, верно ли это. Насажение лесного пояса в Восточной Европе — это звучит для меня маловероятно, потому что в Восточной Европе, несомненно, достаточно лесов, она же вся в лесах. В том числе дремучих.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Гитлер, Гиммлер и собранные ими в «Наследии предков» ученые действительно занимались подобными проектами, ожидая от них улучшения климата Западной Европы.*

ЭЙХМАН. Визлицени пишет здесь: «С марта—апреля 1942 г. Эйхман располагал соответствующими приказами — организовать депортацию и уничтожение европейского еврейства. В качестве мест уничтожения были сооружены Освенцим и несколько лагерей под Люблином. Очередность по странам с Эйхманом особо не согласовывали. И он не... он не стал торопиться с этой акцией, так как первоочередной задачей полагал уничтожение польского еврейства и депортацию из рейха». Это просто... просто нелепо описано! Ибо не в моей власти было организовать все это дело, как бы я ни захотел. Я обязан был действовать так, как мне было приказано. А приказы поступали непрерывно, так что... И изобилие документов, которые мне здесь предъявляют, показывает со всей очевидностью, как сложны и трудны были отдельные вопросы.

ЛЕСС. Теперь я показываю вам телеграмму германского посланника в Будапеште Везенмайера от 4 апреля 1944 г. Вы хотите ее прочесть?

ЭЙХМАН. Конечно. Везенмайер сообщает, что работы по устройству гетто в районе Карпат, зона I, а также в Семигорье, зона II, завершены, что доставка туда 310 000 тысяч евреев должна быть начата в середине мая, что предусмотрены ежедневно четыре эшелона по 3000 евреев и что 4 мая в Вене должно состояться совещание по графику движения эшелонов. Поскольку имеется в виду, что при проведении операции были захвачены также иностранные евреи, то связной германской миссии при оперативной группе, «зондеркоманде» Эйхмана, посетит на следующей неделе Восточную Венгрию, отберет евреев из нейтральных и вражеских государств и распорядится об их отправке в специальные места содержания.

ЛЕСС. Я вижу, что Везенмайер пишет здесь «зондерайнзацкоманда Эйхмана», спецопергруппа. Это было официальное название?

ЭЙХМАН. Собственно говоря, я был начальн... Я был советником командующего полицией безопасности и СД в Венгрии. Но штандартенфюрер Бехер реквизирует в Будапеште и брал под охрану различную недвижимость для себя, пользуясь этим названием. Просто ставил надпись: «зондерайнзацкоманда Эйхмана», а потом показывал мне — к моему удивлению отчасти.

ЛЕСС. Это название использовалось затем в официальной переписке?

ЭЙХМАН. Было потом официальным, его приняли, да.

ЛЕСС. Где были сконцентрированы евреи после того, как их отовсюду эвакуировали?

ЭЙХМАН. Видите ли, господин капитан, этого я не знаю. Уничтожили все эти сборные лагеря или нет? Столько времени... так много времени прошло. Но мои сведения не так важны; есть, наверное, какие-нибудь документы венгерской жандармерии или расписание железной дороги. У меня была карта, и на ней все это было нанесено, скажем, как оперативно размечала венгерская жандармерия, с римскими цифрами. У меня был приказ, и приказ гласил, очень просто: все прочесать с Востока на

Запад как можно быстрее и эвакуировать венгерских евреев в Терезиен... в Освенцим. Иного в приказе не было. ЛЕСС. Довольно скорый план.

ЭЙХМАН. Так точно! Теперь вот следующее: по проведению, по времени, скажем так — чисто оперативных дел, я бы сказал — их мы совершенно не касались, это была область исключительно организационного отдела венгерской жандармерии. По их наметкам составлялся график эшелонов, расписание, ведь ни людей, ни вагоны мы дать не могли. Будапешт надо было обязательно эвакуировать, это, разумеется, совершенно ясно. Ведь в приказе не говорилось, чтобы я исключил Венгрию.

ЛЕСС (*поправляет*). Будапешт!

ЭЙХМАН. ...Чтобы я исключил Будапешт! Причина, почему на самом деле Будапешт был исключен из плана, заключалась, по моему мнению, в том, что уже нельзя было пользоваться железной дорогой, ведущей на Запад, — ее бомбили.

ЛЕСС. Германские законы военного времени, военные законы о выполнении приказов вам известны?

ЭЙХМАН. О выполнении чего? Простите, чего?

ЛЕСС. Приказов, приказов!

ЭЙХМАН. Вы имеете в виду, господин капитан, Гаагскую конвенцию о ведении войны и тому подобные вещи?

ЛЕСС. Да, такие. И наверняка имелось военное уложение о подсудности.

ЭЙХМАН. Оно к нам не относилось. Мы отвечали перед судом СС и полиции.

ЛЕСС. СС! Ага! А по принадлежности к войскам СС?

ЭЙХМАН. Суду СС и полиции. Наш... верховный судья... верховным судьей был Гиммлер. Конечно, над всеми был фюрер и канцлер — фюрер и рейхсканцлер. Его власть делегировалась Гиммлеру, когда дело касалось СС и полиции.

ЛЕСС. Но вам известны законы, относящиеся к исполнению приказов? Там была статья о незаконных, преступных приказах?

ЭЙХМАН. Незаконные приказы? Нет-нет!

ЛЕСС. Должен преступный приказ быть выполнен или надлежит ему не подчиняться?

ЭЙХМАН. Нет, таких... такие, господин капитан, такие... я бы сказал, такие — не подберу слова — такие различия вообще не упоминались, никогда. Ибо предполагалось: приказ начальника — это приказ! И он должен быть исполнен, как требует от каждого присяга.

ЛЕСС. Безразлично, какого рода приказ?

ЭЙХМАН. Во всяком случае, во время войны. Пятки вместе, носки врозь — и отвечать: «Так точно!» Другого или третьего просто не существует.

ЛЕСС. Был ли в военных законах пункт об исполнении приказа, если таковой незаконен, преступен?

ЭЙХМАН. Не думаю. Во всяком случае, у нас в СС ничего подобного вообще не было. Толкование приказа не есть задача подчиненного, причем, насколько я знаю, из принципиальных соображений. Поскольку... это мне вовсе не... это... Подчиненный не должен толковать приказ; точно так же, как я уже однажды говорил, приказ не обосновывается. Ответственность несут приказывающие. Отдающий приказ потому и занимает соответствующую должность.

ЛЕСС. Но если подчиненный выполняет явно незаконный приказ, не несет ли он за это ответственность согласно уставам?

ЭЙХМАН. Подчиненный, господин капитан, никак не может выполнять «незаконный приказ», а во время войны тем более. Он может только одно: повиноваться отдавшему приказ. Если я не подчинюсь, если кто-то не подчинится, он пойдет под суд — СС это или полиция или под полевой суд... в войсках. Если же он повиновался и исполнил неправильный приказ, то к ответственности должен быть привлечен отдавший приказ. Так было всегда.

ЛЕСС. Теперь я показываю вам телеграмму, переданную из Берлина 14 июня 1944 г. в Будапешт, за подписью фон Таддена из министерства иностранных дел. В ней говорится о бесчинствах, учиненных немцами по отношению к депортируемым из Венгрии евреям, в пути следования... трех эшелонов. Вы хотите прочесть этот документ?

ЭЙХМАН. Конечно. В нем говорится, что словацкая контрразведка довела до сведения немецких офицеров абвера

доклад жандармского поста Кизак, район Прешов, согласно которому немецкие сопровождающие трех эшелонов, вывозивших евреев из Венгрии и следовавших, вероятно, в Освенцим, входили в вагоны и, угрожая евреям расстрелом, принуждали их отдать драгоценности и другие ценные вещи и с этой добычей пьянствовали в вокзальном ресторане и пели... Может быть, да — ведь по дороге евреи бросали из вагонов разные ценные вещи; их потом собирали дети и путевые рабочие.

Вот здесь говорится: «Этот случай вызвал у словацкой общественности возмущение, что наносит вред немецкой репутации. Можно опасаться политической реакции словацкого правительства применительно к решению еврейского вопроса». Я цитирую: «Прошу соответствующего разъяснения и заверения, что повторение подобных инцидентов невозможно. Прошу немедленно выяснить со службой Эйхмана». Мне об этом ничего не известно, но если такое случилось, то безусловно были приняты соответствующие меры. Удивительно в этом случае, что уже и общественность озаботилась. А дело должно касаться немецких сопровождающих эшелон, команды полицейских, обычно их было человек пятнадцать.

ЛЕСС. Предъявляю вам теперь документ на болгарском языке. Я полагаю, что вы не знаете болгарского. Вот перевод. Речь идет о соглашении, заключенном в Софии 22 февраля 1943 г., касающемся депортации 20 000 евреев.

ЭЙХМАН. Это соглашение между болгарским комиссаром по еврейским делам Белевым и моим сотрудником гауптштурмфюрером СС Даннекером, он был там у них советником по еврейскому вопросу. Дело идет о договоренности, согласно которой Болгария, т.е. болгарский Совет Министров, представит 20 000 евреев для депортации, а также спецификацию — из каких районов, из какого района сколько и сколько поездов под погрузку. Остальное — директивы, согласно которым эта эвакуация проводится, т.е. кого эвакуируют; а по остальным пунктам я... мне сказать нечего.

ЛЕСС. Подобные соглашения о депортации евреев заключались также в других странах между вашими уполномоченными и представителями этих стран?

ЭЙХМАН. Как правило, так и делалось. И здесь тоже высшая германская военная или гражданская власть должна была дать свое согласие. Иначе Даннекер в Болгарии не мог бы договариваться. Там ведь у них был посланник... ясное дело... Так что без санкции германского посланника, который должен был все это основательно утрясти... должен был... с Советом Министров, — было нельзя. Так же, разумеется, происходило и во Франции, в Братиславе точно так же, Румыния тоже. В такой форме... так это делалось.

ЛЕСС. Эти соглашения заключались на основании изданных вами директив?

ЭЙХМАН. Нет, такие соглашения, они... они, конечно, заново, это... новшество. Дело, наверное, в том, что в Болгарии был поставлен, самим болгарским правительством, комиссар по еврейским делам. Кто на этом настоял, я не знаю, потому что в остальных случаях дело решалось путем обмена письмами.

ЛЕСС. В чем же был смысл подобных соглашений? Это был своего рода торговый договор, в котором подлежащие депортации евреи служили предметом торга?

ЭЙХМАН. Да, Даннекер, пожалуй, тут подстраховался. Ведь здесь сказано, что на погрузку могут быть доставлены только евреи. Значит, он побеспокоился, чтобы ему не загрузили кого-нибудь еще, скажем, к примеру, цыган или других неудобных лиц, от которых болгары по такому случаю охотно избавились бы, как это уже бывало. Евреев, живших в смешанных браках, он тоже не разрешил, потому что ему еще... это еще не было ясно.

ЛЕСС. Я читаю здесь, сверху: «Евреев, безразлично какого возраста...»

ЭЙХМАН. «Какого возраста и пола...», это значит...

ЛЕСС. Детишек и стариков — загоняй всех?

ЭЙХМАН. Да, несомненно, несомненно. Кто же это приказал, я не знаю. Потому что после... Это было, конечно, не в интересах рейха. В интересах рейха было получить рабочую силу, но не любого возраста. Это проходит через все... через все документы...

ЛЕСС. Разве не было в интересах рейха очистить Европу от евреев путем физического уничтожения?

ЭЙХМАН. Господин капитан, очистить Европу от евреев путем физического уничтожения — это дело, которое... э... конечно, это был лозунг, как... который никогда нельзя было осуществить на практике. Первым лицом, я так думаю, был Гиммлер, наверное... Как было... как с Гитлером, я не знаю, ведь я с ним никогда об этом не говорил. Для Гиммлера было на первом месте — получить как можно больше дополнительной рабочей силы.

ЛЕСС. И поэтому пассаж «безразлично какого возраста»?

ЭЙХМАН. Я этого не знаю. Может быть, они... может быть, такое условие поставил болгарский комиссар по еврейским делам. Может быть, это следует из документов. Я не могу... ничего не могу увязать. Извините, у нас бывали более сговорчивые — нет, тут нужно другое слово — я бы сказал, поверхностные начальники. Так будет вернее. Такие начальники нередко приказывали что-нибудь, а потом имели в тех странах осложнения, неприятности из-за этого. А у меня бывали неприятности только в самых редких случаях, потому что я с самого начала воспитывал в сотрудниках привычку к пунктуальности. Нельзя оформлять ничего, где хоть что-то... хоть как-то не подтверждено черным по белому, документально. Этим я был известен, и это, вероятно, единственный пункт, по которому мои бывшие подчиненные могут что-то такое сказать обо мне. Потому что в этом я был непримирим до конца.

ЛЕСС. Показываю вам теперь семь страниц документа 11-го Нюрнбергского процесса военных преступников. Это данные под присягой показания Адольфа Гетцингера из германской миссии в Будапеште. Вы хотите высказаться о них?

ЭЙХМАН. Так точно. Лично я Гетцингера не помню, даже если... даже фамилии такой не помню. Он здесь рассказывает, как он с невероятным трудом и т.д. и т.д. — каким-то образом ему удалось под конец спасти евреев... Разумеется, чтобы подчеркнуть свои особые заслуги. Это его законное право. У таких людей методы везде одни и те же... те же самые. Прежде всего, он старается выгородить себя, а затем, и это тоже вполне понятно, — обелить

во всей этой истории свое ведомство. Вот он пишет: «Так, один из сотрудников Эйхмана рассказывал мне однажды, что он должен был участвовать как советник в разработке венгерских законов о евреях». Я бы в этом сильно усомнился.

ЛЕСС. А вы участвовали в подготовке этих законов?

ЭЙХМАН. По законодательству о евреях? Вообще нет. Насколько я знаю, венгерское правительство просто скопировало немецкие законы.

ЛЕСС. Вы сначала не разрешали Гетцингеру посетить лагеря, в которые собирали евреев с целью депортации?

ЭЙХМАН. Я этого не помню. Вероятно, я запрашивал об этом Берлин, разрешено ли это мне.

ЛЕСС. Не то ли это, о чем он здесь говорит? Что вы, наверное, обращались за разрешением в Берлин?

ЭЙХМАН. Это возможно. Но не значит, что я или моя служба создавали ему трудности.

ЛЕСС. Вы заявляли Гетцингеру, что венгерских евреев посылают в Освенцим только для использования на работах, а отправляют вместе с семьями, чтобы — как он говорит здесь — чтобы разобщение семей не сказывалось на отношении к труду?

ЭЙХМАН. Не могу вспомнить. Конец апреля, май, июнь — в то время нормы языка... в то время еще говорилось про... Наверное, об Освенциме еще не говорили, а только — вот что возможно: может быть, он участвовал в... в первом совещании по графику отправки эшелонов и там услышал в первый раз слово «Аушвиц», Освенцим.

ЛЕСС. Вы его информировали о том факте, что в Освенциме умерщвляют газом и что мужчин отделяют от женщин?

ЭЙХМАН. Этого я не знаю, господин капитан, я ведь и сам знал только о том, что работоспособные... что все подряд, кто может работать, мужская там работа или... или другая, — всех используют на работах.

ЛЕСС. И никого там не душат газом?

ЭЙХМАН. Ах, конечно, я это слышал. Мне об этом и лагерфюрер Гёсс сказал, верно...

ЛЕСС. Когда вы говорите о депортации целых семей, то это относятся и к детям, их туда же? Значит, и дети моложе 14 лет?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я не знаю. Наверное, я уже говорил об этом — я не знаю, что было в директивах для Венгрии. Директивы издавал сам рейхсфюрер; они были такие разные, что нужное мне приходилось выискивать самому.

ЛЕСС. Если же в Освенцим отправляли только родителей и детей старше 14 лет, как же вы поступали с малыми детьми и младенцами? Вы о них заботились?

ЭЙХМАН. Господин капитан, я этого не знаю. Я уже неоднократно говорил: за это я не отвечал. С прибытием поезда и высадкой людей мои функции заканчивались.

ЛЕСС. Я читаю вам несколько строк из записок освенцимского лагерфюрера Гёсса: «Рейхсфюрер СС подробно осмотрел во время своего посещения летом 1942 г. весь процесс уничтожения, начиная с высадки и до очистки бункера II. Вскоре после посещения рейхсфюрера приехал штандартенфюрер Блобель из ведомства Эйхмана и привез приказ рейхсфюрера, согласно которому все массовые захоронения надлежало вскрыть и трупы сжечь. Надлежало также устранить пепел таким образом, чтобы в будущие времена невозможно было сделать выводы о числе сожженных. Блобель уже проводил в Кульмбахе опыты по различным способам сжигания. У него было поручение Эйхмана показать мне эту установку».

ЭЙХМАН. Я не знаю, что имеет Гёсс именно против меня, если он все время представляет такие вещи. Выглядит это так, будто между нами существовала вражда, но ее не существовало. Блобель не был мне подчинен. Ни я ему, ни он мне.

ЛЕСС. А что утверждает здесь, в своих показаниях, ваш подчиненный Визлицени?

ЭЙХМАН. Это неверно, что он говорит: «Кроме того, для устранения следов казней была создана отдельная команда, формально подчиненная Эйхману, «команда 1005» под руководством штандартенфюрера Блобеля». Штандартенфюрер СС Пауль Блобель был раньше начальником «айнзацкоманды» на Востоке. Он пришел в мой отдел — как сказал Мюллер — «для хозяйственного обеспечения». Он и его люди получили разрешение ночевать, когда они находились в Берлине, в помещениях моего отдела. Блобель имел задание найти все

массовые захоронения на Востоке, организовать их вскрытие, сжигание трупов и устранение следов. С этой целью он и двигался перед постепенно отступающим на запад фронтом и делал свое дело. Долгое время между Блобелем и мной были напряженные отношения. Это был хамоватый человек с грубым голосом, который любил крепко выпить и пытался командовать моими подчиненными, вел себя у меня на службе словно хозяин. Такими правами он ни в малейшей степени облечен не был. Я потребовал от него объяснений. Возник, естественно, скандал, поскольку он был штандартенфюрер, а я оберштурмбаннфюрер, т.е. на одно звание ниже его. По какому именно поводу я чуть было не схватился за пистолет, я уже не помню. Мюллер тогда энергично вмешался и прекратил ссору. Я слышал потом, когда уже был в Аргентине, что американцы повесили Блобеля в Ландсберге, потому что он служил раньше в расстрельной команде. Но об этом он никогда не рассказывал.

ЛЕТОПИСЕЦ. В «команде 1005» было с полдюжины офицеров СС, они лишь надзирали за работами. Вся грязную работу должны были выполнять заключенные концлагерей, охраняли их «вспомогательные полицейские», взятые, в свою очередь, из лагерей военнопленных. По завершению работ они были обязаны расстрелять заключенных, а затем эсэсовская команда уничтожала самих «полицейских».

ЛЕСС. Вам не казалось, что работа Блобеля предвещает поражение в войне?

ЭЙХМАН. Я высказывался уже в 1941 г., за что Мюллер говорил мне в присутствии нескольких других начальников отделов. Я всегда говорил моим людям, что если так будет продолжаться дальше, то вместо того, чтобы выиграть войну, мы ее проиграем. С Визлицени я еще раньше вел разговоры и говорил: «Я не верю в тысячелетний рейх. Я думаю, что, когда Гитлер умрет, рейх развалится. Ведь империя Александра Великого распалась. Достаточно заглянуть в историю; если где-то возникала обширная империя, то со смертью основателя она, как правило, распадалась. Конфликты, соперничество, об-

щее разложение». Так я говорил, например, с Визлицени. Однажды в конце войны сказал Гюнтеру, что больше не верю в победу. Но все же должен сказать, что когда я услышал в первый раз о ракетах, а потом снова и снова о «чудо-оружии», то картина для меня изменилась, и я поверил, что мы в самом деле сможем выиграть войну. И был одним из тех, что верил в «чудо-оружие». Это я должен признать.

ЛЕСС. Тут вы, конечно, были не единственным. Но надежды быстро развеялись.

ЭЙХМАН. В тот момент, когда вера в германское «чудо-оружие», на которое надеялись, наверное, все, улетучилась, а надежд становилось все меньше, они исчезали, — в такое время людям, подобным Бехеру, Визлицени, Крумаю и т.д., нужно было найти и освоить некий защитный набор слов, который помог бы им занять более или менее удобную позицию в случае поражения. К тому же относится проявившееся позже их отношение ко мне. В этом причина однообразия их показаний. В несколько иной форме это относится и к сотрудникам VI управления Главного управления имперской безопасности, к Хёттлю и Ванеку из заграничной разведки. А также к служащим МИДа фон Таддену, Гетцингеру и Греллю. Ведь пропаганда о моей персоне, катившаяся со страниц газет и т.д., не осталась, разумеется, неизвестной этим людям, привлеченным к ответственности. Частично они украсили свои показания грубейшей ложью и клеветой на меня. Это делалось с понятным намерением дистанцироваться от меня — все это, разумеется, после 1945 г. Собственно, пропаганда сделала меня фигурой, которой я никогда не был.

ЛЕСС. А вы сами разве не отмежевываетесь от тогдашних событий?

ЭЙХМАН. Видите ли, господин капитан, офицеры, подложившие 20 июля 1944 г. бомбу в ставке Гитлера, — да, эти люди не были в моих глазах, да и в глазах всех до мая 1945 г., — они не были государственными преступниками. Это были самые обыкновенные предатели, нарушившие присягу негодяи. Теперь же я делю их на совершивших государственную измену и нарушивших присягу по идеалистическим мотивам — и просто из-

менников, нарушителей присяги. Потому что нельзя во время войны, не важно, кто управ... кто во главе государства...

По многим вещам — касается ли это мировоззрения или непосредственно моих дел, допустим, последнего времени, или материальных обстоятельств, — по многим таким вещам у меня была до 8 мая 1945 г. совершенно иная точка зрения, чем сегодня. В то время мы жили с совершенно иным, я бы сказал, психологическим настроением по отношению к этим вещам, потому что были в состоянии такой войны — быть или не быть нашему народу. Ни о чем другом мы тогда не думали. Было ли это обусловлено пропагандой, или же чувством долга, или еще чем-то, имеет, вообще-то говоря, второстепенное значение. В любом случае положение было именно таким. Не я один был таким; это были миллионы, иначе немецкий народ не выстоял бы пять лет против стольких сил и таких держав. Я не собираюсь заносить в протокол какие-то героические размышления — теперь, спустя 15 лет, я от них далек, — но тогда мы были настроены совершенно иначе, чем сегодня.

ЛЕСС. А почему вы сегодня рассуждаете иначе?

ЭЙХМАН. Только потом, после 45-го, я увидел, что не только я пересмотрел свою точку зрения, но что многие, многие другие пересмотрели свою точку зрения. Кто-то сразу же просто отменил все это, выбросил за борт. Мне казалось, что такие люди так же мало... э... так же далеки от моральных устоев, как и те, кто во время войны провозглашал верность долгу, а на самом деле думал другое. Но были и люди, которые размышляли обо всем этом и не могли — да, я так считаю, — не могли найти ответа. И я тоже. Я должен честно признать: я не мог вот так сразу взять и отбросить все прежнее. Потом я постепенно поднимался к... на другую ступень, и время, которое ушло на то, чтобы прийти к сегодняшним взглядам, было очень долгим. Понадобилось даже... чтобы ракету посадили на Луну. С того времени я... радикальное изменение во мне... Нет, не во мне дело, это происходило само собой при мыслях обо всей той истории, обо всем, что связано с войной, со всем комплексом нации, с национализмом и всем остальным. Так долго это длилось

у меня. Это я должен признать. До 8 мая 1945 г. я не признавал ничего, потому что не мог нарушить присягу. Мог только взять и застрелиться.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Однако же Эйхман постарался пережить Третий рейх. А отрицает, что в конце войны скрылся, только затем, чтобы подчеркнуть, что не чувствовал за собой вины. Разумеется, он знал, что победители возьмутся и за него. Он якобы презирает своих коллег, которые при капитуляции бежали с фальшивыми документами, однако жил в Германии до весны 1950 г. под чужим именем, с фальшивыми документами.*

Весной 1945 г. Эйхман под именем обер-ефрейтора военно-воздушных сил Адольфа Барта пробрался сначала из Тироля в Баварию. Американцы его задержали, но, когда начались допросы, он сумел бежать. Далеко не ушел, и под тем же именем, но уже как «обершарфюрер СС» очутился в американском лагере военнопленных «Вайден» в Верхнем Пфальце. Там превратился в унтерштурмфюрера СС Экмана, который вскоре тоже бежал и под именем Отто Хенингера нашел приют у крестьянина в Прине, на озере Химзее. И 20 марта 1946 г. этот «Отто Хенингер, уроженец Бреслау» (т.е. Вроцлава, где, возможно, уже не существовало документов), объявляется в нижнесаксонском селении Эверзен как рабочий лесозаготовок. Он оставался в Эверзене и тогда, когда после денежной реформы его работодатель обанкротился. Арендовал в Альтензальцкоте неподалеку от города Целле луг, завел кур и производил яйца и битую птицу. К весне 1950 г. скопил достаточно денег для тщательно спланированной поездки за океан. Уехал через Австрию в Италию, там раздобыл паспорт на имя Рикардо Клементта. И с визой аргентинского консула в Генуе сел 14 июля 1950 г. на корабль, идущий в Буэнос-Айрес.

ЛЕСС. Не хотите ли взглянуть вот на это фото? Это ваш снимок?

ЭЙХМАН. Так точно. Он сделан в Аргентине.

ЛЕСС. В каком году?

ЭЙХМАН. Это могло быть... Наверное, в Тукумане, да... Да, пожалуй, судя по костюму, в Тукумане. Значит, примерно... 1951-й или 1952-й. Нет, не 52-й. Да, я думаю, 51-й. Год 1950-й или 1951-й, да.

ЛЕСС. И что вы здесь надписали? Ваш почерк? «Адольф Эйхман, оберштурмбаннфюрер СС в отставке».

ЭЙХМАН. Так точно! Не могу вспомнить, кому я его дал. Может быть, Геллеру, может быть, он хотел иметь это.

ЛЕСС. Кем был Геллер?

ЭЙХМАН. Геллер, с которым я туда переехал, тоже штандартенфюрер СС. Однако я вспоминаю, что это мог быть и не Геллер. Мог быть кто-то другой, с кем я был тесно связан; это не женщина, а... лицо мужского пола, и я смутно припоминаю, что ему было важно, чтобы я поставил... *(Эйхман берет сигарету.)* Большое спасибо! Чтобы подписал мое звание...

ЛЕСС. Гм...

ЭЙХМАН. И я не помню, чтобы я вот так... как... чтобы я так надписывал фотографию на манер кинозвезды; я могу себе, скорее, представить, что сделал надпись на обратной стороне. Это ведь снимок, который был нужен для личного дела фирмы «Капри» и т.п., и оригинал был поменьше. Это были небольшие фото, и я ведь не мог... Может быть, при копировании сфотографировали подпись с обратной стороны и пересняли ее на лицевую сторону?

ЛЕСС. Но это фото примерно 51-го года, так?

ЭЙХМАН. 50-го или 51-го, когда я работал в «Капри». Когда я был в Тукумане, там работал.

ЛЕТОПИСЕЦ. Суду была предъявлена еще одна фотография Эйхмана. На ней он в обществе двух мужчин в гражданской одежде на палубе корабля, уносящего их в Южную Америку. Упомянутая им «Капри» — это компания, проводившая по заданию правительства Аргентины изыскания по выбору места для строительства гидроэлектростанций и проектированию. В ней работали преимущественно немцы, покинувшие Германию после войны. Опытный организатор Рикардо Клемент, обзаведшийся к тому же аргентинским паспортом, руководил вначале отрядом местных неквалифицированных рабочих и быстро продвигался по службе, так что вскоре зарабатывал столько, что смог привезти семью. В конце июня 1952 г. Вера Эйхман, урожденная Либль, проживавшая в Аусзее с сыновьями Клаусом, Дитером и Хорстом, отправилась в путь через Геную и Буэнос-Айрес в Тукуман, где работал в то время Эйхман. Вначале сыновья

считали его «дядей Рикардо». У них осталась прежняя фамилия, а мать жила под своей девичьей фамилией. Это положение сохранилось и после того, как правительственные подряды у компании «Капри» закончились и оставшийся без работы Рикардо Клемент с семьей перебрался в пригород Буэнос-Айреса.

Владелец квартиры, которую они снимали, еврей Франциско Шмидт, отзывался впоследствии о своих квартирантах только с похвалой. Эйхман работал сначала в маленькой прачечной, затем последовательно служащим, руководителем кроличьей фермы, а когда он в конце концов устроился в представительство концерна «Даймлер—Бенц», то за несколько месяцев достиг должности руководителя самостоятельного отделения. Вскоре он уже смог купить участок и построить дом.

ЛЕСС. Соответствовало ли ваше последнее звание в СС вашим полномочиям?

ЭЙХМАН. В гестапо начальник отдела имел звание, соответствующее правительственному советнику — это штурмбаннфюрер или старшему правительственному советнику — оберштурмбаннфюрер. А в самом Главном управлении СД на этой должности можно было получить и следующее звание — при требуемой выслуге лет. Наверное, это был предел. Я, например, просидел в звании оберштурмбаннфюрера, кажется, четыре года. По всем статьям мне уже полагался, по крайней мере, следующий чин. Группенфюрер Мюллер спросил меня однажды: «Ну что, Эйхман, как насчет государственной должности?» А я ему сказал: «Если это не приказ, то я бы просил не считать меня кандидатом, потому что я хочу остаться в своем звании». Ведь я хотел уйти оттуда, вернуться в строй. Или, если бы это не удалось, перейти в полицей-президенты какого-нибудь города.

ЛЕСС. Ведь то, чем вы занимались, было высшей государственной тайной.

ЭЙХМАН. Поскольку я давно не носитель секретности — ни просто секретных сведений, ни государственных тайн, — то я уже никак, ни в малейшей степени не связан присягой, которую когда-то принял и которой обязан был следовать только до 8 мая 1945 г. С этого дня я внутренне свободен, даже если должен пострадать за со-

вершенное. У меня не осталось моральных обязательств. И поэтому нет никаких причин отказываться от дачи показаний.

ЛЕСС. И вы ничего не скрываете?

ЭЙХМАН. Можно, конечно, считать, что я охотно рассказываю все то, в чем меня, скажем так, особенно обвинить нельзя, но «забываю» о тех вещах, которые, скажем так, и есть суть дела. Я должен такое отвергнуть по моральным причинам. Я стою на той точке зрения, что это было бы трусостью.

ЛЕСС. Значит, вы ничего не приукрашиваете?

ЭЙХМАН. Года полтора назад я услышал от одного знакомого, вернувшегося из поездки в Германию, что среди части немецкой молодежи становится заметным определенное чувство ответственности, комплекс вины за все происшедшее. Этот факт был для меня, я бы сказал, таким же событием, каким стало бы сообщение о первых людях на Луне. Это было важно для моей внутренней жизни, вокруг этого роилось много мыслей. Именно поэтому я решил не уклоняться от обвинений, когда обнаружил, что за мной следят, что я, можно сказать, окружен.

Я уже знал, что меня опознали, что кольцо вокруг меня все время сжимается. Во-первых, был приказ израильского премьер-министра Бен-Гуриона искать меня, я прочел об этом в газете. И во-вторых, мне стало известно, что некие люди интересовались местностью неподалеку от меня — они-де хотят купить участок для фабрики швейных машин. Но там не было ни электричества, ни пресной воды, и я понял, что они — во всяком случае, судя по их речи — евреи из США. У меня была тогда прекрасная возможность еще раз скрыться. Я этим не воспользовался, а продолжал свое дело — пусть будет, что будет... С документами и отзывами, которые у меня были, я мог бы запросто получить место, например, в аргентинской государственной службе, где-нибудь в Патагонии. Я отказался от этого, потому что решил, что теперь не имею права исчезнуть, особенно после того, как разговор о чувстве вины немецкой молодежи произвел на меня такое впечатление.

ЛЕТОПИСЕЦ. *Честь обнаружения убежища Эйхмана и тем самым — возможности предать его в руки правосудия оспаривают разные люди. В их числе Симон Визенталь, называвший себя «охотником за Эйхманом»; в течение многих лет он шел по многим следам и высказал немало догадок, но Аргентиной заинтересовался слишком поздно. Среди них и журналист Тувия Фридман, подвергшийся нацистским преследованиям и брошенный в концлагерь у себя на родине в Польше. Факты же таковы: уже в конце 1959 г. агенты израильской разведки начали в Оливос, пригороде Буэнос-Айреса, слежку за служащим по имени Рикардо Клемент. А первым, кто указал своим израильским коллегам на Аргентину, был Фриц Бауэр, генеральный прокурор из Франкфурта-на-Майне.*

Только в марте 1960 г. агенты добыли достаточно доказательств того, что Рикардо Клемент — это Адольф Эйхман. Но похищение было спланировано и подготовлено, когда семья Эйхманов переехала в только что построенный собственный дом на краю города. На этой окраине, вечером 11 мая 1960 г., между автобусной остановкой и своим домом Эйхман был схвачен, усажен в автомобиль и увезен на подготовленную конспиративную квартиру. Там его спросили: «Как ваше имя?» И он ответил: «Я Адольф Эйхман. А вы израильтяне?»

До 20 мая его держали в этом убежище, большую часть времени под действием снотворных. А вечером последнего дня отвезли в инвалидном кресле в аэропорт, выдав за тяжелобольного богача, пожелавшего окончить свои дни в Земле Обетованной. И погрузили в израильский самолет, прилетевший в Буэнос-Айрес на самом деле специально за Эйхманом.

23 мая в Хайфе ему было зачитано обвинение в том, что «...за годы с 1938-го по 1945-й он был виновником гибели в Германии и в оккупированных ею областях миллионов евреев». Эйхману был задан вопрос: «Вы признаете себя виновным?» Он ответил: «Мне не в чем признаваться, кроме того факта, что не я ответствен за действия, в которых меня обвиняют. Я докажу это в должное время».

ЛЕСС. Я хочу прочесть вам некоторые места из немецкого журнала «Штерн». В номере от 9 июля 1960 г. вышла статья о вас. Я прочту вам только несколько отрывков. Здесь написано: «Вот он — это о вас — делает надпись на книге «Атом» д-ра Фрица Кана: «Я духовно одолел эту

книгу и нашел замечательное подтверждение национал-социалистической веры и веры в Бога; а поскольку она находится в дальнем родстве с материализмом коммунистического мировоззрения, т.е. с ленинским материализмом, я предостерегаю моих детей от того, чтобы валить все это в одну кучу. Ленинско-марксистская доктрина учит материализму. Он холоден и безжизнен. Напротив, вера в Бога сердечна, естественна, вечно жива. Но к сожалению, мне приходится опасаться, что трем моим сыновьям, при их невежестве, все это ни к чему — так, из пустого в порожнее».

Вы такое помните?

ЭЙХМАН. Там у меня устроили обыск, после того как меня похитили. Вот что я из этого заключаю. Да, знаю, я это написал, так точно! Потому что мои сыновья демонстрировали такую... скажем, незаинтересованность в своем духовном развитии, что я предостерегал их.

ЛЕСС. В «Штерне» написано дальше: «Он рассказывал им, в чем он находит и видит для себя оправдания: вашего отца ищут, его обвиняют в ужасных вещах, но это неправда. Он всегда был только прилежным чиновником, которой делал то, что ему приказывали, но никогда не убил ни одного человека».

ЭЙХМАН. И это верно!

ЛЕСС. И дальше: «Он не скрывает от друзей, кто он такой, ведет нескончаемые разговоры; читает все, что опубликовано после войны и относится к области его компетенции — к «еврейскому вопросу». Он отчаянно цепляется за последнее, что ему осталось в оправдание его деятельности: за верность присяге, исполнение долга, повиновение. И люто ненавидит каждого, кто в последние часы «тысячелетнего рейха» предпочел человеческие чувства безоговорочному повиновению. Он читает книгу Герхарда Больдта «Последние дни рейхсканцелярии» и обнаруживает, что автор Больдт не был предан своему фюреру до последнего вздоха. Текст на суперобложке книги начинается так: «В январе 1945 г. молодой офицер-фронтовик...» Эйхман зачеркивает «офицер-фронтовик» и надписывает: «подонок». И на том стоит: всюду, где на страницах книги появляется Больдт, — приписывает: «подонок», «изменник» или «подлец». А

там, где Больдт рассказывает, как в последние дни национал-социалистического рейха высшие чины СС, такие важные и чванливые, стали будто ниже ростом и искали общения, на полях появляется замечание Эйхмана: «Автор — глупейшая ж...» В другом месте Эйхман пишет: «Отрубить надо было голову автору, этому подлецу. С такими подонками мы и проиграли войну». И наконец, на последней странице книжки — резюме Эйхмана:

1. Каждый может жить, как он хочет.
2. Но тогда не надо изображать из себя офицера, ибо
3. Офицер = верность долгу согласно присяге!

Снова все та же соломинка — «верность долгу», за которую он цепляется, со страстью изобретая слова, которых не ведал, когда хладнокровно, со смертельной пунктуальностью помогал «решать еврейский вопрос».

Это ваши заметки на полях?

ЭЙХМАН. Да, мои. Но конечно, это... это подлость — говорить про соломинку, которой я, дескать, раньше не знал. Знал всегда. Для меня это норма. Я принял за норму императив Канта, притом уже давно. Я строил мою жизнь в соответствии с этой нормой и следовал ей в заметках для моих сыновей, когда видел, как они распушенны. И пытался суровыми словами призвать их к благоразумию... Если я читал книгу, то при чтении... если меня охватывал праведный гнев, я хватался за карандаш и записывал — то, что мне в этот момент казалось важным.

ЛЕСС. Вот «Штерн» пишет дальше: «Знакомые и друзья, которые общались с ним в Аргентине, характеризуют его как человека, внутренне сломленного; он хотя и понимает свою вину, которую не передать никакими словами, но не решается признаться себе в этом и, закусив удила, яростно ищет формальных оправданий, чтобы не быть вынужденным вынести себе самому приговор».

ЭЙХМАН. Это неверно. Это... это... журналистская болтовня!

ЛЕСС. Дальше: «Совесть Эйхмана... Он записывает: «Я уже устал жить анонимным странником между мирами. Голос сердца, от которого не уйти ни одному человеку, все время нашептывает мне, подсказывает путь к покою. Я хочу примирения, с моими бывшими противниками. — тоже. Может быть, это в немецком характере. Я был бы последним из тех, кто не готов предстать перед герман-

скими инстанциями, если бы не задумывался над тем, что политические интересы в отношении к подобным делам слишком велики и результат вряд ли будет ясен. Я далек от того, чтобы хоть в малейшей степени усомниться в справедливости германского суда, но совершенно не представляю себе правового статуса бывшего исполнителя, который обязан был действовать в соответствии со служебной присягой и выполнять полученные приказы и указания, — моего статуса в сегодняшнем правосудии, при вынесении приговора. Я был всего лишь верным, аккуратным, корректным, прилежным исполнителем. Был вдохновлен чувствами к своей родине, имел честь принадлежать к СС и служить в Главном управлении имперской безопасности. Внутренне я никогда не был ни подлым, ни изменником.

И, оглядываясь на свое прошлое, я убеждаюсь со всей добросовестностью, что не был ни убийцей, ни организатором массовых убийств. Но чтобы ни на волосок не отклониться от правды, я желаю сам обвинить себя в содействии убийствам, потому что передавал получаемые мною приказы о депортации и потому что по меньшей мере часть этих депортированных была убита, хотя и совсем другой службой.

Я сказал, что если стану строго и беспощадно судить себя сам, то должен буду обвинить себя в содействии убийствам. Но я еще не вижу ясно, имею ли я на это право по отношению к моим непосредственным подчиненным. Так что я все еще нахожусь в состоянии внутреннего конфликта. Мое субъективное отношение к происходившим событиям определялось моей верой в необходимость тотальной войны, и я был обязан верить лозунгу, постоянно провозглашаемому руководителями тогдашнего германского рейха: «Победа в этой тотальной войне или закат немецкого народа». На основании этого я с чистой совестью и верой в сердце исполнял приказы и следовал долгу».

ЭЙХМАН. Так точно!

ЛЕСС. Это сделанные вами записи или...

ЭЙХМАН. Я не могу вспомнить, где я их сделал, но это мои слова. Я узнаю слова. Откуда... откуда они, я не могу объяснить.

ЛЕСС. И дальше «Штерн» пишет: «Но этот Эйхман не был человеком озверевшим или отупевшим. Согласно заслуживающим доверия свидетельствам, он был, скорее, сентиментален. Тем не менее этот человек, который все видел и знал, подписывал приказы о депортации, означавшие для многих сотен тысяч людей смерть. Он был чиновником смерти, и он знал это, когда был им. Он не испытывал тогда ни сомнений, ни стремления ссылаться на необходимость подчинения приказу. Ему придется отвечать за это».

ЭЙХМАН. Последнее — это журналистская болтовня. Если моей установкой была верность присяге, то не надо... то нечего тут возиться и толковать превратно... Эти журналисты, они могут... И писатели, сочинители романов, тоже могут.

ЛЕСС. Как вы относитесь к пометкам в ваших книгах?

ЭЙХМАН. Относительно того, что я писал на моих книгах, я придерживаюсь той точки зрения, что это обстоятельство — мои записи на моих личных книгах — не должно интересовать никого, если я не одалживаю кому-либо эти книги. А я их никому не давал.

Господин капитан, разрешите мне высказать под конец личные соображения и сообщить здесь мое личное решение. Я рассказал теперь все, что смог извлечь из памяти, хотя прошло 15 лет. В основном — так я, во всяком случае, полагаю — ничего существенного не осталось. Но я уверен, что должно быть еще множество деталей и я мог бы их ясно представить себе, если что-то меня подтолкнет. Я прошу принять во внимание, что в любом случае я готов сообщить о происходившем все, что знаю. Внутренне я давно уже был готов к такому полному признанию, только не знал, куда приведет меня для него судьба. В январе мне сказали, что еще в этом году я предстану перед судом. Так же точно, как мне сказали, что свой 56-й год я не переживу. Первое уже наступило, второе, я полагаю, неотвратимо. Уже одно это дает мне полную внутреннюю готовность добровольно дать показания обо всем, что я знаю.

Всю свою жизнь я привык повиноваться, с самого детства и вплоть до 8 мая 1945 г., а за годы, проведенные в СС, это превратилось уже в безоговорочное, рабское

повиновение. И что дало бы мне неповиновение? И кому пошло бы оно на пользу? Все главное и определяющее в событиях с 1935-го по 1945 г. никогда не было мне доступно; я находился на слишком низкой ступени как по званию, так и по должности. Несмотря на все это, я, конечно, знаю, что не могу умыть руки, сложить с себя ответственность, ибо тот факт, что я был всего лишь исполнителем приказов, ничего сегодня не значит. Те, кто планировал, кто решал и приказывал, задешево ушли от ответственности, покончив с собой. Другие из этой компании мертвы или их нет. Хотя на моих руках нет крови, я буду, конечно, признан виновным в пособничестве убийствам. Но как бы там ни было, я внутренне свободен, чтобы покаяться в ужасном прошлом лично. Я знаю, что мне предстоит быть осужденным на смерть. Я и не прошу пощады, мне это не подобает. И я готов, если это будет означать еще большую меру покаяния, показать устрашающий пример всем антисемитам этого мира — публично повеситься.

Пусть мне разрешат еще написать перед этим книгу об ужасах — как предупреждение и на страх нынешней и будущей молодежи, и пусть тогда завершится моя земная жизнь. Вы позвольте мне, господин капитан, передать вам это заявление — в ваши дела?

ЛЕТОПИСЕЦ. Эйхман хочет перед казнью написать мемуары, как Рудольф Гёсс, комендант лагеря уничтожения Освенцим, и д-р Ганс Франк, генерал-губернатором оккупированной Польши. Оба они оставили письменные воспоминания. От Эйхмана же остались только собственноручные признания, но они скудны, отрывочны, обходят конкретные подробности и задуманы явно как некое оправдание перед своей семьей. Таким образом, протоколы допросов в Израиле остаются важнейшим и самым подробным документом о характере и деяниях этого человека, чье имя навсегда связано с историей геноцида — с истреблением евреев.

По сути дела, Эйхман был — как и показал судебный процесс — не более чем исполнителем. Побудительной причиной его поступков был не столько антисемитизм, сколько служебное рвение, карьеризм, наслаждение властью над жизнью и смертью. Он был горько разочарован тем, что не поднялся над сред-

ним слоем эсэсовской иерархии и его петлицы украшали лишь четыре звездочки и нашивка оберштурмбаннфюрера — подполковника СС. Он никогда не мог понять, что деспоты предпочитают держать палачей — своих подручных — в тени.

Вести допросы по его делу было поручено капитану полиции Авнеру Лессу, бывшему жителю Берлина, хорошо знавшему условия жизни в Германии до 1933 г. и говорившему с Эйхманом на его родном языке. Он пользуется старой как мир уловкой криминалистов: задавая вопросы, то и дело переходит от одного эпизода к другому, поскольку это сбивает обвиняемого с толку и тот путается в показаниях. Так что изучение 3564 страниц протоколов допроса было нелегким делом. В книге хватило места лишь для части этих протоколов, Йохен фон Ланг и Клаус Зибилл объединили разбросанные по разным местам факты, относящиеся к отдельным вопросам, и по возможности привели их в определенный порядок — по месту и времени событий. Для историков были важны показания Эйхмана, проливающие свет на масштабы и методы нацистских преступлений и в то же время показывающие, как рядовой человек бюргерского происхождения и нормального воспитания, без криминальных наклонностей, может превратиться в изверга исключительно под влиянием условий — прославления насилия и ослепления «фюрером».

Допросы начались 29 мая 1960 г., спустя девять дней после прибытия Эйхмана в Израиль. До 2 февраля 1961 г. арестованного приводили к капитану полиции Лессу через различные промежутки времени 90 раз. Он провел с Эйхманом на допросах в общей сложности 275 часов. Вопросы и ответы записывались на магнитофон и затем перепечатывались.

Эйхману предъявлялись распечатки, одна за другой, всего 77 кассет. Неровным почерком, каракулями, он исправлял лишь немного, подтверждая каждый раз, что «этот текст сверен мной с магнитофонной записью и собственноручно исправлен, я подтверждаю точность и правильность записи моей подписью».

Через два месяца после последнего допроса 11 апреля 1961 г. в Иерусалиме начался судебный процесс. Суд был создан новым законом специально для этого процесса. Многие евреи, которые прежде находились во главе еврейских общин Берлина, Вены, Праги, Будапешта выступили как свидетели обвинения. Эйхман во всем признавался, но ссылался на приказы сверху. Мо-

жет быть, он втайне надеялся, что будет осужден только за пособничество убийствам и таким образом избежит приговора к смерти. Но сам масштаб преступлений не позволял квалифицировать их иначе, чем убийства.

В остальном процесс был, насколько позволяли чувства судей по отношению к обвиняемому, безупречен. Процесс длился семь месяцев, и каждый день заседаний суда напоминал о страданиях и гибели евреев. Одиннадцатого декабря 1961 года председательствующий объявил приговор: смерть. Через полгода, 31 мая 1962 г. Адольф Эйхман был повешен. Труп его был сожжен, пепел высыпан в море.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В первый раз я увидел Адольфа Эйхмана в 16 часов 45 минут 29 мая 1960 года. В помещении, где должен был начаться допрос, находились мой непосредственный начальник полковник Хофштеттер и я; туда привели Эйхмана. Мы были напряжены, даже прекрасно владеющий собой полковник не мог скрыть, что нервничает. Но когда заключенный, одетый в брюки и рубашу цвета хаки, в открытых сандалиях на босу ногу, предстал перед нами, я был разочарован. Не могу сказать, чего я ждал — наверное, фашиста, каких мы видели в кино: высокого роста блондина с голубыми глазами и сверлящим взглядом, с надменным, господским выражением лица. Но предо мной стоял самый обыкновенный человек, чуть выше меня ростом, скорее худой, чем стройный, с довольно бедной шевелюрой. Совсем не Франкенштейн и не колченогий дьявол с рогами. Эта «нормальность» только усилила впечатление от его устрашающих признаний, если сравнить их с тем, что я уже знал из документов.

Наши беседы Эйхман начал с просьбы. В Аргентине он носил очки. Их у него изъяли, но они ему нужны. Я велел отдать ему очки. Потом по соображениям безопасности стекла были заменены линзами из пластика; он хотел делать заметки, готовясь к допросу, и мне пришлось позаботиться о том, чтобы днем он всегда мог пользоваться очками в своей камере. Он много курил, и я приказал увеличить его табачный рацион. Кроме того, он постоянно получал сигареты от меня; тогда я был курящим, и когда закуривал, то давал сигарету и ему. Причин делать ему послабления у меня не было, но с сигаретой он становился разговорчивее и сосредоточивался на показаниях.

Когда он сидел напротив меня в первый раз, это был сплошной комок нервов. Левая сторона его лица дергалась. Руки дрожали, он их прятал под стол. Я чувствовал — он боится, что с ним быстро расправятся. Он ведь знал только ге-

стаповские методы допроса — свои и своих бывших коллег. Он не мог представить себе, что израильская полиция будет обращаться с ним исключительно корректно.

Поначалу я воспринял сидящего вот так передо мной Эйхмана как птичку, которую держу в руках, — она целиком в моей воле. Но в ходе допросов у меня возникли другие ощущения. Его показания и документы позволяли отчетливо понять, с какой холодной изощренностью и хитростью он планировал и осуществлял истребление евреев. Это привело к тому, что в какие-то дни мне хотелось избежать любого общения с Эйхманом, и я искал повода, чтобы перенести допрос на другой день, потому что чувствовал себя не в состоянии следить за его отвратительными описаниями или выслушивать его неуклюжую ложь.

И тем не менее допросы велись с начала и до конца в тоне беседы. В первые дни случалось, что в разгар дискуссии мы говорили одновременно или перебивали один другого. Но после того как секретарши, распечатывавшие магнитофонную запись, стали жаловаться на такие перебивки, на неразборчивую запись, мы договорились, что Эйхман замолкает, если я подаю ему знак. Эта система действовала успешно.

Говорил он на ужасающем немецком. Вначале я его с трудом понимал — этот его австрийско-берлинский нацистско-чиновничий немецкий с аршинными фразами, в которых он и сам не раз запутывался. А после первой встречи с адвокатом Эйхман спросил меня: «Господин капитан, вы знаете, что сказал мне доктор Серватиус? Он недоволен моим немецким, он сказал: «Сначала вам надо снова научиться говорить по-немецки. И лучшему переводчику не справиться с вашими периодами!»

Особенно бросалось в глаза полное отсутствие у Эйхмана чувства юмора. У него были тонкие губы, и если несколько раз он все же улыбнулся, то глаза его так ни разу и не осветились улыбкой. Он всегда выглядел язвительным и одновременно агрессивным.

Его стратегия защиты была неизменной с самого начала. Я был знаком с ней еще со времени Нюрнбергских процессов; он ей неизменно следовал. Он знал, что речь идет о его голове, и стал «окапываться» с первого же допроса. До тех пор пока не предъявлялись доказательные документы, он все отрицал (так же точно вел себя в Нюрнберге его бывший

шеф Кальтенбруннер). Когда это не помогало, Эйхман изображал себя таким «малым колесиком» и перекалывал всю вину на вышестоящих и подчиненных. И всегда ссылался на необходимость подчиняться приказам.

Всеми тремя способами он пользовался и во время допросов, и на суде в Иерусалиме. Он явно надеялся избежать виселицы, если ему удастся убедить всех нас в своей незначительности. Только поэтому он так подробно рассказывал мне о массовых убийствах, при которых он — действительно совершенно пассивно — присутствовал. Он ждал, что после его откровенных рассказов о преступлениях, совершенных другими, ему поверят, когда он будет лгать, выгораживая себя.

Я стал для Эйхмана, по существу, единственным человеком, с которым он мог общаться. Мне он мог рассказывать все, лгать и говорить правду. Иногда обвинительный документ так потрясал его, что он в полной растерянности тут же признавался в том, что там вскрывалось. Когда же начинал осознавать масштаб содеянного, то на следующем допросе просил вернуться к тому или иному эпизоду и разрешить ему высказаться еще раз. И на этот раз отрицал все, в чем в прошлый раз произвольно признался.

Однажды Эйхман даже сделал мне настоящий комплимент. Предметом вопроса был проект письма имперского министерства по делам оккупированных Восточных областей, в котором шла речь об устройствах для удушения газом и содержалась следующая фраза: «...Следует также иметь в виду, что штурмбаннфюрер Эйхман, ведущий дела по еврейскому вопросу в Главном управлении имперской безопасности, согласен с этим предложением...» Документ был тяжким обвинением, но он тут же признался, что обсуждал его с автором письма. Когда мы потом проверяли распечатку с пленки, Эйхман заявил, что на следующем допросе хочет сделать некие дополнения. А в ответ на мое замечание, что он может отвечать на допросах так, как считает нужным, пустился в похвалы. Он, мол, хорошо знает, что я ни разу не пытался ни обещаниями, ни угрозами добиться от него признаний. И поэтому испытывает потребность, заявил он официальным тоном, поблагодарить меня за корректность при допросах. И при этом церемонно поклонился.

Если вначале он был весь словно комок нервов, то уже через неделю более или менее взял себя в руки — допросы явно успокаивали его. Но однажды — это было, наверное, в первой половине июля 1960 г. — все-таки впал в панику, решив, что настал его последний час. В комнату, где шел допрос, вошел офицер охраны и приказал Эйхману следовать с ним — его отведут к судье. В сильном испуге Эйхман поднялся. И когда солдат охраны стал завязывать ему глаза, у него подкосились колени. «Господин капитан, — умоляюще закричал он мне, — я ведь еще не все рассказал вам!» Я постарался его успокоить: «Вас только отведут к судье, чтобы он мог продлить срок содержания под стражей. Затем мы продолжим допрос». Это привело его в чувство, и он твердой походкой вышел из комнаты, сопровождаемый двумя солдатами. Повязка нужна была только затем, чтобы он не видел дороги.

Самым неприятным были попытки Эйхмана втереться в доверие. Так однажды, указав на эмблему израильской полиции, он сказал мне: «Когда я вижу этот знак, господин капитан, я понимаю, что мы, собственно говоря, коллеги. Я ведь тоже служил когда-то в полиции». Я поставил его на место: «Вы никогда не были полицейским. Вы были в СС и СД». Смущенно глядя на меня, он смог только сказать: «Ах да?» И после непродолжительной паузы продолжал: «Но у меня нет страха перед полицией. Я ведь знаю ее. Суд — это уже другое дело, я никогда не был под судом».

Я воспроизвожу здесь отдельные сцены только для того, чтобы показать человека, который сидел передо мной во время допросов и при правке распечатанных магнитофонных записей. Больше всего меня возмущало, что Эйхман явно не ощущает чудовищности своих преступлений и ни в малейшей степени не испытывает раскаяния. Когда 1 января 1961 г. я упомянул о начале нового года, Эйхман заявил: «Вы позволите, господин капитан, пожелать вам приятного Нового года?» При этом он поклонился и, сидя, шелкнул под стулом каблуками. Я только сказал, что не смогу ответить ему таким же пожеланием. На это он: «Конечно, господин капитан, я очень хорошо понимаю, что вы не имеете права». Что у меня и в мыслях не могло быть такого, ему в голову не пришло.

Его бесчувственность стала для меня еще нагляднее, когда однажды он спросил, есть ли у меня братья или сестры, родители. Когда я ответил, что мой отец был депортирован его, Эйхмана, службой — увезен из Берлина в январе 1943 г. в одном из последних эшелонов с евреями, — он широко раскрыл глаза и воскликнул: «Но ведь это ужасно, господин капитан, просто ужасно!»

Вполне понятно, что я не считал для себя возможным сообщать ему еще что-либо о моей семье. Но читателю сведения о нашей судьбе могут послужить дополнением к протоколам допроса. Я родился в Берлине в 1916 г., на Прагерштрассе. Родители моего отца были выходцами из Восточной Пруссии, а мать происходила из семьи, многие поколения которой жили в Берлине. Мои родители были добрыми евреями и такими же добрыми немцами. Отец всегда много и честно трудился, пока имел на это право. Когда в 1914 г. разразилась Первая мировая война, он пошел в армию добровольцем. Вернулся с войны, всегда очень гордился полученным там Железным крестом. Моя мать, «к счастью», скончалась вскоре после прихода Гитлера к власти — в возрасте сорока пяти лет, в Берлине.

За лучшие годы юности я должен быть благодарен лесной школе у станции городской железной дороги Хеерштрассе. Это была первая в Германии школа совместного обучения, к тому же с продленным днем; там мы обедали, потом у нас был «мертвый час», уроки готовили там же, в школе; много занимались спортом. Дух этой школы сохранился настолько, что ее бывшие ученики до сих пор встречаются каждый год в Берлине.

Когда Гитлер пришел к власти, мне едва минуло шестнадцать лет. Всего через несколько дней СА и гестапо устроили обыск в нашей квартире. А в тот день, когда нам пришлось отвезти мою мать в больницу, из которой она уже не вышла, к нам явился вечером до зубов вооруженный штурмовик. Нас обвинили в том, что мы вынесли из дома «материалы враждебного содержания» — на носилках, на которых несли мать. Когда летом того же года отец пришел к убеждению, что СА особенно интересуется мной, он отправил меня во Францию.

Пятого сентября 1933 г. я приехал в Париж — беженец, не имеющий разрешения на работу. Однажды меня выселили из гостиницы — не было денег, чтобы заплатить за комнату. Хозяин не отдал мое имущество; у меня осталось только то, что было на мне. На ногах — гимнастические туфли, зимой в Париже это не сахар! Но когда молод, выкручиваешься из любых неприятностей как можешь и все опять устраивается. Париж стал моей второй родиной, но в то же время я хорошо понимал, что мне, еврею, в тогдашней Европе оставаться нельзя. Поэтому я вступил в «Гехалуц» — молодёжную сионистскую организацию, обучающую молодых людей для работы в сельском хозяйстве в Израиле — тогда еще Палестине. В начале 1935 г. в Париже выступал с докладами Альфред Дёблин. Кто-то из моих друзей, рассказывая мне об этом, вспомнил о присутствовавшей там очаровательной девушке из Германии. Я решил повидать как-нибудь это чудо, пошел туда, увидел ее и страстно влюбился. Друзьям я коротко объявил: «Женюсь на ней я!»

Девушка была из Гамбурга. Когда она сообщила семье, что мы подумываем о свадьбе, разразился такой скандал, что казалось — рухнет мир: я ведь был беднее нищего, мне не исполнилось и двадцати, у меня даже не было специальности. Семейство спроведило Веру в Стокгольм, чтобы развести нас подальше, но в шведской столице она выдержала только три месяца — и вернулась в Париж. Гамбургское семейство признало свое поражение и поставило только одно условие — я должен приобрести специальность. Я пошел на курсы дамских парикмахеров, окончил их и получил красивый диплом; теперь я, значит, мог делать Вере причёску. Седьмого ноября 1936 года мы зарегистрировали брак в мэрии 5-го округа Парижа.

Парижский «Гехалуц» послал нас сначала в учебное хозяйство, кибуц на юге Франции. В конце августа 1938 г. мы получили сертификат для переезда в Палестину и в начале сентября ступили на берег в тель-авивском порту. Работу нашли на апельсиновых плантациях в Гадере, Вера — на сборе и резке плодов, значит, только в сезон, но я получил постоянное место. Правда, хозяин не мог платить зарплату в срок, и от работы ломило спину, но зато мы были теперь как-то устроены.

В октябре 1939 г. на шестом месяце первой беременности Вера заболела, это был спинальный паралич. Сначала она полностью утратила подвижность, воспалившийся нерв вызывал сильные боли, каждое движение причиняло ей мучения. Ни в одну больницу Веру не брали. Нигде не было квалифицированных врачей и необходимого оборудования — дыхательных аппаратов или водяного матраца. В Гадере у нас была крохотная комнатка с кухней, «удобства» — метров за тридцать в саду. Не было электричества, только керосиновые лампы и керосинка. Мне пришлось уйти с работы, чтобы ухаживать за Верой. Врачи очень старались, но в те годы мало что знали о полиомиелите. Они обсуждали, не лучше ли прервать беременность. К счастью, в конце концов они от этого отказались; наша дочь, родившаяся в феврале 1940 г., теперь уже сама мать двух очаровательных девочек.

Моя сестра, жившая в Тель-Авиве, оставила работу и взяла ребенка к себе. А я учился делать Вере массаж и в течение двадцати двух месяцев занимался только уходом за ней. Пособия для безработных и по уходу за больным — этого хватало только на то, чтобы не умереть с голоду. В то время мы жили еще и под впечатлением несчастья с Вериней матерью. Незадолго до начала Второй мировой войны ей удалось уехать из Германии, но в Белграде она застряла и была схвачена нацистами. 30 марта 1942 г. ее убили вместе со многими другими. Она успела отправить нам свои вещи, и спустя долгое время, после множества проволочек, они прибыли. Я продавал их по одной, за гроши.

У Веры была железная воля, она хотела побороть свой недуг. Училась передвигаться по дому, делать какую-то работу. Ей приходилось целый день носить, даже в жаркую погоду, высокий ортопедический корсет. Выходить из дому она могла только с палкой и опираясь на мою руку. Когда я в первый раз вывез ее в инвалидном кресле на улицу, она расплакалась; тут она впервые полностью осознала, что никогда не сможет ходить, как все здоровые люди.

Через девять лет у нас родился еще сын. При родах дело шло о жизни и смерти Веры, но потом — она была горда, что на этот раз может сама пеленать ребенка. Когда здоровье Веры позволило оставлять ее одну, я стал искать место. Английскому правительству подмандатной территории требовались полицейские для охраны военных объектов. Я подал

заявление и после месячной волокиты в полиции Хайфы был назначен в охрану тамошнего аэропорта. Дежурил я по ночам, чтобы иметь возможность днем помогать Вере по хозяйству. На этой работе я пробыл четыре с половиной года.

Когда мне представилась возможность перейти в отдел по контролю цен в министерстве экономики, я за нее тут же ухватился. Несравнимо большая зарплата позволила нам впервые жить без постоянных мыслей о деньгах, а благодаря банковскому кредиту в 1946 г. мы смогли даже приобрести в собственность небольшую квартиру. Крохотную, но свою, и она стала для нас раем на Земле — нам не надо было больше снимать жилье. Когда было провозглашено государство Израиль, меня сразу перевели в новый контрольный аппарат, а когда борьба с экономическими преступлениями перешла в ведение полиции, мне присвоили офицерское звание.

В 1954 г. меня командировали на три с половиной года в США, и Вера с детьми поехала со мной. Там ее обследовали врачи-специалисты. Они сказали: «Госпожа Лесс, вы — медицинское чудо. Собственно говоря, все те движения, которыми вы на самом деле владеете, должны быть вам недоступны! Но вашему организму удалось каким-то образом справиться с перераспределением функций. Нам остается только пожелать вам беречь свои силы». Наверное, они были правы: в 1968 году состояние Веры стало ухудшаться, с 1974 года она все реже покидала инвалидное кресло, а в 1980-м умерла от кровоизлияния в мозг.

За двадцать лет до этого, 23 мая 1960 г. она была, несмотря на болезнь, еще в относительно хорошем состоянии. В тот день вечерние газеты вышли с аршинными заголовками, извещающими об аресте Эйхмана и о выступлении премьера Бен-Гуриона в кнессете; он сообщил, что Эйхман будет отвечать за свои преступления против еврейского народа перед судом, в Израиле. Ни одного гражданина Израиля, ни одного еврея в целом мире не могла оставить равнодушным эта весть. Да и был ли в Израиле дом, в котором не оплакивали погибших?

С одной стороны, я испытывал удовлетворение, с другой — страх при мысли, что едва зажившие раны снова открываются. Сколько ужасов, сколько слез вызовут воспоминания? Снова будут разбужены мысли и чувства, которые долго

подавлялись, предавались забвению. Но имеем ли мы право забыть страшное прошлое, не подвергая опасности будущее наших детей? До поздней ночи мы спорили об этом с Верой и близкими друзьями. На следующий день мой друг Иегуда Кауфман сказал, что он с удовольствием выступил бы на процессе Эйхмана. Мне же, напротив, такое претило — ведь миллионов убитых все равно не вернуть.

А на следующее утро, 25 мая, мне позвонил Шмуль Рот и сказал, что со мной хочет срочно поговорить генерал Зелингер. Он тогда был начальником полиции Хайфы и всего северного округа. В его служебном помещении я увидел полковника Эфраима Хофштеттер-Элорма, начальника Службы безопасности Тель-Авивского округа. Генерал Зелингер был для меня всегда образцом израильского полицейского, а полковник Хофштеттер-Элорм считался одним из лучших криминалистов страны.

Зелингер сказал: «Лесс, правительство доверило следствие по делу Эйхмана полиции. Я сейчас формирую группу офицеров, которая смогла бы подготовить процесс. Я решил поручить допросы самого Эйхмана вам. Это не будет легким делом и, по всей вероятности, оно продлится гораздо дольше трех месяцев. Вы согласны?»

Первой моей реакцией было — отказаться от такого предложения. Мне были отвратительны следы тех злодеяний, по которым придется идти. Заметив мои колебания, Зелингер сказал: «Лесс, я убежден, что вы — подходящий человек для допроса». После того как полковник Хофштеттер тоже насел на меня, я поборол свое нежелание; ведь кто-то же должен был взяться за эту работу.

Зелингер и Хофштеттер решили, что сферу следственных действий необходимо разделить по географическому признаку, то есть по каждой стране, где Эйхман и его аппарат участвовали в истреблении евреев, должен быть назначен следователь, владеющий языком этой страны. Поскольку Эйхмана предполагалось перевести в тюрьму, расположенную в окрестностях Хайфы, нашему «штабу» тоже пришлось перебраться в Хайфу. В заключение генерал Зелингер строго приказал нам соблюдать полную секретность; говорить о каких бы то ни было подробностях не разрешалось даже дома.

И в тот же вечер, когда я вышел из здания Главного управления полиции, ко мне прямо на улице обратился жур-

налист: «Капитан, я слышал, что вы состоите в группе, которой поручен допрос Эйхмана. Хотел бы спросить...» Я был изумлен — ведь я был уверен, что, кроме нескольких посвященных, никто ничего не знает. И ответил: «Единственное, о чем я готов с вами беседовать, это, пожалуй, погода». В это время из управления вышел майор. Журналист стал ему жаловаться, что я не соглашаюсь дать ему сведения хотя бы о себе самом. «Лесс, — сказал майор, оказавшийся официальным представителем полиции для контактов с прессой, — о себе ты ему можешь кое-что рассказать». Что я и сделал, хотя и в очень скромных рамках. А когда я вернулся домой, наша дочь в сильном возбуждении рассказала: она слышала по радио, что я войду в группу, которой предстоит вести следствие по делу Эйхмана. Так что кота выпустили из мешка, тайное все равно стало явным уже через час-другой. Местопребывание Эйхмана тоже стало потом «самым большим секретом» в Израиле — все знали, где он сидит, но никто не произносил ни слова.

Я получил директивы по моей части задания, которые кратко изложу.

Цель. Получить от обвиняемого исчерпывающие показания о его задачах и деятельности за время господства нацистов.

Подготовка. Мне передали все материалы, собранные у заместителя начальника следственной части в «бюро 06» (кодовое название нашей группы). Все сотрудники должны были знакомить меня со всеми документами, информацией, показаниями, которые могли быть полезны при допросе или требовали свидетельства, или подтверждения со стороны обвиняемого. Я должен был готовить заранее письменно все вопросы, которые собирался задать обвиняемому.

Допрос. Он будет записываться на магнитофонную ленту. Я должен фиксировать окончание каждого допроса и надписывать соответствующую ленту. Если я считал целесообразным, чтобы Эйхман дополнил свои добровольные показания письменно, и если он был согласен, я мог предоставить ему бумагу и письменный стол. При предъявлении ему документов я должен предлагать ему высказаться о них. Он имел право отказаться от этого.

Магнитофонная запись. После каждого допроса я должен сдавать ленту с записью заведующему архивом «бюро 06». Текст распечатают и будут хранить в сейфе, но предварительно он должен быть сверен Эйхманом и мной с магнитофонной записью. Исправления Эйхман должен вносить собственноручно; он должен заверять их и соответствие распечатки магнитофонной записи своей подписью.

Копии зачитываются в присутствии всех следователей с целью анализа и обсуждения. Все доказательные материалы (протоколы допросов, документы, показания свидетелей) должны переводиться на иврит.

Ни один человек в нашей группе не располагал к тому времени точными сведениями о Холокосте. Мы основывались на многочисленных книгах, которые доставал генерал Зелингер, копались в сорока двух томах Нюрнбергского процесса по делу главных военных преступников и в тысячах страниц последующих судебных процессов в Нюрнберге. Центр документации «Яд вашем» в Иерусалиме, его архив и научные сотрудники были в нашем распоряжении. Книга Рейтлингера «Окончательное решение» стала для нас чуть ли не Библией, незаменимыми были работы Полякова и «Терезиенштадт» Адлера. Мы просиживали дни и ночи и читали, читали, читали... Никто из нас не спал больше трех-четырёх часов. Мы были переутомлены, нервничали, иногда раздражались. То было мучительное время.

Первые важные материалы мы получили от Туви Фридмана, журналиста, по собственной инициативе основавшего в Хайфе центр документации. Он сам был жертвой нацистов в Польше. Необычайно ценным помощником оказался для нас бывший американский обвинитель на Нюрнбергских процессах д-р Роберт Кемпнер. Он стал нашим «серым кардиналом», а позже активно помогал израильской прокуратуре. Отовсюду, куда ни обращалось «бюро 06», приходили горы документов. Не получили мы никакой поддержки только из СССР.

Благодаря такой напряженной, иногда просто изнурительной работе наша группа под руководством Зелингера и Хофштеттера стала спаянным коллективом; возник особый *esprit de corps*, корпоративный дух, объединяющий нас и по

сей день. Если вначале Эйхман, благодаря своему знанию дел, озадачивал нас и ставил в тупик, то вскоре наступил день, когда мы уже знали о его делах больше, чем это могло ему нравиться. Доказательных материалов становилось все больше, с ними рос и объем обвинения. За 275 часов допросов, запротоколированных на 3564 страницах, я внес в него свою лепту, но это было бы невозможно без расследований, проведенных моими коллегами.

Читающему протоколы допросов надо знать, что следствие по уголовным делам в Израиле существенно отличается от западноевропейского. У нас действует британская процедура: полиция не подчинена прокуратуре и, следовательно, не может быть ее «рукой». Она ведет расследование от начала до конца сама и по собственному усмотрению, в рамках своих полномочий. Служащий полиции, ведущий расследование, не обладает правами судебного следователя. По окончании полицейского расследования все дело передается в прокуратуру, которая со своей стороны проверяет показания и доказательные материалы и, если не остается невыясненных вопросов, письменно возбуждает обвинение перед судом.

В отличие от процедуры в континентальных странах, наш следователь не имеет права подвергать подозреваемого в уголовном преступлении перекрестному допросу. Перед тем как начать собственно допрос, он обязан напомнить обвиняемому его права и обратить внимание на то, что давать показания он может только по доброй воле, без принуждения и что в случае судебного разбирательства их могут использовать. Следователь даже не имеет права сказать, что «все, что говорит обвиняемый, может быть использовано *против* него»; слово «против» может считаться угрозой, средством запугивания обвиняемого. В таких условиях довольно трудно допрашивать подозреваемого в преступлении. Следователь, стремясь получить дополнения и уточнения, может строить свои вопросы только на основе высказываний обвиняемого. Если обвиняемый, как это было в случае с Эйхманом, просит ставить вопросы, которые помогут ему освежить память, следователь, разумеется, вправе их задавать.

Все время, пока шло полицейское следствие по делу Эйхмана, «бюро 06» поддерживало тесную связь с генеральным прокурором Гидеоном Хаузнером и с Гавриилом Бахом,

ныне членом Верховного суда в Иерусалиме. Их следовало как можно быстрее знакомить со всеми материалами дела, так как правительство настаивало на скорейшем проведении судебного процесса, а они должны были подготовить обвинительное заключение. Чтобы расследовать все обстоятельства дела до конца и охватить все документы, потребовался бы еще год нашей работы. Мы, сотрудники «бюро 06», были крайне огорчены тем, что нам приходится заканчивать расследование в относительно короткие сроки. Но с другой стороны, расходы, которые приходилось нести государству в связи с делом Эйхмана, были весьма велики. Он был единственным заключенным большого тюремного комплекса; по соображениям безопасности остальных заключенных оттуда перевели. Кроме сотрудников «бюро 06» — а нас было тоже больше тридцати человек, — здесь находилось подразделение пограничной полиции, отвечавшее за безопасность.

Из этого же подразделения были надзиратели и охранники. Никто из них не знал немецкого или испанского языка, которыми владел Эйхман. Но от офицеров охраны требовалось знание хотя бы одного из этих языков. Ни у кого из группы охраны не должно было быть родственников, погибших в результате Холокоста; этим исключался мотив личной мести. Вся территория строгой охранялась днем и ночью, в том числе из тех соображений, что террористы могли предпринять попытку освободить Эйхмана.

Камера Эйхмана имела размеры приблизительно три на четыре метра. В ней были только узкая кровать, стол и стул. В темное время суток постоянно горел свет. Эйхман должен был сам ежедневно убирать камеру и находящееся перед ней помещение с душем и уборной. Он это делал старательно и охотно. Круглые сутки в камере находился охранник, за дверью камеры — еще один, наблюдавший через глазок за тем, чтобы между заключенным и сидящим внутри постовым не было никакого контакта. За этим вторым охранником наблюдал третий, сидящий за следующей дверью.

Эти меры предосторожности были направлены не столько на то, чтобы Эйхман не мог напасть на охранника в камере, сколько должны были исключить возможность самоубийства. Нас пугала сама мысль об этом; если бы такое ему действительно удалось, ни один человек в целом мире не по-

верил бы, что произошло самоубийство! И мы берегли его как зеницу ока. Когда в первые недели электрический свет мешал ему спать и он укрывался шерстяным одеялом с головой, охранник должен был каждый раз стягивать одеяло, чтобы убедиться, что заключенный под одеялом не причинил себе никакого вреда. Дважды в день наш полицейский врач обыскивал его с головы до ног.

Помещение для допросов было гораздо больше, чем камера Эйхмана, но тоже весьма скромно меблировано — большой длинный стол из военного имущества, по одному стулу с каждой длинной его стороны и широкий табурет, на котором стоял магнитофон; обслуживал его я. Я сидел лицом к двери, Эйхман напротив меня. Перед каждым стоял на столе микрофон, справа от меня на столе — телефон.

Я никогда не оставался с Эйхманом вдвоем. Все допросы совершались по строго определенному ритуалу. Из здания, где находилось «бюро 06» я входил через ворота во внутреннюю часть тюрьмы. Перед этим руководство охраной сообщало часовому о моем прибытии. Я предъявлял удостоверение, охранник пропускал меня. Я пересекал внутренний двор, окруженный стеной, и через одноэтажный комплекс тюремных камер проходил в помещение для допросов. Там раскладывал бумаги и документы, ставил магнитофонную ленту и звонил по телефону офицеру охраны, чтобы привели арестанта.

Когда Эйхмана вели на допрос, впереди шел отвечающий за эту процедуру офицер. За ним — два надзирателя, между которыми шел Эйхман. Он становился за своим стулом по стойке «смирно», пока я не предлагал ему сесть. Хотя я в первые же дни сказал ему, что это соблюдение формы мне не нужно, он следовал ему по-прежнему. Может быть, это была привычка, от которой он не мог отделаться, или же он поступал так, чтобы продемонстрировать, что и через 15 лет после капитуляции Германии он хочет, чтобы с ним обращались как с солдатом.

Дежурный офицер приказывал надзирателю занять стул перед окном, еще один надзиратель садился в проеме открытой двери. Обязанностью охранника у окна было наблюдать за нами двумя, сидящими по обе стороны стола; надзиратель в дверях охранял его самого. Оба они не понимали ни слова из того, что говорили я и Эйхман. Наша беседа начиналась

только после того, как дежурный офицер покидал помещение. Через каждые два часа он возвращался, чтобы сменить надзирателей, или приходил по моему телефонному звонку, когда допрос или сверка записи заканчивались.

Со временем я заметил, что когда Эйхман отвечает: «Нет! Нет! Никогда, господин капитан...» или «Этого не было! Никогда!» — он всегда лжет. И в таких случаях я всегда обращался к коллегам с просьбой о поисках дополнительных материалов по таким нервнующим арестанта пунктам. Нередко удавалось что-то найти, и благодаря настойчивости коллег у меня появлялась возможность предъявить на одном из следующих допросов новые документы. Когда я зачитывал Эйхману отрывки из книги «Комендант Освенцима», написанной пресловутым начальником концлагеря Гёссом, Эйхман явно нервничал. Он отрицал все обвинения на том основании, что не имел ни малейшего влияния на происшедшее в лагерях; с язвительным смешком то и дело пытался принизить суть показаний Гёсса, но дрожащие руки выдавали его страх.

Девятого октября 1960 г. в помещение, где происходил допрос, вошел начальник тюрьмы полковник Оффер и сообщил Эйхману, что сегодня ожидается прибытие из Кельна защитника д-ра Серватиуса. Через два дня при просмотре очередной распечатки протокола Эйхман, возбужденный первым свиданием с адвокатом, рассказал мне, что представлял себе Серватиуса именно таким, как он выглядит. Что он производит впечатление весьма компетентного человека. Ведь во время Нюрнбергских процессов он должен был набраться большого опыта по таким делам. Это пригодится ему, Эйхману, он ведь понимает серьезность положения и не строит иллюзий. Во всяком случае, его судебный процесс будет историческим событием высшего разряда; не так важна его личность, как «исторические факторы». А сам он ведь только «маленькое колесико» в гигантской гитлеровской машине...

Я возразил, что на самом деле коренным вопросом процесса будет — а не был ли он как раз «маховиком» безжалостной машины уничтожения. Но это вопрос, решить который не может ни он, ни я; на него должен ответить суд.

Спустя примерно месяц я предъявил Эйхману документ, датированный 21 сентября 1939 г., когда в Польше еще шли

бои. Речь в нем шла о совещании с его участием, на котором было принято решение о «геттоизации» в Польше всех евреев — как первой стадии «окончательного решения». Именно это Эйхман категорически отрицал ранее. Необходимость признать, что он уже с сентября 1939 г. знал о плане массового уничтожения евреев, была для него заметным ударом. Документ совершенно лишил его аппетита; в тот день он не притронулся к обеду. Обычно же съедал без остатка.

Когда мы сверяли одну из последних записей в феврале 1961 г., дежурный офицер привел в комнату, где происходил допрос, нашего фотографа Гербера. Когда тот устанавливал свой аппарат, Эйхман вопрошающе смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Я сказал: «Я думаю, нас хотят сфотографировать». Эйхман застегнул верхнюю пуговицу рубашки, сказал «А, хорошо», вытянулся по струнке на своем стуле и сделал серьезное задумчивое выражение лица. Он был тщеславен и хотел войти в историю с видом значительной личности.

Через два месяца после последнего допроса Эйхман предстал в Иерусалиме перед судьями. Государство Израиль оплатило его защиту. Судебный процесс был поучительно корректен. Ни одной из жертв Эйхмана такого на долю не выпало.

Авнер В. Лесс

העמותה לקליטה עמית
רח"ל ל פרץ 20 חובה 18
ספר 7
8487

Ланг Й. фон

Л22 Протоколы Эйхмана. Магнитофонные записи допросов в Израиле: Пер. с нем. М.Черненко. — М.: Текст, 2002. — 285 с.

ISBN 5-7516-0325-7

Впервые на русском языке публикуется уникальный исторический документ — протоколы допросов Адольфа Эйхмана, одного из главных нацистских преступников, начальника «еврейского отдела» гестапо. После поражения Германии во Второй мировой войне создатель механизма «окончательного решения еврейского вопроса» в оккупированной Гитлером Европе укрылся в Аргентине, но был найден израильскими спецслужбами и предстал перед судом. За долгие месяцы судебного процесса не раз звучал вопрос: неужели этот скромный исполнительный чиновник, образцовый отец и любящий сын повинен в гибели миллионов? Процесс проходил в соответствии с законом. В декабре 1961 года Эйхман был приговорен к смертной казни.

ББК 63.3(0)62

ЙОХЕН ФОН ЛАНГ
ПРОТОКОЛЫ ЭЙХМАНА

**Магнитофонные записи
допросов в Израиле**

Художник А.П.Ивашенко
Редактор В.И.Генкин

Лицензия ИД № 03308 от 20.11.2000
Подписано в печать 19.08.02. Формат 84 × 108/32.
Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 16,15. Тираж 3000 экз. Изд. № 416.
Заказ № 6889

Издательство «Текст»
125299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1
Тел./факс: (095) 150-04-82
E-mail: textpubl@mtu-net.ru
<http://www.mtu-net.ru/textpubl>
Представитель в Санкт-Петербурге: (812) 311-96-31

«Дом еврейской книги»
121069 Москва, ул. Большая Никитская, д. 47, стр. 3
Тел./факс: (095) 291-43-01
E-mail: sifriya@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, 93
OCR Давид Титиевский. август 2021 г., Хайфа

Впервые на русском языке публикуется уникальный исторический документ – протоколы допросов Адольфа Эйхмана, одного из главных нацистских преступников, начальника «еврейского отдела» гестапо.

После поражения Германии во Второй мировой войне Адольф Эйхман, создатель механизма «окончательного решения еврейского вопроса», укрылся в Аргентине, но был найден израильскими спецслужбами и вывезен в Израиль. Там он предстал перед судом и был казнен. За долгие месяцы процесса не раз звучал вопрос: неужели этот скромный чиновник, образцовый отец и любящий сын повинен в гибели миллионов?

ISBN 5-7516-0325-7

9 785751 603250

